

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

А. С. Бреславский

НЕЗАПЛАНИРОВАННЫЕ ПРИГОРОДЫ:
сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ
в постсоветский период

Улан-Удэ
Издательство БНЦ СО РАН
2014

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch of the Russian Academy of Science

A. S. Breslavsky

UNPLANNED SUBURBS:
Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude
in the Post-Soviet Period

Ulan-Ude
Publishing House of BSC SB RAS
2014

УДК 3 25.111(571.54)

ББК 60.7(2P54)

Б 87

Научный редактор

М.Н. Балдано, доктор исторических наук

Рецензенты

Т.Г. Нефедова, доктор географических наук

Е.Г. Трубина, доктор философских наук

К. Хамфри, PhD

В.Г. Жалсанова, кандидат социологических наук

Бреславский А.С.

Б 87 Незапланированные пригороды: сельско-городская
миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч.
ред. М.Н. Балдано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 192 с.

ISBN 978-5-7925-0420-2

В работе рассмотрены процессы формирования пригородной зоны одного из крупных городов Восточной Сибири – Улан-Удэ (столица Республики Бурятия). Процессы субурбанизации региона изучены в контексте развития городов на всем постсоветском пространстве и глобального разнообразия пригородов в целом.

Книга может быть востребована социологами, демографами, географами, экономистами и всеми, кого интересуют современные процессы городского развития в России.

УДК 3 25.111(571.54)

ББК 60.7(2P54)

Breslavsky A.S.

Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the
Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period / ed. by M.N. Baldano. –
Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS, 2014. – 192 p.

The author analyses the processes of formation of the suburban area of one of the major cities of Eastern Siberia - Ulan-Ude (the capital of the Republic of Buryatia). Processes of suburbanization of the region were studied by author in the context of urban development in the post-soviet space. The book is of interest to sociologists, demographers, geographers, economists and those, who are interested in present processes of urban development in Russia.

© А.С. Бреславский, 2014

© ИМБТ СО РАН, 2014

© Изд-во БНЦ СО РАН, 2014

ISBN 978-5-7925-0420-2

Оглавление

От автора.....	5
Введение. Глобальное разнообразие пригородов и их изучение в России и за рубежом.....	9
Глава 1. Город и регион: историко-демографический контекст.....	43
1.1. Город с большой буквы? Улан-Удэ в пространстве республики.....	43
1.2. Улан-Удэ: старые и новые сегменты пригородной зоны.....	62
1.3. Сельчане едут в город: практики расселения в Улан-Удэ.....	93
Глава 2. Пригороды Улан-Удэ: люди, отношения, власть.....	108
2.1. Кто и как осваивает пригороды Улан-Удэ?.....	108
2.2. Поселения: сельские по форме, городские по содержанию?.....	133
2.3. Пригородная зона: есть ли будущее у «деревенской агломерации»?.....	152
Заключение.....	164
Библиографический список.....	176

От автора

В феврале 2014 года мне довелось попасть на незапланированную встречу Главы традиционной буддийской Сангхи России Пандидо Хамбо-ламы Д. Аюшеева с одним японским журналистом, которая проходила в Иволгинском дацане. Когда Хамбо-лама попросил меня представиться и рассказать о себе, я сказал, что интересуюсь, в частности, проблемами роста пригородных поселений Улан-Удэ¹. На это он в характерной для него манере ответил, что в Улан-Удэ только пригороды и растут. Ирония этой фразы будет понятна большинству горожан, ставших свидетелями широкомасштабной застройки окраинных и пригородных территорий Улан-Удэ частными домами в течение последних 5-7 лет. Город все более обрастает тем, что, по удачному, на мой взгляд, определению одного из журналистов, можно назвать «деревенской агломерацией»². Смысл этой книги однако не в том, чтобы анализировать ярлыки и мнения о современных улан-удэнских пригородах, которые подчас диаметрально противоположны. Главное, чего мне хотелось добиться, – представить в ней эмпирические материалы для широкого обсуждения проблем и перспектив развития этих территорий.

¹ Улан-Удэ – один из крупных городов и транспортных узлов Восточной Сибири, столица многонациональной Республики Бурятия. Основан в 1666 г. Численность населения: 421453 чел. (на 01.01.2014).

² Балтатарова, Е. Берег забвения / Е. Балтатарова // Информ Полис. – 2013. – 9 янв. – Режим доступа: http://gazeta-n1.ru/blogs/Eugene_Baltatarova/18855/ (дата обращения: 03.04.2013).

В тексте речь пойдет именно о *пригородах* (а не городских окраинах Улан-Удэ), то есть территориях, которые формально не входят в состав городского округа, имеют собственные органы самоуправления и бюджет. В случае с Улан-Удэ – это поселения трех районов Бурятии: Иволгинского, Тарбагатайского и Заиграевского, расположенные вблизи столицы республики. В отношении термина «пригород» также сразу отмечу, что его использование было продиктовано «полем»: сами местные жители широко используют его в ежедневной практике³.

Текст этой книги опирается на серию авторских социологических исследований в пригородной зоне Улан-Удэ в 2010-2014 гг. Эта работа и в целом включение в данное предметное поле привели меня к нескольким значимым выводам, которые хотелось бы обозначить сразу. Во-первых, сегодня все мы являемся свидетелями нового этапа в развитии крупных городов по всей нашей стране. Речь идет о *массовом возникновении пригородных поселений и зарождении пригородной жизни* в том ее понимании, которое уже несколько десятилетий является привычным как минимум в западном мире. Во-вторых, пригороды Улан-Удэ по характеру их освоения и заселения, инфраструктуре, очевидно, отличаются от пригородов других отечественных городов, также как российские пригороды отличаются от пригородов США, Бразилии, Индии и т.д. В-третьих, несмотря на активный рост числа и разнообразия пригородных поселений, увеличение их населения, процессы субурбанизации (роста пригородных зон крупных городов) в России все еще не стали предметом активных исследований среди отечественных ученых. Не стали они пока и объектом специального административного регулирования.

³ Перед исследователем в той или иной стране встает вопрос, каким термином обозначить эти территории. В ряде стран существуют свои местные наименования, связанные с локальной историей и культурой: *banlieue* во Франции, *danwei* в Китае, *desakota* в странах Южной Азии, *gecekondu* в Турции и т.п. С точки зрения современной России и Бурятии, в частности, наиболее удачным, по всей видимости, будет именно термин *пригород* (suburb).

Пригороды Улан-Удэ пробуждают особый исследовательский интерес по многим причинам. Находясь на границе между «городом» и «деревней», они представляют собой весьма специфическое пространство, в котором активно конструируются новые формы социальных взаимоотношений, экономики, быта и идентичности местных жителей, называемые «пригородной жизнью». Работая с историческим и социологическим материалом, в книге я постарался дать микросрез этой жизни, погрузив его в более широкий социально-демографический контекст. Что представляют собой улан-удэнские пригороды? Отличаются ли они от пригородов других отечественных городов? Какое место они занимают в глобальной разнообразии пригородов? В действительности, в этом предметном поле очень много интересных и важных вопросов!

Незапланированные пригороды... Поскольку новые пригороды Улан-Удэ по большому счету не явились результатом специального проектирования и планирования, появились в известной степени спонтанно, сегодня их сложно оценивать как удачный или неудачный административный проект. Поэтому в исследовании мне показалось интересным взглянуть на них не сколько с точки зрения успехов и неудач городского планирования, сколько с позиции самих местных жителей. Чем пригороды стали для них? Какую роль сыграли и играют в их жизни? Такой акцент позволил понять, что современные пригороды Улан-Удэ – это не только клубок социальных, инфраструктурных проблем и противоречий, но и возможность для многих семей сохранить свою связь с городом, включиться в его жизнь и пространство его социальных возможностей. Об этом нам не следует забывать.

Структура книги такова: в первой главе будет рассмотрен социально-демографический контекст формирования Улан-Удэ и его пригородных поселений – показаны наиболее общие условия, в которых они развивались; будут определены основные сегменты пригородной зоны, а также особенности расселения сельских мигрантов в черте города. Во второй главе мы выясним, где находится источник освоения пригородных территорий Улан-Удэ, кто их осваивает, оценим изменения в инфра-

структуре и внешнем облике пригородных поселений, задумаемся о противоречиях в управлении этими поселениями, перспективах их развития и мерах по их поддержке.

Благодарности

Мне хотелось бы выразить признательность коллегам из Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, с которыми я обсуждал основные итоги и программу исследования. Особая благодарность – Марине Намжиловне Балдано, выступившей научным редактором и сделавшей ряд значимых замечаний, учтенных мной при подготовке книги к изданию. Отдельные слова благодарности – Дамдину Доржиевичу Бада-раеву и Валентине Гурожарповне Жалсановой, советы которых позволили мне выйти на новые исследовательские вопросы и уточнить отдельные выводы. Я благодарен Николаю Владимировичу Цыремпилову за возможность дважды обсудить предварительные результаты исследования на публичных семинарах журнала Тартария Магна (<http://www.tartaria-magna.ru/>). Вопросы от коллег на этих семинарах побудили меня более пристально взглянуть в панораму глобального разнообразия пригородов, задуматься о том, в какие модели пригородного развития встраивается случай Улан-Удэ.

Я также крайне признателен коллегам из Иркутского межрегионального института общественных наук, участникам сетевых проектов этого института, внимание и замечания которых позволили мне критически осмыслить итоги своей работы в 2010-2013 гг. Глубоко признателен руководителю наших проектов – Виктору Иннокентьевичу Дятлову, а также еще одному своему иркутскому коллеге – Константину Вадимовичу Григоричеву, в обсуждениях с которым собственно и родилась идея самого исследования, его основные вопросы. Именно по его инициативе была проведена основная часть исследования.

ВВЕДЕНИЕ

Глобальное разнообразие пригородов и их изучение в России и за рубежом

В России, массово урбанизированной в советские годы, процессы субурбанизации – роста пригородных зон крупных городов – получили активное развитие в основном лишь в последние 15-20 лет. Постепенно, вслед за Москвой, Санкт-Петербургом и другими городами-миллионерами, население которых в постсоветский период в основном лишь росло, в эти процессы оказались вовлечены и региональные центры – столицы республик, областей, краев и пр. По общероссийской тенденции за последние 20 лет они активно стягивали население из близлежащих сельских поселений и городов, менее ресурсных с точки зрения рынка труда, развитости экономики, образовательной и культурной инфраструктуры⁴. При том, что сего-

⁴ Более подробно об основных тенденциях внутренней миграции в России см.: *Мкртчян, Н.В.* Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее / Н.В. Мкртчян // Россия перед лицом демографических вызовов. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации-2008. – М.: UNDP, 2009. – С. 80-96; *Он же.* Внутренняя миграция в России // Миграция в России 2000-2012. Хрестоматия в 3 томах / сост.: Н.В. Мкртчян, Е.В. Тюрюканова; отв. ред.: Ж.А. Зайончковская. – Т.1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. – М.: Спецкнига, 2013. – С. 589-601; *Алешковский, И.А.* Внутренняя миграция в современной России: тенденции,

дня субурбанизация в регионах России принимает все большие масштабы, «обретая свое лицо», пока мы не имеем возможности проводить широкие сопоставительные, сравнительные исследования российских пригородов, поскольку региональных исследований по этой тематике практически нет. Решить эту ситуацию способны широкие эмпирические обследования в регионах и, прежде всего, в региональных столицах. Именно эмпирика даст возможность выстраивать аналитические, сопоставительные модели отечественной субурбанизации, о которых сегодня мы знаем крайне мало.

Для чего нам необходимо изучать пригороды? И пригороды Улан-Удэ, в частности? С академической точки зрения, своевременный сбор и анализ новых знаний о быстро меняющемся облике российских пригородов позволяют поддерживать преемственность в развитии городской истории и теории, дают возможность отделить одни формы пригородов от других, задуматься об общих и локальных тенденциях в их развитии. С прикладной, управленческой точки зрения, изучение пригородов дает возможность взглянуть на них как на объект городской экономики и планирования. Изучение пригородных территорий, которые множественными связями соединены с городом, является стратегической задачей. Вне зависимости от того, станут ли эти территории городскими или нет, они обычно оказывают серьезное воздействие на городскую инфраструктуру, рынок труда, транспортные коммуникации и т.д. Игнорирование этих вопросов приводит к трудноразрешимым ситуациям, обострение которых – лишь дело времени. Вот почему детальное изучение различных аспектов развития пригородных территорий (численность, структура и занятость местного и прибывающего населения, инфраструктурное развитие поселений, структура местной экономики, особенности потребления, локальной культуры и пр.) так важно.

Чем интересны улан-удэнские пригороды? Во всем мире и особенно в развивающихся странах Азии, Африки и Южной

Америки наблюдается активный рост городов за счет пригородных территорий. В разных уголках планеты это происходит по-разному, что позволяет говорить о множественности моделей субурбанизации и разнообразии форм пригородных поселений и пригородной жизни в целом. Является ли случай Улан-Удэ чем-то глубоко специфичным, завязанным на локальной истории и культуре? Или он демонстрирует много общего с другими городами Сибири, России, постсоциалистического мира, с современными городами в различных частях Азии, Америки, Африки и Европы? Ответ на эти сложные вопросы предполагает решение как минимум двух задач: первой – разобраться в глобальном разнообразии пригородов, второй – изучить Улан-Удэ и его пригородную зону. Начнем с первой задачи.

Глобальное разнообразие пригородов и его изучение за рубежом

Пригороды в качестве специфического социально-экономического и культурного явления уже несколько десятилетий являются предметом разнообразных исследований в англоязычном мире. Если до конца XX в. исследовательские центры были сосредоточены преимущественно в Западной Европе и США (на «исторической родине пригородов»⁵), то сегодня проблемы субурбанизации стали активно изучаться во всем мире: география сети специалистов и самих исследований активно расширяется⁶. Количество работ, учитываемых в системе

⁵ Традиционно считается, что первые пригороды в современном, а не средневековом понимании возникли в Великобритании (вблизи Лондона), а затем получили развитие в Европе и особенно в США: Carr, C.M.H., Whitehand, J.W.R. *Twentieth-Century Suburbs: a Morphological Approach* (Planning, History and Environment Series) / C.M.H. Carr, J.W.R. Whitehand. – London: Routledge, 2001. – P. 1-17; Jackson, K.T. *Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States*. – Oxford: Oxford University Press, 1985. – 398 p.

⁶ См., например, следующие тематические сборники (выпуски) научных статей, в которых представлен географически разнообразный перечень современных исследований пригородов в разных частях ми-

Web of Science, в названиях (или аннотациях) которых присутствует слово «пригород», в последние три десятилетия лишь росло. Около 100 работ в год выходило в конце 1970-1980-х гг., 240 – в 1990-х гг. и 380 – ежегодно в течение 2000-х гг.⁷

Наиболее длительные традиции в изучении пригородов сложились в Великобритании и США. Знакомство со ставшими классическими трудами английских и американских авторов позволяет понять, какую роль пригороды сыграли в городской истории европейских стран, а также (и в особенности) Соединенных Штатов Америки⁸. Надо сказать, что именно американские пригороды стали объектом наибольшего количества исследований в этой области. Подсчитано, что в период с 1975 по 2009 гг. в системе Web of Science 67 % научных статей о пригородах касались именно США⁹. И это не удивительно, поскольку масштабы субурбанизации в этой стране в XX в. превысили все мировые рекорды, сделав Америку «страной пригородов» – государством, в котором они стали не только значимым символом национальной культуры, но и основным местом жительства граждан¹⁰. Американские пригороды, долгое время счи-

па: *Suburban Form: An International Perspective* Paperback / ed. by Brenda Case Scheer, Kiril Stanilov. – New York: Routledge, 2005. – 272 p.; *Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society* / ed. by Mark Clapson, Ray Hutchison. – 2010. – Vol. 10; *International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World?* / ed. by N.A. Phelps, F. Wu. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – 289 p.; *New Suburban Stories* / ed. by Martin Dines, Timotheus Vermeulen. – London: Bloomsbury Academic, 2013. – 256 p.;

⁷ Harris, R. *Meaningful Types in a World of Suburbs* / R. Harris // *Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society...* P. 16.

⁸ См., например: *Jackson, K.T. Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States* / K.T. Jackson. – Oxford: Oxford University Press, 1985. – 398 p.; *Fishman, R. Bourgeois Utopias: The Rise and Fall of Suburbia* / R. Fishman. – New York: Basic Books, 1987. – 241 p.; *Hayden, D. Building Suburbia: Green Fields and Urban Growth, 1820-2000* / D. Hayden. – New York: Vintage Books, 2004. – 318 p.

⁹ Harris, R. *Meaningful types in a world of suburbs...* P. 17.

¹⁰ В частности, перепись населения США 1980 г. показала, что более 40% населения страны, или более чем 100 миллионов человек,

тавшиеся олицетворением «американской мечты» о собственном доме с лужайкой и автомобилем, обителю «белого» «среднего класса», постепенно изменились вместе со всем американским обществом. Сегодня в число наиболее актуальных тем исследований пригородной жизни в США наряду с вопросами государственного регулирования, демографии, архитектуры вошли проблемы бедности и преступности, расовые и межконфессиональные проблемы¹¹. Надо сказать, что пригороды США оставили за собой первенство в количестве научных исследований, посвященных проблемам их развития, оставляя позади страны Западной Европы, Канаду, Новую Зеландию, Австралию и все страны Глобального Юга¹².

Одновременно с этим в мировом научном сообществе все более нарастает понимание того, что изучение пригородов в разных уголках мира невозможно с опорой лишь на англо-американскую парадигму, выработанную на «классических» примерах США и стран Западной Европы. Но эта парадигма все же продолжает доминировать в современных городских иссле-

проживает в пригороде, и это больше, чем проживало тогда в сельской местности или в центральных городах. См.: *Jackson, K.T. Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States...* P. 4.

¹¹ Об этом смотрите, например: *Duaney A., Plater-Zyberk E., Speck J. Suburban Nation: The Rise of Sprawl and the Decline of the American Dream* / A. Duaney, E. Plater-Zyberk, J. Speck. – New York: North Point Press, 2000. – 290 p.; *Hanlon B., Short J.R., Vicino T.J. Cities and Suburbs: New Metropolitan Realities in the US* / B. Hanlon, J.R. Short, T.J. Vicino. – New York: Routledge, 2009. – 288 p.; *Orfield, M. American Metropolitcs: The New Suburban Reality* / M. Orfield. – Washington DC: Brookings Institution Press, 2002. – 222 p.

¹² Условное разделение мира на Глобальный Север и Юг, активно используемое в западных городских исследованиях, связано с усиливающимся противоречием между развитыми, богатыми странами Севера (США, Канада, Западная Европа, Япония и пр.) и развивающимися странами Юга (почти все страны Латинской Америки, Африки и Азии).

дованиях¹³. Это доминирование проявляется, допустим, в том, что до сих пор внеамериканский опыт субурбанизации рассматривается, интерпретируется исследователями как своего рода «отклонение» от американской «идеальной» модели развития пригородов¹⁴. Также вплоть до последнего времени (конца 2000-х гг.) в зарубежной урбанистике, богатой на обобщающие, обзорные, сравнительные исследования, проблемы пригородов развивающихся стран не были так актуальны и часто игнорировались. В большинстве крупных обзоров городских исследований тематика пригородов до сих пор звучит по-прежнему менее явно, чем собственно городская проблематика¹⁵.

Вполне резонным в этой связи кажется вопрос канадца Ричарда Харриса о том, «что мы можем узнать об опыте современной субурбанизации в Африке, Азии [...] из исследований, которые в значительной степени опирались на англо-американский контекст? Должны ли мы искать новую парадигму для понимания субурбанизации в начале двадцать первого века? Должны ли мы обратиться к новым направлениям пригородных исследований за пределами англо-американского опыта?», который он задал еще в 1998 г.¹⁶. Утвердительный ответ на этот вопрос опирается на все более расширяющуюся географию *suburban studies*, вскрывающих разнообразие форм

¹³ См., например: *Clapson M., Hutchison R. Introduction: Suburbanization in Global Society* / M. Clapson, R. Hutchison // *Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society...* P. 1-14.

¹⁴ См., например, работы: *Zhou Y.X., Ma L.J.C. Economic Restructuring and Suburbanization in China* / Y.X. Zhou, L.J.C. Ma // *Urban Geography*. – 2000. – Vol. 21. – P. 205-236. В ней авторы говорят об американской модели пригородов как о "зрелой", а о китайской – как о "зарождающейся".

¹⁵ См., например, издание 2014 г., посвященное городам Глобального Юга: *The Routledge Handbook on Cities of the Global South* / ed. by S.Parnell, S. Oldfield. – New York: Routledge, 2014. – 636 p.

¹⁶ *Harris R., Lewis R. Constructing a Fault(y) Zone: Misrepresentations of American Cities and Suburbs, 1900-1950* / R. Harris, R. Lewis // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1998. – № 88(4). – P. 622-639.

пригородной жизни и условий их возникновения вне англо-американского мира (и шире – Глобального Севера).

Одним из первых ученых, заявивших о необходимости более активного изучения городов Глобального Юга, стала также Дженни Робинсон, работы которой призывали к более широкому освещению опыта городского развития в странах Южной Америки, Азии и Африки¹⁷. Именно в этих странах сегодня наиболее активно происходит рост населения (мира) и разворачиваются процессы урбанизации и субурбанизации. Подобные побудительные заявления западных урбанистов способствовали в итоге более интенсивной международной интеграции исследователей пригородов и расширению географии их исследований в развивающихся странах в последние 10-15 лет¹⁸.

Исторические исследования и исследования современности стран Глобального Юга позволили переосмыслить некоторые «догмы» англо-американской модели: убеждение, что формирование пригородов основано на личном выборе (в то время

¹⁷ См., например: *Robinson, J. Global and World Cities. A View from off the Map* / J. Robinson // *International Journal of Urban and Regional Research*. – 2002. – № 26(3). – P. 531-554; *Robinson, J. Ordinary cities. Between modernity and development* / J. Robinson. – London: Routledge, 2005. – 204 p.

¹⁸ За последние два десятилетия значительно расширился спектр культурологических исследований в этой области. Среди активно действующих сегодня институализированных центров по изучению культуры пригородов выделим Национальный центр пригородных исследований при университете Хофстра (США), университет Эксетера, Кингстонский университет (Великобритания), Университет Витватерсранда (ЮАР), университет Гриффита (Австралия), Ирландский национальный университет (Ирландия). Данные учреждения с 2011 г. объединены в Международную исследовательскую сеть «Культуры пригородов», поддерживающую научные мероприятия, связанные с культурной жизнью пригородов. Основные исследовательские интересы участников этой сети выстраиваются вокруг следующих тем: культурные репрезентации/интерпретации пригородов, история и историография пригородной жизни, пригородные идентичности (этничность, сексуальность, гендер, класс), пригородный образ жизни, влияние новых технологий на жизнь в пригороде.

как часто они формируются вследствие вынужденного переселения: из-за войн, голода и т.п.), что источником их развития выступает городское сообщество (при том, что во многих странах пригороды формировались и формируются сегодня в результате сельско-городской миграции). Наконец, то, что многие скваттерские (самовольные) поселения (*squatter settlements*) могут получить привлекательный облик и привлечь средний класс и бизнес.

С точки зрения содержания проводимых исследований, отметим, что в большинстве известных нам работ о пригородах в развивающихся странах на первый план выходят две проблемы: проблемы бедности и скваттерских (самовольных) поселений¹⁹. И здесь важно отметить, что в англо-американской традиции изучения пригородов существует устойчивое разделение собственно пригородов (*suburbs*) и скваттерских поселений, которые в исследованиях «де факто» не считаются пригородами. Кроме того, подразумевается, что первый тип периферийного развития характерен для городов развитых стран, а второй – для развивающихся стран. Такая позиция при этом уже получила свою оппозицию²⁰.

В контексте нашего исследования пригородной зоны Улан-Удэ эти тезисы крайне актуальны, хотя и должны быть приняты с определенными оговорками. Эти оговорки связаны не только с российской спецификой и особенностями Бурятии как национального и периферийного региона страны, но и со всем постсоветским пространством в целом. Исследования пригородов,

¹⁹ См., например: *Davis, M. Planet of Slums* / M. Davis. – London: Verso, 2006. – 228 p.; *Huchzermeyer, M. Unlawful Occupation. Informal Settlements and Urban Policy in South Africa and Brazil* / M. Huchzermeyer. – Trenton, NJ: Africa World Press, 2004. – 275 p.; *Neuwirth, R. Shadow Cities. A Billion Squatters. A New World* / R. Neuwirth. – New York: Routledge, 2006. – 352 p.; *Tsenkova S., Potsiou, C., Badina A. Self-made Cities. Informal Settlements in the UNECE Region* / S. Tsenkova, C. Potsiou, A. Badina. – Geneva: United Nations Economic Commission for Europe. – 2009. – 113 p.

²⁰ См., например: *Harris, R. Meaningful Types in a World of Suburbs...* P. 21-22.

выполненные в странах бывшего социалистического лагеря, выявляют во многом сходные тенденции в городском развитии этих государств²¹. Так, как минимум с середины 1990-х гг. процессы субурбанизации (роста пригородных зон) стали определяющим фактором в развитии многих городов Восточной Европы. Недавние исследования в Европе выявили, что города Эстонии, Хорватии, Латвии, Словакии, Польши, Венгрии и Болгарии по темпам субурбанизации превзошли города Западной Европы²². Это не в последнюю очередь связано с ослаблением государственного контроля за городским развитием в посткоммунистических странах, что было особенно характерно для стран бывшего СССР. Однако если большая часть восточно-европейских стран и страны Балтии достаточно быстро взяли под контроль процессы субурбанизации (в конце 1990-х - середине 2000-х гг.), то во многих постсоветских странах Центральной Азии, а также в России процессы городской и пригородной застройки буквально до последних лет развивались подчас стихийно, в логике рыночных отношений, не всегда положительно влияющих на развитие этих территорий.

Современную Россию с большинством стран СНГ объединяет массовое переселение сельских жителей в крупные и средние города, развитие частного сектора на городской периферии после многих лет государственных ограничений. Пожалуй, именно характер миграции и отличает постсоветские города от западных, для которых в последние десятилетия было характерно превалирование внешней, а не внутренней миграции. В отношении новых независимых государств, образовавшихся после распада СССР, интересным кажется замечание Н.П. Космарской, которая отмечает, что жизнь городов на пространстве бывшего СССР развивалась под воздействием двух важнейших факторов, нетипичных для городов Запада. Речь идет о не имеющих аналога на Западе мощных трансформациях «бытия» и

²¹ См., например: *Stanilov K., Hirt S. Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989-2009* / K. Stanilov, S. Hirt. – Nairobi: UN Habitat, 2009. – 166 p.

²² Ibid. – P. 87.

«сознания», вызванных распадом СССР, и значительном воздействии на эти города внутренней миграции – миграции относительно близких по культуре сограждан, а не внешней, ставшей вызовом для Запада с послевоенных времен²³. Эти тезисы, связанные с массовыми миграциями сельских жителей в крупные города находят отражение в исследованиях, касающихся, допустим, Кыргызстана (и развития пригородов Бишкека)²⁴, Казахстана (Астана)²⁵, Республики Беларусь (Минск)²⁶, Монголии (Улан-Батор)²⁷ и других стран бывшего социалистического блока.

Отдельно выделим китайские исследования пригородных поселений. Это обязывает сделать не только географическая и в недавнем прошлом политическая близость этой страны с Россией, но и то обстоятельство, что именно Китай сегодня входит в число стран, в которых пригородные исследования за последние 2-3 десятилетия получили наибольшее развитие. Процессы субурбанизации, как отмечают отдельные китайские ученые,

²³ См.: Космарская, Н.П. Исследования города / Н.П. Космарская // Антропологический форум. – 2010. – № 12. – С. 76.

²⁴ См., например, тематический выпуск журнала «Демоскоп Weekly» № 481-482 от 10-23 октября 2011 г. «Миграция в современном Кыргызстане».

²⁵ См., например: Алексеенко, А.Н. Внутренние миграции в Казахстане и формирование «нового» городского пространства / А.Н. Алексеенко // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Отгиск, 2011. – С. 188-193.

²⁶ См., например: Петракова, Ю.Н. Миграция в Беларуси / Ю.Н. Петракова // Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси / отв. ред.: Палади Г.А., Шахотько Л.П., Гагауз О.Е. – Кишинев: Штиинца, 2010. – С. 246-270.

²⁷ См., например: Батбаяр Т., Галиймаа Н. Внутренняя миграция: нынешнее положение и возникшие проблемы (на примере Улан-Батора 1990-2008 гг.) / Т. Батбаяр, Н. Галиймаа // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике: Сборник научных статей. – Иркутск: Отгиск, 2010. – С. 223-231.

берут начало в этой стране в 1980-х гг.²⁸ Все это время они развивались в условиях государственного регулирования внутренней миграции и перенаселенности сельских территорий, кризиса в сфере жилья и ограниченных возможностей при трудоустройстве. Современные китайские пригороды получили специфичные формы помимо всего прочего и в силу того, что они, как правило, имеют многофункциональный характер, сочетая в себе промышленные, торговые и жилые площади, государственное и частное жилье²⁹.

Существенные сходства в современных процессах субурбанизации в странах СНГ и шире – бывшего социалистического блока – позволяют нам говорить о некоторых основных типах пригородного развития в этих государствах.

- Первый тип, о котором мы уже упоминали выше, рассматривая более широкий опыт Глобального Юга, связан с развитием скваттерских поселений. Сегодня они наиболее распро-

²⁸ См., например: *Feng J., Zhou Y. Suburbanisation and the Changes of Urban Internal Spatial Structure in Hangzhou, China / J. Feng, Y. Zhou // Urban Geography. – 2005. – № 26(2). – P. 107-136.*

²⁹ См., например: *Bray, I. Social Space and Governance in Urban China. The Danwei System from Origins to Urban Reform / I. Bray. – Stanford, CA: Stanford University Press, 2005. – 296 p.; Feng J., Zhou. Y., Wu F. New Trends of Suburbanization in Beijing since 1990. From Government-led to Market-oriented / J. Feng, Y. Zhou., F. Wu // Regional Studies. – 2008. – № 42(1). – P. 83-99; Huang, Y. Prom Work-unit Compound to Gated Communities. Housing Inequality and Residential Segregation in Transitional Beijing / Y. Huang // Restructuring the Chinese city. Changing Society, Economy and Space / ed. by L.J.C. Ma, F. Wu. – London: Routledge, 2005. – P. 192-221; Li Z., Wu F. Tenure-based Residential Segregation in Post-reform Chinese Cities. A Case Study of Shanghai / Z. Li, F.Wu // Transactions of the Institute of British Geographers. – 2008. – № 33. – P. 404-419; Wu F., Xu J., Yeh A.G.O. Urban Development in Post-reform China. State, Market and Space / F. Wu, J. Xu, A.G.O. Yeh. – London: Routledge, 2007. – 368 p.; Zhou Y., Logan. J.R. Growth on the Edge / Y. Zhou, J.R. Logan. // Urban China in Transition / ed. by J.R. Logan. – Oxford: Blackwell, 2008. – P. 140-160; Zhou Y., Ma J.C. Economic Restructuring and Suburbanisation in China / Y. Zhou, J.C. Ma // Urban Geography. – 2000. – № 21. – P. 205-236.*

странены в Центральной Азии, на Кавказе и в некоторых балканских странах.

- Второй тип пригородного развития – рост существующих деревень и городов в столичной периферии. Этот тип подразделяется на два возможных направления. Первое связано с развитием поселений-спутников в рамках столичной агломерации силами бедного класса и рабочими, стремящимися найти более дешевое жилье недалеко от города. Второе направление в рамках этого типа развития связано с формированием пригородных поселений богатыми домохозяйствами и средним классом, включая строительство парков, развлекательных и торговых объектов.

- Третий тип пригородного развития – трансформация бывших дач в добротные жилые пригороды. Построенные в советское время и имевшие характер сезонного жилья в постсоветский период они были массово перестроены под жилые нужды во всех странах СНГ.

- Четвертый тип пригородного развития – строительство проектируемых крупномасштабных пригородных поселений с использованием иностранных инвестиций.

- Пятый тип включает в себя развитие нежилой пригородной инфраструктуры: строительство в пригородах торговых и офисных центров, складских и промышленных строений на основных транспортных узлах и коридорах городской периферии³⁰.

Как мы видим, расширяющаяся география пригородных исследований позволяет нам говорить о многообразии форм пригородов, условий их возникновения и развития. Одновременно она дает нам возможность определить и какие-то универсальные черты тех или иных пригородных поселений, развивающихся в разных условиях – национальных культурах и экономиках. Интерес в этой связи представляет еще одна типологи-

³⁰ Данная типология представлена в ранее отмеченном мной исследовании Кирилла Станилова и Сони Хёрт: *Stanilov K., Hirt S. Twenty years of transition. The evolution of urban planning in Eastern Europe and the former Soviet Union...* P. 89-91.

зация пригородных поселений, предложенная недавно Ричардом Харрисом. Она была выстроена им с точки зрения мотивов и действий тех, кто селится в пригородах. Это делает ее достаточно универсальной. Канадский ученый подразделяет пригородных переселенцев на тех, для кого этот выбор был свободным, и на тех, для кого он стал вынужденным, а также на тех, кто едет в пригород из города, и тех, кто движется по направлению в город из внегородских территорий³¹. Свободный выбор совершают те, кто самостоятельно решает перебраться в пригород, имея для этого, в частности, финансовые возможности и осознанное стремление к пригородному образу жизни. К числу вынужденных переселенцев относятся беженцы, а также люди, которые в силу ряда причин, допустим, финансовых, не могут позволить себе жить в городе, хотя хотели бы жить в нем.

Как знание о глобальном разнообразии пригородов может помочь нам в изучении пригородов Улан-Удэ? Ответ достаточно прост. Оно дает нам понимание того, что случай Улан-Удэ по многим характеристикам встраивается в более широкую колею развития городов на всем постсоветском пространстве, и мы можем использовать это при анализе процессов субурбанизации в Республике Бурятия. Многие проблемы, связанные с современным развитием пригородной зоны Улан-Удэ (бедность, самовольное строительство, эстетически неприглядный с точки зрения горожан облик, длительная отстраненность городских и местных властей от процессов планирования и застройки и пр.), хорошо задокументированы исследователями во многих развивающихся странах. Получается ли, что пригороды Улан-Удэ развиваются по схожему для этих стран сценарию? Надо согласиться с этим утверждением, но полностью признать его было бы неправильно, поскольку процессы субурбанизации в современной Бурятии оказались достаточно специфичны, что было связано с особенностями советской урбанизации региона, социальным составом и культурой современных пригородных переселенцев, местным климатом и т.д. (об этом мы более подробно поговорим далее). Изучение местных, территориальных осо-

³¹ *Harris, R. Meaningful types in a world of suburbs... P. 33.*

бенностей субурбанизации – одна из значимых задач современной отечественной урбанистики. И важно на этом пути продолжить изучать не только крупные столичные города (Москву, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург и т.д.), но и города на периферии, которые также вовлечены в процессы субурбанизации. Как же обстоит дело с изучением пригородов в современной России?

Изучение пригородов в России

Сразу отметим, в российской социально-гуманитарной науке, несмотря на активное развитие процессов субурбанизации за последние два десятилетия, пригороды не стали предметом широких исследований. Слабо осмыслено само предметное поле, ощущается нехватка конкретных исследований и, соответственно, обобщающих работ, не отработаны методологические подходы и методики проведения полевых исследований. И это понятно, поскольку отечественная социология и экономика города крайне медленно выходят из своего дисциплинарного кризиса. В вышедшем 14 лет назад и достаточно знаковом сборнике научных работ «Российское городское пространство: попытка осмысления» В.В. Вагин, выступивший редактором этого издания, отмечает: «Городская социология остается падчерицей отечественной социологии. Поэтому выход всякой новой книги по социологии города – это событие»³². Одним из таких событий стало, в частности, издание книги известного урбаниста Е.Г. Трубиной «Город в теории: опыты осмысления пространства»³³, в которой она представила российскому читателю широчайший спектр зарубежных исследований города. Значимость этой книги заключается хотя бы в том, что до сих

³² Вагин, В.В. Российские города: новые подходы к изучению. Вместо предисловия / В.В. Вагин // Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. В.В. Вагин; Сер. "Научные доклады". – Вып. 116. – М.: МОНФ, 2000. – С. 8.

³³ Трубина, Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Е.Г. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.

пор российские ученые, интересующиеся проблемами городского развития, тотально обращаются к западной литературе, не имея опоры в лице отечественных предшественников. В такой ситуации находятся городские исследования. А как же тогда обстоит дело с изучением пригородов?

Приходится констатировать, что ситуация в этом предметном поле не намного лучше. Отечественных работ по изучению современных российских пригородов крайне мало, как и специалистов, последовательно занимающихся разработкой этой темы. Это подтвердил и наш анализ баз данных журнальных статей и монографий в системах РИНЦ, Web of Science и Scopus (на сентябрь 2014 г.), в ходе которого мы не обнаружили значительного количества публикаций, в названиях и аннотациях к которым упоминались бы слова «пригород» и «субурбанизация»³⁴.

Среди известных нам работ следует выделить монографию иркутского демографа К.В. Григоричева «В тени большого города: социальное пространство пригорода», в которой он рассматривает современные реалии пригородных поселений Иркутска³⁵. Опираясь на собственное полевое исследование и материалы статистики, автор анализирует специфику формиро-

³⁴ В поисковых запросах отмечались только социальные и гуманитарные науки.

³⁵ Григоричев, К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода / К.В. Григоричев. – Иркутск: Оттиск, 2013. – 248 с. См. также другие работы автора по данной тематике: *Он же*. Таджики, нерусские, гастарбайтеры и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 4. – С. 14-31; *Он же*. От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в последней трети XX - начале XXI в. // Известия Иркутского государственного университета, Серия: политология, религиоведение. – 2012. – №. 2-2. – С. 44-51; *Он же*. Пригородный фронт: формирование социального пространства городской периферии (случай Иркутска) // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2013. – № 2 (29). – С. 275-280; *Он же*. Трансформация экономического поля пригорода Иркутска // Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 1. – № 4. – С. 51-61.

вания пригородных поселений, взаимодействия переселенцев из города, трансграничных мигрантов и коренного населения, складывание новой экономики и властной сферы через призму концепта транслокальности. Данная работа к настоящему моменту является, пожалуй, единственным монографическим исследованием пригородов современной России, примером многоаспектного обследования пригородных поселений и пригородной жизни.

Среди социологических работ, напрямую затрагивающих проблемы субурбанизации в России, отметим коллективное исследование О.В. Петри, К.Э. Аксенова и С.А. Крутикова, посвященное пригородам Санкт-Петербурга³⁶, в котором ими проанализированы различные мотивы формирования закрытых жилых пространств внутри города и в пригороде. Более обширно процессы субурбанизации в Ленинградской области изучены З.А. Михеевой, которая в своем диссертационном исследовании рассматривает основные сегменты пригородной зоны области и Санкт-Петербурга, а также выявляет потенциал субурбанизации региона с точки зрения задач жилищной политики³⁷. Чуть более широко, по вполне понятным причинам, изучено современное развитие московской агломерации, в том числе за счет процессов субурбанизации³⁸.

³⁶ *Петри О.В., Аксенов К.Э., Крутиков С.А.* Пригородные закрытые жилые комплексы Санкт-Петербурга: начало сегрегации или смена образа жизни? / О.В. Петри, К.Э. Аксенов, С.А. Крутиков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7: Геология, география. – 2012. – № 1. – С. 86-98.

³⁷ *Михеева, З.А.* Субурбанизация как инструмент решения жилищной проблемы Санкт-Петербурга и Ленинградской области: автореф. дис... к.г.н.: 25.00.24 / З.А. Михеева; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. – СПб: СПбГУ, 2012. – 16 с.

³⁸ *Симагин, Ю.А.* Экономико-географические аспекты субурбанизации в Московском столичном регионе: дис. ... к.г.н. : 11.00.02 / Ю.А.Симагин; [Место защиты: МГУ] – М.: МГУ. – 1997. – 177 с.; Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития / В.Л. Бабурин, В.Р. Битюкова, М.А. Казьмин, А.Г. Махрова. – Смоленск: Ойкумена, 2003. – 184 с.; *Golubchikov O., Phelps N.A., Ma-*

Схожую с социологами активность в изучении пригородов отечественных городов проявили историки. Помимо работ о древних пригородах (городищах), которыми занимаются археологи³⁹, исследователям современности будут интересны работы, раскрывающие картину пригородной жизни в России в средние века и позднее. В этой связи мы можем выделить труды по экономической истории А.В. Белова, посвященные пригородам Москвы во второй половине XIX в. – начале XX в.⁴⁰, работы Д.С. Дегтярева по пригородным поселениям дореволюционного Томска⁴¹.

Отечественных экономистов, как показал наш анализ, в пригородах интересуют преимущественно проблемы рынка жилья и недвижимости, а также вопросы расселения населения в качестве трудового ресурса⁴². В то же время многие другие значи-

khrova A. Khimki in Moscow City-region: From 'Closed City' to 'Edge City'? / O. Golubchikov, N.A. Phelps, A. Makhrova // International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World?.. P. 177-192.

³⁹ См., например: *Москалинский, А.А.* Древние псковские пригороды: история и современность (по результатам историко-краеведческой экспедиции 2010 г.) / А.А. Москалинский // Псковский регионологический журнал. – 2011. – № 11. – С. 144-148.

⁴⁰ *Белов, А.В.* Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XIX - начале XX века: город и процессы урбанизации сельских окраин / А.В. Белов. – Москва: Папирус Про, 2005. – 182; *Он же.* Интеграция пригородных поселений в урбанистическую структуру Москвы во второй половине XIX - начале XX века: дис. ... канд. ист. наук, 07.00.02. – М., 2000. – 204 с.

⁴¹ *Дегтярев, Д.С.* Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX - начале XX вв., их типы и функции / Д.С. Дегтярев // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2012. – № 1. – С. 100-107; *Он же.* Модернизация городского пространства Томска во второй половине XIX - начале XX в. / Д.С. Дегтярев // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – Т. 2. № 4(80). – С. 147-150.

⁴² См., например: *Медведева, Л.Н.* Пригородная зона как одна из форм социально-экономического и территориального расселения горожан: актуальность и значение / Л.Н. Медведева // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2011. – Т. 150. – С. 139-

мые проблемы (проблемы бедности, трудовой миграции, экономики пригородных домохозяйств и пр.) по-прежнему остаются без сколько-нибудь пристального внимания. Однако появляются также работы, представляющие более широкую картину экономики пригорода и ее связи с экономикой города⁴³.

Отдельно выделим исследования российских дач, поскольку именно их массовое преобразование в капитальные жилые сооружения стало значимым направлением субурбанизации на всем постсоветском пространстве и в России, в частности. Кроме того, дачи у нас продолжают выполнять и свою изначальную функцию второго жилья горожанина, предназначенного для отдыха и любительского земледелия⁴⁴. Отметим также, что среди прочих направлений пригородного развития городов на постсоветском пространстве, о которых мы говорили выше, именно дачная субурбанизация привлекла наибольшее внимание исследователей, в то время как, допустим, скваттерские (самовольные) поселения, распространенные в некоторых го-

148; *Муравьев А.А., Позмогова С.Б.* Перспективы развития города Ульяновска в процессе перехода от урбанизации к субурбанизации / *А.А. Муравьев, С.Б. Позмогова* // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2012. – № 3 (59). – С. 56-59; *Нефедова, Т.Г.* Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры» / *Т.Г. Нефедова* // Экономическая наука современной России. – 2009. – № 1. – С. 62-77; *Шибеева, М.А.* Определение экономически выгодной удаленности приобретаемого в пригороде жилья / *М.А. Шибеева* // Предпринимательство. – 2008. – № 6. – С. 151-154.

⁴³ См., например: *Цибульский В.Р., Мухамедшина Е.В.* Пригородная экономика / *В.Р. Цибульский, Е.В. Мухамедшина* // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 29. – С. 52-63; *Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Особенности субурбанизации в московской агломерации в постсоветский период / *И. Браде [и др.]* // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2013. – № 2. – С. 19-29.

⁴⁴ *Щепеткова, И.О.* Дача: пригородная рекреация или физический труд... / *И.О. Щепеткова* // Географический вестник. – 2013. – № 3(26). – С. 104-106.

родах страны, пока еще остаются без своего исследователя⁴⁵. Среди современных исследований российских дач выделим работы Н.Г. Нефедовой, содержащие значимые для нас классификации типов дачного жилья, исторические формы дач, характер их использования в современной России, обзор исследований дач в советское время и в современный период⁴⁶. Она показывает, в частности, что дачи сегодня могут отражать процессы субурбанизации, служить местом отдыха, рассматриваться в качестве объекта инвестиций в недвижимость или средства агропродовольственного самообеспечения горожан. Анализируя особенности российской субурбанизации, Т.Г. Нефедова выделяет шесть типов дач столичных городов России, возникших в досоветский, советский и постсоветский период: классические старые дачи, служебные государственные дачи, садовые товарищества, дома в деревнях (купленные или унаследованные), отдельные виллы и коттеджные поселки⁴⁷.

Надо сказать, что российские дачи стали предметом нескольких монографических исследований (Малинова-Тзиафета

⁴⁵ Отметим, забегая вперед, что Улан-Удэ в этом смысле «повезло», поскольку самовольная застройка в городе уже стала предметом исследовательского внимания. См., например: *Карбаинов, Н.И.* «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли / Н.И. Карбаинов // Социс. – 2007. – № 11. – С. 136-139.

⁴⁶ См., например: *Нефедова, Н.Г.* Российские пригороды. Горожане в сельской местности / Н.Г. Нефедова // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен (Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского). – М.: ОГИ, 2001. – С. 374-399; *Она же.* Российская глубинка глазами ее обитателей // Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. – С. 98-120; *Она же.* Российские дачи как социальный феномен // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. – Осень-зима 2011. – № 15. – С. 161-173; *Она же.* Горожане и дачи // Отечественные записки. – 2012. – Т. 3(48). – С. 204-216.

⁴⁷ *Нефедова Т.Г., Савчук И.Г.* Второе загородное жилье горожан в России и Украине: эволюция дач и тренды их современных изменений / Т.Г. Нефедова, И.Г. Савчук // Известия РАН. Серия географическая. – 2014. – № 4. – С. 41.

О.Ю.)⁴⁸, в том числе выполненных зарубежными авторами (Ловелл С., Caldwell M.L.)⁴⁹. Вместе с тем, как недавно отметил географ А.И. Трейвиш, наше «дачеведение» до сих пор неадекватно масштабам дачевладения в стране, которая может считаться рекордсменом в мире по числу этого вида второго жилья⁵⁰.

Историографический анализ публикаций, касающихся субурбанизации в современной России, подталкивает нас к следующим выводам. Начнем с того, что этих публикаций не так много, как и специалистов, последовательно изучающих обозначенную проблематику. И это при том, что в России процессы субурбанизации активно развиваются уже как минимум второе десятилетие. Следует отметить, что основной блок публикаций опирается на изучение двух крупных городских агломераций – Московской и Санкт-Петербургской, в то время как многие города на периферии, в том числе города-миллионеры, остаются без серьезного внимания со стороны ученых. Узкая география исследований пока не позволяет проводить сравнительные и сопоставительные исследования субурбанизации в разных регионах России. Заманчивые попытки сопоставить развитие пригородов отечественных городов с пригородами в других странах также кажутся пока преждевременными.

С содержательной точки зрения по имеющимся единичным работам сложно судить и о том, какого рода проблемы выходят на первый план в современных российских исследованиях пригородов. Предметное и дисциплинарное поле пока лишь складывается. Перед отечественными учеными в этом смысле воз-

⁴⁸ Малинова-Тзиафета, О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914) / О.Ю. Малинова-Тзиафета. – СПб.: ЕУСПб, 2013. – 336 с.

⁴⁹ См., например: Ловелл, С. Дачники: История летнего жилья в России: 1710–2000 / С. Ловелл / пер. с англ. Л. Семёновой. – СПб.: Академический проект; ДНК, 2008. – 348 с.; Caldwell, M.L. Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside / M.L. Caldwell. – Berkeley; L.A.: University of California Press, 2011. – 201 p.

⁵⁰ Трейвиш, А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России / А.И. Трейвиш // Известия РАН. Серия географическая. – 2014. – № 4. – С. 24.

никает множество интересных и значимых методологических и сугубо эмпирических задач. В широком смысле их решение связано с ответом на вопрос, как происходило формирование и развитие пригородов российских городов в дореволюционное, советское и особенно постсоветское время? Что мы знаем и можем сказать о дворянских и купеческих усадьбах наших городов, о составлявших их некогда слободах и предместьях, о ведомственных и частных дачах, о новых пригородных деревнях, коттеджных поселках и виллах? А ведь пока не так много, как хотелось бы. Ответы на эти вопросы приблизят нас к пониманию особенностей субурбанизации в нашей стране и ее отдельных регионах. Они позволяют задуматься и о более широких темах – развитии сельской и городской России, перспективах дальнейшей урбанизации и т.п.

А что мы знаем и можем сказать о пригородах Улан-Удэ, их истории и современном развитии? Насколько им повезло с вниманием академического сообщества?

Изучение пригородов Улан-Удэ и сельско-городской миграции в Республике Бурятия

Ответим на поставленные выше вопросы, разделив историю Улан-Удэ на три периода: дореволюционный, советский и постсоветский. Дореволюционное развитие города Улан-Удэ и его пригородов, начиная с момента его основания (1666) и до 1917 г., описано в достаточно большом количестве научной исторической литературы, вышедшей в свет в советское время и позднее⁵¹. Труды историков дают нам возможность проследить, как

⁵¹ См., например: *Дондуков, Ц.Ц.* Улан-Удэ – столица Советской Бурятии: историко-краеведческий очерк / Ц.Ц. Дондуков. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. – 132 с.; *Ким, Н.В.* Очерки истории Улан-Удэ (XVII – начало XX) / Н.В. Ким. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. – 114 с.; *Минерт, Л.К.* Архитектура Улан-Удэ / Л.К. Минерт. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – 248 с.; *Натаев, П.Л.* Улан-Удэ: краеведческий очерк / П.Л. Натаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – 176 с.; *Тиваненко, А.В.* Удинский острог: первое столетие Улан-Удэ / А.В. Тиваненко. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 121 с.; Улан-Удэ:

происходило формирование городского центра, слободских окраин и предместий (Заудинское предместье, слобода Посе-лье) на протяжении более чем двух с половиной веков. Правда, о развитии городских окраин дореволюционного Улан-Удэ (Верхнеудинска) мы знаем лишь самые общие факты. Если о центральной части города написано достаточно много, то дореволюционным пригородам, особенно небольшой слободе Посе-лье, повезло меньше в силу ограниченности упоминаний о них в опубликованных и неопубликованных исторических источни-ках⁵².

Советский период в развитии Улан-Удэ также освещен в до-статочно большом количестве научной литературы⁵³, и в отли-чие от дореволюционного периода об окраинах советского Улан-Удэ (спальных и промышленных районах, дачах и пр.) мы знаем намного больше, но, пожалуй, не так много, как хотелось бы. Слабо изучены вопросы одноэтажной приусадебной дере-вянной застройки в городе, в том числе проблемы самовольно-го строительства, связанные с перманентным дефицитом жи-

история и современность / сост. А.Б. Иметхенов, Е.М. Егоров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 480 с.; Улан-Удэ - 300 лет (1666-1966) / сост.: О.З. Измайлова, Б.В. Семичов, Л.Е. Элиасов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. – 40 с.; История Бурятии. В 3 т. Т. II. XVII – начало XX в. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 2011. – 624 с.

⁵² Характерно в этой связи недавно вышедшее прекрасное издание об усадьбах Верхнеудинска, в котором речь идет, правда, только об усадьбах городского центра: *Гурьянов В.К., Гурьянов М.В.* Верхнеудинск XVII - начала XX века: Улицы, городские усадьбы и их обита-тели / В.К. Гурьянов, М.В. Гурьянов. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 223 с.

⁵³ Помимо некоторых из перечисленных выше изданий отметим работу Б. Жимбиева (*Zhimbiev, B.* History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude / B. Zhimbiev. – London: The White Horse Press, 2000. – 121 p.), недавно вышедший коллективный труд по истории Улан-Удэ (История Улан-Удэ / Бреславский А.С., Евдокимова С.В., Номогоева В.В. [и др.] / отв. ред. Г.А. Айдаев, С.М. Тучков, Т.М. Нагуслаева. – Ке-мерово: Кузбассвуиздат, 2012. – 160 с.), а также фундаментальный труд по истории республики: История Бурятии. В 3 т. Т. 3 – XX-XXI вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 464 с.

ля в городе в советский период. Добавим к этому, что до сих пор отсутствуют работы, затрагивающие вопросы взаимоотношений Улан-Удэ и пригородных деревень в советское время. Интересна в этой связи история Улан-Удэнского (сельского) района Бурятской АССР, существовавшего в 1963-1985 гг., в состав которого входили многие пригородные поселения современного Иволгинского и Тарбагатайского районов республики. Изучение опыта его создания расширило бы наше понимание современных процессов в пригородной зоне столицы республики.

Постсоветский период в территориальном и демографическом развитии Улан-Удэ, его окраин и пригородной зоны в отличие от предыдущих периодов (дореволюционного и советского) получил пока меньшее внимание со стороны историков⁵⁴. Однако к изучению города постепенно подключаются местные социологи, демографы и географы.

Стоит отметить сразу, что каких-либо исследований, напрямую связанных с изучением современных пригородных поселений Улан-Удэ, не входящих в состав городского округа, в социально-антропологическом или экономическом аспектах ранее не проводилось. В этой связи мои первые полевые обследования в 2010-2011 гг. имели во многом поисковый характер, позволили очертить проблемное поле, выявить основные тенденции в развитии пригородной зоны Улан-Удэ⁵⁵. Уже на первых

⁵⁴ Стоит признать, что вопросы развития городских окраин и пригородной зоны Улан-Удэ практически не затрагивались в крупных изданиях по современной истории Улан-Удэ. В своей книге «Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города» я также касался вопросов развития городских окраин лишь частично, посвятив им небольшой параграф: *Бреславский, А.С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991-2011 гг.) / А.С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – С. 79-90.*

⁵⁵ См., например: *Бреславский, А.С. Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX-XX и XX-XXI веков / науч. ред.*

этапах этой работы стало ясно, что наиболее значимую роль в этих процессах играет внутриреспубликанская сельско-городская миграция в Улан-Удэ. Эта тема в силу очевидной социальной и политической актуальности постепенно привлекает все большее внимание со стороны регионального научного сообщества. Количество работ, посвященных собственно миграции из села в город, сравнительно невелико, но оно постепенно растет. Среди них выделим работы, опирающиеся на анкетные опросы сельских студентов и молодых специалистов, обучающихся в Улан-Удэ⁵⁶, исследования, сфокусированные на изучении мигрантов из этнических сельских общин⁵⁷, раскрывающие

В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 447-463. В сокращенном виде: *Он же*. Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ / А.С. Бреславский // Известия Иркутского государственного университета. – Серия «Политология. Религиоведение». – 2012. – № 1(8). – С. 92-99.

⁵⁶ См., например: *Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А.* Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия) / Ю.Б. Рандалов, Б.В. Хараев, П.А. Чукреев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 115 с.; *Гунтыпова, Э.С.* Миграция молодежи в Республике Бурятия (историко-социологические аспекты) / Э.С. Гунтыпова. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2010. – 124 с.; *Итыгилова, Л.М.* Миграционные настроения молодежи Бурятии: выпускники вузов и «репатриантов» / Л.М. Итыгилова // Город и село в условиях глобализации (на примере Республики Бурятия): мат-лы междунар. семинара. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 94-101; *Гунтыпова Э., Шулунова Р.* Миграция и высшее образование (по результатам опроса в Бурятской сельхозакадемии) / Э. Гунтыпова, Р. Шулунова // Вестник Евразии. – 2006. – № 2 (32). – С. 47-61.

⁵⁷ См., например: *Жалсанова, В.Г.* Ресурсы социальной мобильности сельского бурятского населения в постсоветский период (на материалах Республики Бурятия) / В.Г. Жалсанова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 8. – С. 63-65; *Содномпилова, М.М.* Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства / М.М. Содномпилова // Город и село в постсо-

воздействие сельской миграции на город Улан-Удэ, в том числе рассматривающие проблемы самовольного строительства⁵⁸. В контексте нашего исследования отметим также немногочисленные работы, раскрывающие особенности социально-демографической обстановки в современной сельской Бурятии⁵⁹.

Общая характеристика внутренних миграционных процессов в постсоветской Бурятии также обозначена в сравнительно небольшом количестве работ⁶⁰, большая часть которых появилась уже в 2000-е гг. и касается 1990-х гг. лишь отчасти.

ветской Бурятии: социально-антропологические очерки. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 163-184.

⁵⁸ Алексеева, М.С. Сельско-городская миграция и проблема самовольных поселений в постсоветской Бурятии: социально-экологический подход / М.С. Алексеева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010. – Т.13, № 4. – С. 128-139; Карбаинов, Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город / Н.И. Карбаинов // Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов / В.Н. Давыдов [и др]. – Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, 2006. – С. 129-154.

⁵⁹ Бильтрикова, А.В. Проблема бедности сельского населения Республики Бурятия / А.В. Бильтрикова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 9 (17). – Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/no9.html> (Дата посещения: 24.06.2014); Бюраева, Ю.Г. Социально-трудовой потенциал сельских территорий Республики Бурятия / Ю.Г. Бюраева // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2011. – № 1. – С. 64–70; Жалсанова, В.Г. Социально-демографические процессы в Республике Бурятия / В.Г. Жалсанова // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). – 2013. – № 9(29). – Режим доступа: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/920132/pdf_235 (Дата посещения: 24.06.2014); Петрова, Е.В. Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири / Е.В. Петрова. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2009. – 332 с.

⁶⁰ См., например: Бадараев, Д.Д. Социальные последствия миграционных потоков из сельской местности в города / Д.Д. Бадараев //

Надо сказать, в настоящий момент имеющиеся аналитические исследования в области сельско-городской миграции в республике и характер собираемой статистики не позволяют решить множество важных и интересных задач. Допустим, определить, насколько общими являются миграционные стратегии жителей отдельных сельских районов, сельских поселений республики, людей, принадлежащих к одному поколению, прошедших сходные пути социализации, имеющих сопоставимый уровень достатка, причисляющих себя к одной этнической группе и пр.? Каковы реальные масштабы этих перемещений внутри республики? Каково более-менее реальное количество бывших сельчан в современном Улан-Удэ? Эти вопросы начали интересовать меня, когда я изучал практики расселения сельских жителей в Улан-Удэ в 2010 г.⁶¹, они вновь встали передо мной позднее – в пилотных обследованиях пригородных поселений Улан-Удэ.

В случае с Улан-Удэ по общероссийской тенденции процессы субурбанизации – роста пригородной зоны – долгое время не были предметом активных полевых исследований. В этой связи предлагаемая книга является лишь первым шагом к тому, чтобы эти процессы были обозначены учеными как проблемные.

Eurasia: Statum et Legem. – 2014. – № 1. – С. 75-82; *Будаева, Ц.Б.* Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен // Бурятия. – 2002. – 1 нояб. – С. 4; *Козулин, А.В.* Миграционные процессы в Бурятии на современном этапе: основные тенденции и пути регулирования // Город и село в условиях глобализации (на примере республики Бурятия)... С. 80-91; *Мангатаева, Д.Д.* Население Бурятии: тенденции формирования и развития / Д.Д. Мангатаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 131 с.; *Петонов, В.К.* Миграционные процессы и миграционная политика в Республике Бурятия: 1960-1990-е гг.: дисс. ... к.и.н.: 07.00.02 / В.К. Петонов; [Место защиты: ИМБТ СО РАН]. – Улан-Удэ, 2008. – 217 с.

⁶¹ См., например: *Бреславский, А.С.* Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ / А.С. Бреславский // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 132-155.

Полевая работа: методы и источники исследования

Исследование, положенное в основу книги, включает в себя серию обследований, которые проводились в период с 2010 по 2014 гг. Основной массив данных был собран мной в ходе социологических исследований: серии фокусированных и нарративных интервью, а также анкетного опроса населения пригородных поселений. В качестве дополнительных источников анализа были использованы официальные данные статистического учета и отдельных статистических обследований за период с 1989 по 2014 гг., собственные материалы фокус-групп с жителями изучаемых пригородов, фото- и видеоматериалы пригородных поселений, полученные в результате полевого обследования, спутниковые карты города Улан-Удэ и его пригородов, материалы периодических изданий Республики Бурятия (и бурятского сегмента Интернет-сети), а также нормативно-правовые акты местных органов власти. Рассмотрим каждую группу источников более подробно.

1. *Данные статистического учета и отдельных обследований*, касающиеся изучаемых пригородов. В эту группу источников вошли статистические материалы, формируемые Территориальным органом федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия (Internet: <http://www.burstat.gks.ru>). В своей работе мы опирались в основном на данные Всесоюзных переписей 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг., данные из ежегодных статистических сборников «Численность населения Бурятской АССР», «Миграция населения Республики Бурятия» и «Численность населения Республики Бурятия», формируемых обычно ежегодно на основе регистрационного учета в республике. Собранная статистика позволяет проследить общие регистрируемые изменения в численности населения и его размещении в республике и пригородной зоне Улан-Удэ. К сожалению, каких-либо иных официальных статистических сведений о населении поселений пригородной зоны (этническая, половозрастная структура и пр.) Бурятстат не предоставляет. К

тому же после Переписи 2010 г. Бурятстат не выдает сведений о количестве населения по конкретным селам, публикуя информацию сразу по сельским поселениям, в которые могут входить несколько небольших сел. К сожалению, в России не ведется централизованного и доступного для исследователя учета домовладений и, в частности, дачных участков, что значительно ограничивает наши возможности в определении масштабов дачной субурбанизации в городе.

2. *Материалы нарративных и фокусированных интервью, а также фокус-групп* с жителями изучаемых пригородов позволили выстроить и уточнить основные проблемные узлы исследования, прояснить специфику изучаемого объекта на «качественном» уровне – с ориентацией на объект исследования (мигранта/жителя пригорода) и конкретные ситуации в жизни пригородных сообществ. Данные материалы позволили также осветить в исследовании процессы и явления, либо вообще не регистрируемые официальной статистикой (стоимость жилья, отношения мигрантов и «коренных жителей», обеспеченность домохозяйств электроэнергией, водоснабжением и пр.), либо регистрируемые, но с существенными погрешностями (число жителей, число домохозяйств и пр.). К августу 2014 г. было записано 27 развернутых интервью, проведено 3 фокус-группы с участием 15 человек в с. Нижний Саянтуй, Нурселение, Эрхирик. Именно качественные методы социологии мы решили использовать на первых этапах исследования, и этот шаг себя оправдал.

3. *Анкетный опрос населения* стал не только дополнительным методом сбора информации о проблемах пригородных поселений Улан-Удэ и социально-экономическом положении местных жителей, но также дал необходимое уточнение к данным, полученным качественными методами. Опрос, в котором приняло участие 444 чел., был проведен в июне-августе 2014 г. в трех пригородных селах (Нижний Саянтуй, Нурселение, Эрхирик) и в окружающих их дачных некоммерческих товариществах.

На этапе организации анкетного опроса мы столкнулись с проблемой определения генеральной совокупности – в нашем

случае всего населения пригородной зоны. И если с поселениями, которые следует включить в пригородную зону современно-го Улан-Удэ, мы определились (см. § 1.2.), то с точным количеством населения в них возникли неразрешимые проблемы. В силу активного притока населения в рассматриваемые поселения вместе с длительностью процедуры регистрации новых переселенцев, сохранением многими новыми жителями прежней регистрации, реальное и ежегодно фиксируемое количество жителей здесь серьезным образом отличаются (в 1,5-2 раза). Иными словами, официальная статистика не поспевает за реальными цифрами. На это мне указывали и главы поселений. Кроме того, мы не имеем точных статистических сведений о половозрастной и этнической структуре населения пригородных поселений, что также осложняло формирование выборки для исследования. Отказываться от анкетного опроса все же не хотелось. В этой ситуации, учитывая, что наше исследование носило разведывательный характер, мы, следуя рекомендации В.А. Ядова⁶², выстроили выборку по достаточно простым правилам, выделив в генеральной совокупности полярные «единицы анализа».

Выбор трех исследовательских кейсов (Нижний Саянтуй, Нурселение, Эрхирик) опирался на несколько важных обстоятельств. Во-первых, такого рода выборка позволила рассмотреть ситуацию в разных географических и административных частях пригородной зоны Улан-Удэ: Нурселение расположено на западе городского округа (Иволгинский район), Нижний Саянтуй (второе название – Вахмистрово) – на юге (Тарбагатайский район), Эрхирик – на северо-западе от Улан-Удэ (Заиграевский район). Во-вторых, такого рода выбор дал возможность определить зависимость между миграционной привлекательностью отдельных пригородных поселений и тем административно-экономическим значением, которое они имели в совет-

⁶² Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. – 3-е изд., испр. – М.: Омега-Л, 2007. – С. 96.

ские годы. Надо сказать, это значение у выбранных поселений было разным (см. таблица № 1).

Наконец, третье важное обстоятельство: при том, что все три села расположены на самых границах городского округа (находятся на линии соприкосновения города и окружающих его сельских районов), расстояние от них до центра Улан-Удэ (площадь Советов) отличается (Нурселение – 13,5 км, Нижний Саянтуй – 15,5 км, Эрхирик – 19,7 км).

Таблица № 1.
Краткие сведения об исследовательских кейсах

Наименование	Административно-экономическое значение к концу советского периода	Административный статус на момент исследования	Население, по данным переписи 1989 и 2010 гг. (чел.)
Нижний Саянтуй (Вахмистрово)	сельсовет, управление совхоза	Административный центр муниципального образования – сельского поселения «Нижнесаянтуевское» Тарбагатайского района	1388 / 2834
Нурселение	сельскохозяйственное	Село в составе МО СП «Нижнеиволгинское» Иволгинского района	135 / 1872
Эрхирик	сельсовет	Административный центр МО СП «Дабатуйское» Заиграевского района	1329 / 2260

Поскольку численность выборки по разведывательному исследованию строго не определяется, особенно в нашем случае с «плавающей» генеральной совокупностью, основным критерием для ее определения (444 чел.) стали наши организационные

возможности. Поскольку мы не имеем точных статистических сведений о половой структуре населения пригородных поселений Улан-Удэ, мы посчитали возможным разбить выборку на равное количество единиц наблюдения по критерию «мужчины-женщины». Это кажется оправданным, поскольку основа пригородных домохозяйств – полные семьи⁶³. Что касается возрастного критерия выборки, здесь нам было важно отметить распределение итогов исследования среди «молодежи» (от 18 до 35 лет) и более «старших» поколений (от 35 лет и более). Наконец, распределение выборки по селам мы также сделали одинаковым, поскольку по Всероссийской переписи 2010 г. указанные села имели сопоставимое население. Итоги формирования выборки представлены в таблице № 2.

Таблица № 2.
Выборка по «Исследованию социально-экономического
положения жителей пригородных поселений
города Улан-Удэ»

№	Населенный пункт	18-35 лет		35 и более лет		Итого
		м	ж	м	ж	
1	Нижний Саянтуй (Вахмистрово)	37	37	37	37	148 чел.
2	Нурселение	37	37	37	37	148 чел.
3	Эрхирик	37	37	37	37	148 чел.
Итого						444 чел.

4. *Фото- и видеоматериалы пригородных поселений*, полученные в результате полевого обследования в 2010-2014 гг. позволили зафиксировать изменения, произошедшие в архитектурном ландшафте и инфраструктурном облике изучаемых поселений. Речь, в частности, идет о новых формах строительства и отделки жилых и дворовых построек, их пространственной организации, а также о состоянии инженерно-бытовой и

⁶³ Опираемся на данные включенного наблюдения и материалы интервью с местными жителями.

социальной инфраструктуры в поселениях (дорожное покрытие, электросети, водоснабжение, инфраструктура отдыха и развлечений и т.п.). Фото- и видеоматериалы также дали возможность зафиксировать особенности быта местных жителей.

5. *Спутниковые карты города Улан-Удэ и его пригородов* (с. Сужа, с. Нурселение, с. Нижний Саянтуй, с. Эрхирик), созданные на базе программы SasPlanet. Спутниковые изображения высокой четкости позволили определить границы формирующихся пригородов Улан-Удэ, масштабы их развития, характер индивидуальной застройки, особенности проектировки новых кварталов, соотношение площадей «новых» и «старых» кварталов, возможные направления развития изучаемых пригородных поселений.

6. *Материалы периодических изданий Республики Бурятия (и бурятского сегмента Интернет-сети):* газет «Информ Полис», «Номер один», информационного агентства «ВостокТелеИнформ» и других. Речь идет о материалах, освещающих жизнь пригородных поселений и проблемы, с которыми они сталкиваются. Анализ публикаций в СМИ позволил выявить общественно значимые вопросы в развитии пригородных поселений, а также дал возможность понять, включены ли проблемы пригородных поселений в республиканскую и городскую «повестку дня», являются ли они значимыми для городского сообщества.

7. *Нормативно-правовые акты местных органов представительной власти г. Улан-Удэ и сельских поселений*, в состав которых входят изучаемые пригородные села (СП «Саянтуевское» Тарбагатайского района, СП «Нижнеиволгинское» Иволгинского района и СП «Дабатуйское» Заиграевского района). Особую роль в исследовании сыграли постановления, связанные с разработкой и принятием программ социально-экономического и территориального развития города Улан-Удэ и указанных сельских поселений.

Структура и основное содержание книги

Структура книги предполагает последовательное изложение материалов исследования в двух главах в следующей логике. В первом параграфе первой главы («Город с большой буквы? Улан-Удэ в пространстве республики») будет кратко рассмотрен исторический и социально-демографический контекст развития Улан-Удэ с момента основания до начала XXI в. Это необходимо для того, чтобы понять, почему современный Улан-Удэ является главным центром миграционного притяжения для жителей республики и какое место он занимает среди прочих поселений Бурятии. Во втором параграфе этой главы («Улан-Удэ: старые и новые сегменты пригородной зоны») будет дан обзор истории формирования окраин и пригородов Верхнеудинска/Улан-Удэ, главным образом начиная с рубежа XIX-XX вв., будут выявлены особенности застройки города, определены современные сегменты городских окраин и пригородов. В заключительном параграфе первой главы («Сельчане едут в город: практики расселения в Улан-Удэ») покажем, как сельские мигранты воспринимают современный Улан-Удэ, с какими барьерами они сталкиваются, пытаются найти свое место в нем, и какие ресурсы используют для этого.

Вторая глава целиком посвящена результатам полевого исследования. И в ней речь пойдет о современном развитии пригородной зоны Улан-Удэ. В первом параграфе («Кто и как осваивает пригороды Улан-Удэ?») мы задумаемся над тем, где находится источник освоения и развития современных улан-удэнских пригородов – в самом Улан-Удэ или сельской Бурятии? Кем являются новые жители пригородной зоны? Каковы основные группы новых жителей, каковы их этносоциальные и половозрастные характеристики, мотивы и ожидания, практики адаптации, повседневный быт, проблемы жилищного обустройства и трудоустройства, изменения в структуре доходов? Какова их идентичность (сельская, городская, пригородная)? Наконец, какие ресурсы они используют для освоения пригорода (экономический, культурный, социальный и пр. капитал переселенцев)? Во втором параграфе («Пригороды Улан-Удэ:

сельские по форме, городские по содержанию?») мы сфокусируемся на социальных отношениях внутри пригородных сообществ, их социальной структуре и ее усложнении. Что произошло с пригородными поселениями за последние 5-10-15 лет? Проследим, какие изменения произошли в архитектурном облике пригородов, в социально-бытовой инфраструктуре и инфраструктуре отдыха и развлечений, в организации повседневной жизни и быта? Наконец, в третьем параграфе мы задумаемся о будущем улан-удэнских пригородов. Будут ли они включены в состав города, и что это изменит в их развитии? Как местные сообщества относятся к включению их территорий в состав Улан-Удэ? Как современный административный статус пригородных сел соотносится с реалиями их жизни и пространственно-демографического развития? Чем улан-удэнские пригороды стали для простых людей и что дали городу? Ответы на эти вопросы и формируют основное содержание книги.

В заключение хочется еще раз обозначить ее основное предназначение – дать взвешенную и научно-обоснованную картину современного развития пригородной зоны Улан-Удэ, вслед за этим – понять, что может сделать развитие этих территорий более гармоничным.

Глава 1. Город и регион: историко-демографический контекст

1.1. Город с большой буквы?

Улан-Удэ в пространстве республики

Между городом Улан-Удэ – столицей Республики Бурятия – и многими сибирскими городами с дореволюционной историей (Красноярском, Томском, Иркутском и другими) много общего. Все они возникли как казачьи остроги расширявшейся на Восток Российской империи, создавались для управления территорией, впоследствии стали региональными центрами администрирования и торговли, а в советские годы – пережили массовую индустриализацию и урбанизацию. При этом, несмотря на определенную общность исторической колеи, каждый из сибирских городов прошел разный путь в своем демографическом и территориальном развитии⁶⁴. Наглядно демонстрируют это, в частности, итоги последней Всероссийской переписи населения – 2010 (таблица № 3). Мы видим, насколько неравномерно распределено население по столицам субъектов РФ, образующих сегодня Сибирский федеральный округ (СФО). Республика Бурятия в этом списке занимает 9 место из 12, немного отставая от Томской области и Забайкальского края, а Улан-Удэ в списке

⁶⁴ Этот тезис подтверждают, например, исследования восточносибирских городов. См., например: *Паликова, Т.В.* Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие) / Т.В. Паликова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – 310 с.; *Шахеров, В.П.* Экономика Сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В.П. Шахеров. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. – 256 с.

столиц – восьмое, обойдя столицы трех республик (Алтая, Тывы, Хакассии) и Забайкальского края.

Таблица № 3.
Численность населения столиц субъектов СФО РФ,
по данным Всероссийской переписи 2010 г. (чел.)⁶⁵

№	Субъект РФ	Население	Столица	Население
1	Республика Алтай	206168	Горно-Алтайск	56933
2	Республика Бурятия	972021	Улан-Удэ	404426
3	Республика Тыва	307930	Кызыл	109918
4	Республика Хакасия	532403	Абакан	165214
5	Алтайский край	2419755	Барнаул	612401
6	Забайкальский край	1107107	Чита	324444
7	Красноярский край	2828187	Красноярск	973826
8	Иркутская область	2428750	Иркутск	587891
9	Кемеровская область	2763135	Кемерово	532981
10	Новосибирская область	2665911	Новосибирск	1473754
11	Омская область	1977665	Омск	1154116
12	Томская область	1047394	Томск	524669

⁶⁵ Данные взяты из статистического сборника: Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов – районных центров и сельских населенных пунктов с населением 3 тысячи человек и более. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Последнее посещение 28.07.2014).

В отличие от все тех же Иркутска, Красноярска и Томска, Улан-Удэ (до 1934 г. – Верхнеудинск) вплоть до начала XX в. оставался небольшим уездным городом. Ситуация кардинально изменилась, пожалуй, лишь с приходом советской власти, когда государственная политика нацистроительства большевиков придала Верхнеудинску (Улан-Удэ) новый статус – столицы национальной республики (Бурят-Монгольской АССР, образованной в 1923 г.). Хотя в последствии город и не получил значительного внешнего отличия от прочих советских городов, он стал позиционироваться именно как столица нового, самостоятельного региона⁶⁶.

Массовая индустриализация и урбанизация, начавшиеся в стране в 1930-х гг., внесли в развитие города существенные коррективы⁶⁷. Если, допустим, в Иркутской области РСФСР эти процессы носили дисперсный характер, что выразилось в появлении в ней сразу нескольких достаточно крупных городов, часть которых (Ангарск, Шелехов) к тому же были расположены рядом с областным центром (Иркутском), то в Бурятской АССР главным и, пожалуй, единственным крупным центром индустриализации, центром промышленного роста всей рес-

⁶⁶ Об этом см. подробнее: *Бреславский, А.С.* Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991-2011 гг.)... С.47-72; *Breslavsky, A.S.* Post-Soviet Ulan- Ude: Content and Meaning of a New Urban Idea // *A.S. Breslavsky // Inner Asia*. – 2012. – Vol. 14, № 2. – P. 299-317.

⁶⁷ Подробнее об этом см., например: *Балдано, М.Н.* Город в Байкальской Азии: индустриализация и урбанизация / М.Н. Балдано // *Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории. Сб. науч. трудов / отв. ред. В.А. Ламин*. – Новосибирск, 2006. – С. 164-179; *Она же.* Особенности социалистической индустриализации: региональный аспект / М.Н. Балдано // *Байкальский регион в переломные периоды истории (XIX – XX вв.)*. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – С. 26-35; *Она же.* Бурятия: особенности социалистической индустриализации / М.Н. Балдано // *Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития*. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – С. 150-156.

публики стал именно город Улан-Удэ. В течение всего советского периода Улан-Удэ активно разрастался, территориально и численно, осваивая все новые и новые пригородные земли. Стоит отметить, что за этот период население города, по официальным данным, увеличилось с 20 до 360 тыс. человек, то есть в 18 раз, кратно увеличилась и его территория.

Для того чтобы оценить масштабы произошедших и современных изменений, взглянем на город и регион с социально-демографической точки зрения, сделав необходимое историческое отступление. Рассмотрим кратко, каким образом происходило пространственное и демографическое развитие Улан-Удэ с момента его основания и до наших дней, с какими особенностями происходила урбанизация и индустриализация Бурятии, как исторически изменялось в республике соотношение сельского и городского населения. Наконец, определим, какую роль в этих процессах сыграла внутренняя миграция в республике, какими были ее основные направления и масштабы в советские и постсоветские годы. Последнее для нас особенно важно, поскольку именно внутренняя миграция, на наш взгляд, определяет современное развитие пригородных поселений Улан-Удэ.

Итак, возникнув в 1666 г. как острожное поселение, Улан-Удэ (Удинск, Верхнеудинск) более 200 с лишним лет сохранял низкую людность, уступая в этом даже другим поселениям Верхнеудинского уезда Иркутской губернии, а позднее – Забайкальской области. Данные в таблице № 4 хорошо иллюстрируют этот тезис. Они показывают, что численность населения города до конца XVIII в. была сопоставима с численностью других поселений Западного Забайкалья, таких как Троицкосавск (с 1934 г. – Кяхта), Селенгинск и Баргузин. Из таблицы видно, что даже к концу XIX в., на момент первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., Верхнеудинск по числу жителей уступал первенство Кяхте, которая играла в то время значительно большую роль в системе приграничной торговли с Китаем.

В первые столетия своей истории Верхнеудинск «оспаривал» роль регионального центра с Селенгинском, который вплоть до начала XVIII в. имел более широкие перспективы для развития.

Некоторое время Верхнеудинск в официальных бумагах называли даже «пригородом», «пригородком» Селенгинска. И только в 1775 г., когда Верхнеудинск стал центром Удинской провинции, он, как отмечают историки, «получил неоспоримое право именоваться городом»⁶⁸.

Таблица № 4.
Динамика численности мужского населения городов Западного
Забайкалья (чел.)⁶⁹

№	Город	1675 г.	1762 г.	1782 г.	1890 г.	1897 г.
1.	Верхнеудинск	300	295	797	2925	3744
2.	Троицкосавск	-	1342	881	4902	4082
3.	Селенгинск	200	680	627	460	493
4.	Баргузин	51	360	548	777	622

Удачное развитие Верхнеудинска, исполнение им роли многофункционального центра Забайкалья оказалось возможным во многом благодаря его выгодному транспортно-географическому положению в системе формировавшейся тогда Кяхтинской торговли⁷⁰. В XVIII-XIX в. через город неизменно проходил большой поток товарного транспорта из Кяхты в центр губернии – Иркутск. Через город проходил также путь в Восточную Даурию, официальный Московский почтовый тракт, а в конце XIX в. была проложена и Великая Транссибирская магистраль. В этом смысле «особое значение для исторических судеб Верхнеудинска имело то обстоятельство, что, несмотря на изменение способов передвижения и направления торговых

⁶⁸ См.: Минерт, Л.К. Архитектура Улан-Удэ... С. 25.

⁶⁹ Данные взяты из статьи О.П. Дармахановой: Дармаханова, О.П. Особенности формирования населения Западного Забайкалья / О.П. Дармаханова // Философия и история культуры: национальный аспект. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. – 1992. – С. 47.

⁷⁰ Надо сказать, что наряду с Селенгинском у Верхнеудинска был еще один региональный «конкурент» в борьбе за лидерство – Кяхта. После подписания Кяхтинского договора в 1727 г. и вплоть до середины XIX в. Кяхта была практически единственным пунктом русско-китайской торговли.

связей, свое значение узла транспортных путей он сохранял неизменно»⁷¹.

Вместе с тем население города с момента основания Удинского острога росло сравнительно медленно. Перепись населения Российской империи 1897 г. зафиксировала 8086 местных жителей, в том числе русских – 6520, бурят – 380, тунгусов – 3, евреев – 892, татар – 96, китайцев – 81, поляков – 60, прочих – 54⁷². К этому моменту город занимал также и незначительную территорию (об этом более подробно – во втором параграфе этой главы).

После Октябрьской революции, гражданской войны и укрепления советской власти в судьбе города происходят значительные изменения. Став в 1923 г. столицей Бурят-Монгольской АССР, Верхнеудинск, сохранив при этом свое «традиционное значение важнейшего пункта обмена и распространения товаров», превращается в «главный очаг новой национальной культуры»⁷³. Закономерным в связи с новой ролью города было его переименование в 1934 г., в результате которого он приобрел новое имя – Улан-Удэ (Красная Уда⁷⁴), сохранившееся до сих пор⁷⁵. Это подчеркнуло не только переход

⁷¹ Минерт, Л.К. Архитектура Улан-Удэ... С. 8.

⁷² Там же. – С. 11.

⁷³ Там же. – С. 86-87; Об этнизации пространства советского Улан-Удэ см. также исследования М.Н. Балдано и С.В. Кириченко, опубликованные недавно в коллективной монографии: Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. – Иркутск: Оттиск, 2013. – С. 249-283.

⁷⁴ «Знаковым становится и название города – Улан-Удэ (в одной из интерпретаций второй части – удэ – предполагается такое значение – дверь, ворота), т.е. он назначается Центром распространения коммунистических идей в восточные страны». См.: Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период) / Т.Д. Скрынникова, С.Д. Батомункуев, П.К. Варнавский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – С. 110.

⁷⁵ Характерно, что после распада СССР вопрос о переименовании города, например, повторно в Верхнеудинск активно не обсуждался,

от русского торгового города к административному центру национальной республики, но и указало на акт его «второго» рождения⁷⁶. Перерождение города проявилось и в массовой индустриализации, которая кардинальным образом изменила городское сообщество – за советский период оно увеличилось, как мы отмечали, более чем в 18 раз. Данные переписи Российской империи 1897 г. и всесоюзных переписей 1939-1989 гг. наглядно демонстрируют темпы прироста городского населения (диаграмма № 1).

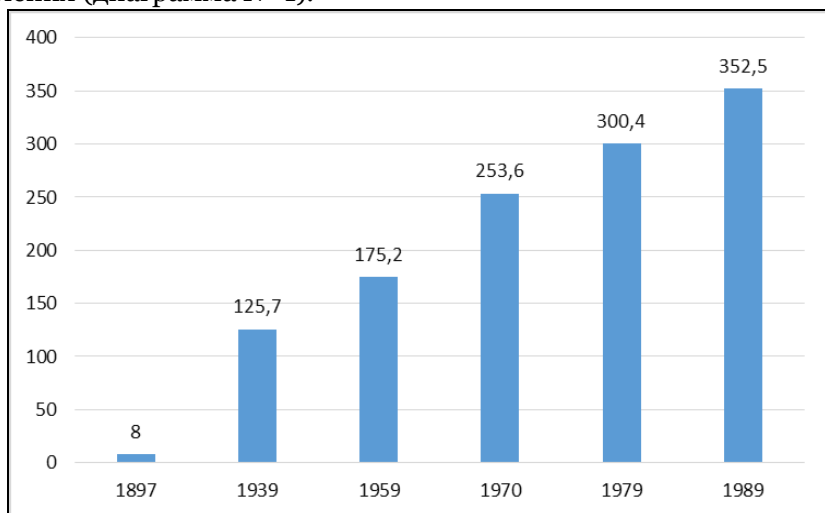

Диаграмма № 1.
Численность населения Улан-Удэ (Верхнеудинска),
по данным переписи Российской империи 1897 г. и всесоюзных
переписей 1939-1989 гг. (тыс. чел.)⁷⁷

как это происходило во многих отечественных городах. См., в частности: Возвращенные имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России / А. Макарычев [и др.] – Нижний Новгород: IREX и Профессионалы за сотрудничество, 2004. – 116 с.

⁷⁶ См.: Zhimbiev, B. Op. cit. – Р. 47; Минерт, Л.К. Архитектура Улан-Удэ... С. 5.

⁷⁷ Данные взяты из статистического сборника: Численность населения Бурятской АССР, ноябрь 1990 г. – Улан-Удэ. – 34 с.

Надо отметить, что ни одно из поселений республики не пережило на себе столь мощного процесса урбанизации, как Улан-Удэ. Так, например, к 1960 г. в Бурятской АССР помимо Улан-Удэ – города республиканского подчинения – было всего 4 города районного (аймачного) подчинения (Бабушкин, Гусиноозерск, Закаменск, Кяхта⁷⁸). В 1975 г. в связи со строительством Байкало-Амурской магистрали к ним добавился еще один – Северобайкальск. На протяжении всего советского периода численность этих «городов-районников» в основном росла, но никогда не была сопоставима с численностью Улан-Удэ (см. таблица № 5).

Таблица № 5.
Численность городов Бурятской (Бурят-Монгольской) АССР, по
данным переписей 1939-1989 гг. (тыс. чел.)⁷⁹

Город	Год образования	Год проведения переписи				
		1939	1959	1970	1979	1989
Улан-Удэ	1666	125,7	175,2	253,6	300,4	352,5
Гусиноозерск	1948	-	11,6	13,8	22,3	29,8
Северобайкальск	1975	-	-	-	12,9	28,3
Бабушкин	1842	7,0	8,2	7,9	7,4	7,3
Закаменск	1938	10,2	13,7	12,7	13,2	15,6
Кяхта	1728	11,2	10,3	15,3	15,0	18,3

⁷⁸ В 1953 г. город Шахты переименован в Гусиноозерск, в 1941 г. город Мысовск переименован в Бабушкин, в 1959 г. город Городок переименован в Закаменск, в 1934 г. Троицкосавск переименован в Кяхту.

⁷⁹ Таблица построена нами на основе данных статистического сборника: Численность населения Бурятской АССР, ноябрь 1990 г. – Улан-Удэ. – С. 5.

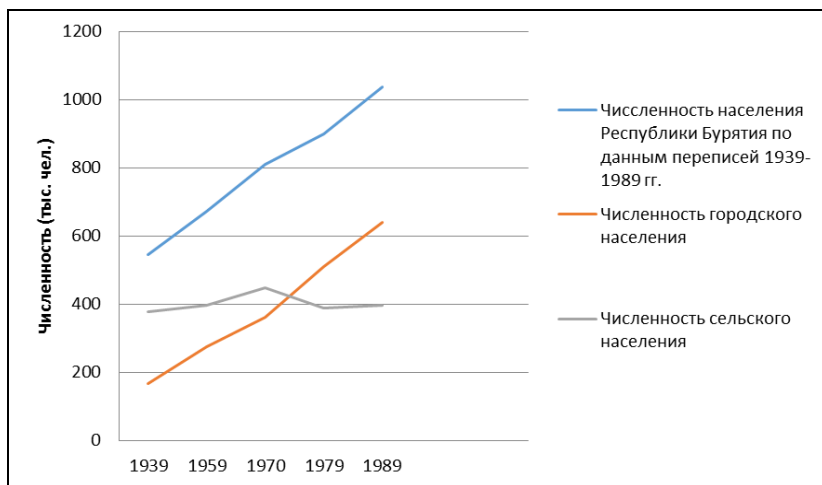

Диаграмма № 2.

Численность и соотношение сельского и городского населения Бурятской (Бурят-Монгольской АССР) в 1939-1989 гг.

(тыс. чел.)⁸⁰

Если взять для примера 1989 г., когда численность городского населения в Бурятской АССР была максимальной, и подсчитать удельный вес Улан-Удэ в предложенном списке (он равен ~ 78 %), становится понятно, что в столице республике в это время проживало чуть менее 4/5 ее городского населения. И, если численность сельского населения Бурятской АССР оставалась практически неизменной с конца 1930-х гг. (диаграмма № 2), то городское население республики, как мы видим, неуклонно росло вплоть до конца советского периода, обеспечивая общий рост населения в Бурятской АССР. И рост этот обеспечивал в основном Улан-Удэ. Таким образом, численное, экономическое и территориальное доминирование Улан-Удэ среди прочих поселений республики стало одним из итогов и особенностей урбанизации Бурятской АССР⁸¹.

⁸⁰ Диаграмма построена нами на основе данных: Численность населения Бурятской АССР, ноябрь 1990 г. – Улан-Удэ. – С. 4.

⁸¹ См. также: *Афанасьева, И.П.* Особенности социально-демографических процессов в городском населении Бурятии в 60-80-е

Рис. 1. Города Бурятской АССР

Другой особенностью урбанизации республики, о которой мы уже упоминали вначале, было то, что города-крупные промышленные центры формировались на значительном расстоянии друг от друга (см. рис. № 1) и от крупных экономических центров соседних регионов. В частности, расстояние от Гузиноозерска до Улан-Удэ по автомобильным дорогам составляет 110 км, от Бабушкина до Улан-Удэ – 181 км, от Кяхты – 235 км, от Закаменска – 417 км, а в г. Северобайкальск из Улан-Удэ в последние годы можно попасть либо на самолете, либо совершая длительный объезд по территории Иркутской области. Уже в постсоветские годы эта удаленность городов республики друг от друга, не позволила им выстраивать какие-либо агломеративные связи ни с городом Улан-Удэ, сохранившим ресурсные позиции лидера в Бурятии,

ни с другими центрами роста в регионе (допустим, Иркутском и Читой)⁸².

Распад Советского Союза и последовавший вслед за ним государственный кризис в промышленности и сельском хозяйстве, кардинальным образом изменили тенденции в демографическом развитии всех поселений Бурятии и Улан-Удэ в частности. Если в советские годы население республики в основном росло, то в постсоветский период оно преимущественно сохраняло характеристики депопуляции. Например, среднегодовой показатель миграционных потерь за 1997-2002 гг. составил 4575 человек⁸³. С 1989 г. по 2010 г. численность жителей республики сократилась с 1038,2 тыс. до 972,0 тыс. человек (на 92,5 тыс. человек)⁸⁴ (см. диаграмму № 3).

Основным фактором снижения численности населения республики была не естественная убыль, а миграционный отток. К примеру, в течение 2002 г. потери населения составили 5,9 тыс. человек, в том числе за счет естественной убыли – 1,6 тыс. и миграционного оттока – 4,3 тыс. человек⁸⁵. На протяжении как минимум 15 лет (1991-2005 гг.) в логике «западного дрейфа» населения России Бурятия «отдавала» своих жителей западным регионам многократно больше, чем получала в это время с во-

⁸² Бубаева, Т.Ю. Тенденции развития региональных систем расселения (на примере Республики Бурятия) / Т.Ю. Бубаева // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 5. – Режим доступа: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=16809> (Дата посещения: 24.06.2014).

⁸³ Информация о миграции населения Республики Бурятия в 2002 году в разрезе муниципальных образований. – Режим доступа: http://egov-buryatia.ru/index.php?id=883&print=1&no_cache=1 (Дата посещения: 06.03.2013).

⁸⁴ Миграция населения Республики Бурятия. Статистический сборник № 02-03-02 / Бурятстат. Улан-Удэ. – 2009. – С. 6.

⁸⁵ Информация о миграции населения Республики Бурятия в 2002 г. в разрезе муниципальных образований. – Режим доступа: http://egov-buryatia.ru/index.php?id=883&print=1&no_cache=1 (Дата посещения: 17.04.2010).

стока страны⁸⁶. Превышение смертности над рождаемостью в республике продолжалось с 1991 г. по 2007 г., при этом данные за 2007-2009 гг. указывают уже на положительную динамику⁸⁷. Между тем прогнозы Бурятстата в отношении численности населения республики на ближайшие десятилетия указывают на возможное возвращение к тенденции депопуляции. Относительное благополучие в 2007-2010 гг. может вновь смениться периодом убытия. Так, к 2031 г. население Бурятии, как ожидается, может уменьшиться до 952,8 тыс. человек⁸⁸.

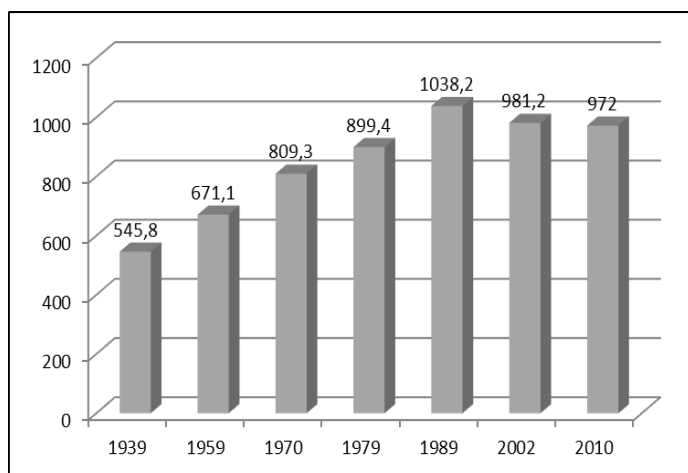

Диаграмма № 3.
Численность населения Республики Бурятия (Бурятской АССР) с 1939 по 2010 гг. (тыс. чел.)⁸⁹

⁸⁶ См.: Мкртчян, Н.В. Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее... С. 80-96.

⁸⁷ Естественное движение населения Республики Бурятия. Статистический сборник № 02-03-04 / Бурятстат. – Улан-Удэ. – 2009. – С. 6-7.

⁸⁸ Предположительная численность населения Республики Бурятия до 2030 г. Статистический сборник № 02-03-00 / Бурятстат. – Улан-Удэ. – 2009. – С. 4.

⁸⁹ Диаграмма составлена нами на основе данных статистических сборников: Численность и размещение населения Республики Буря-

Количественное измерение внутренней миграции в республике в разрезе муниципальных образований (далее также – МО) зачастую выявляет вариативность в наложении общереспубликанских социально-демографических тенденций на реалии тех или иных ее сельских районов (21) и городов, которых после административных преобразований 2000-х гг. официально в Бурятии осталось два (Северобайкальский и Улан-Удэ).

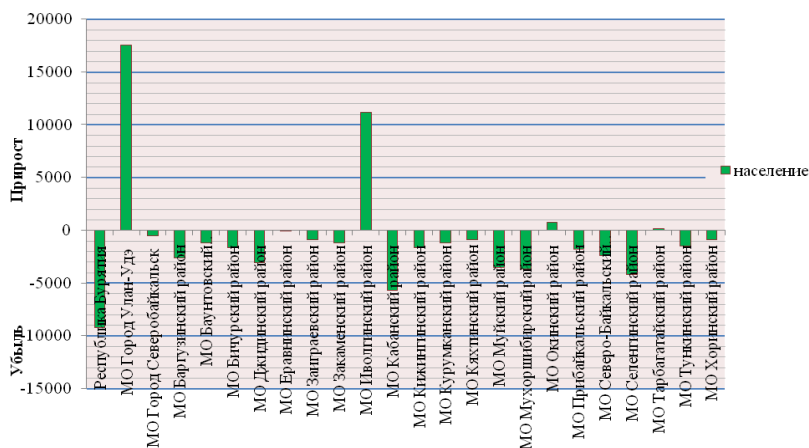

Диаграмма № 4.
Изменение численности населения Республики Бурятия в
разрезе муниципальных образований за период 2002-2010 гг.
(чел.)⁹⁰

С 1992 г., когда была достигнута максимальная численность населения республики, процесс депопуляции отмечается во всех муниципальных образованиях. В то же время динамика этого процесса, а также соотношение факторов естественной

тия: стат. сб. № 02-03-13 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. – Улан-Удэ, 2012. – 82 с.; Численность населения Бурятской АССР, ноябрь 1990 г. – Улан-Удэ. – 34 с.

⁹⁰ Диаграмма взята из доклада Бурятстата: Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года: Доклад / Бурятстат. – Улан-Удэ, 2012. – С. 4.

убыли и миграционного оттока заметно отличаются в разных районах. Так, в год Всероссийской переписи-2002 при уменьшении общей численности населения в республике миграционный прирост был зафиксирован в шести муниципальных образованиях: г. Северобайкальске, Иволгинском, Закаменском, Мухоршибирском, Окинском и Тарбагатайском районах. Хотя в большинстве из указанных МО прирост и не превышал 100 человек⁹¹. Миграционная привлекательность Иволгинского и Тарбагатайского районов (в последнем уровень миграционного прироста оставался положительным с 1992 г.) объясняется их близостью к столице республики и главному центру внутриреспубликанского миграционного притяжения – г. Улан-Удэ.

Локальным центром на севере Бурятии продолжает выступать г. Северобайкальск. Однако миграционный прирост местного населения сопровождается убылью населения из окружающего город Северобайкальского и расположенного рядом Муйского районов республики. Значительный миграционный отток наблюдается в Джидинском, Заиграевском, Кяхтинском, Тункинском районах (в 2002 г. – 300-500 человек). В оставшихся десяти районах, согласно статистическим данным, также существует миграционная убыль⁹². В количественном измерении наименее благоприятные миграционные тенденции характерны для столицы Бурятии. В 2003 г., к примеру, на г. Улан-Удэ пришлось 52,3 % всей миграционной убыли из республики⁹³. Между тем эти миграционные потери город восполняет за счет миграционной прибыли и естественного прироста населения. Надо сказать, «если промышленный и транспортный узел Улан-Удэ проигрывает в миграционном обмене с центральны-

⁹¹ Информация о миграции населения Республики Бурятия в 2002 г. в разрезе муниципальных образований. – Режим доступа: http://egov-buryatia.ru/index.php?id=883&print=1&no_cache=1 (Дата посещения: 17.04.2010).

⁹² Миграция населения Республики Бурятия. Статистический сборник № 02-03-02 / Бурятстат. Улан-Удэ. 2009. С. 15.

⁹³ Информационные материалы социальной сферы. – Режим доступа: <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=879> (Дата посещения: 17.04.2010).

ми, экономически развитыми районами страны, то сельские районы значительно проигрывают в обмене со столицей республики. Население русской национальности в основном перемещается в центральные и южные районы страны [...]. Население бурятской национальности в основном мигрирует из села в город, из дальних районов в пригородные»⁹⁴.

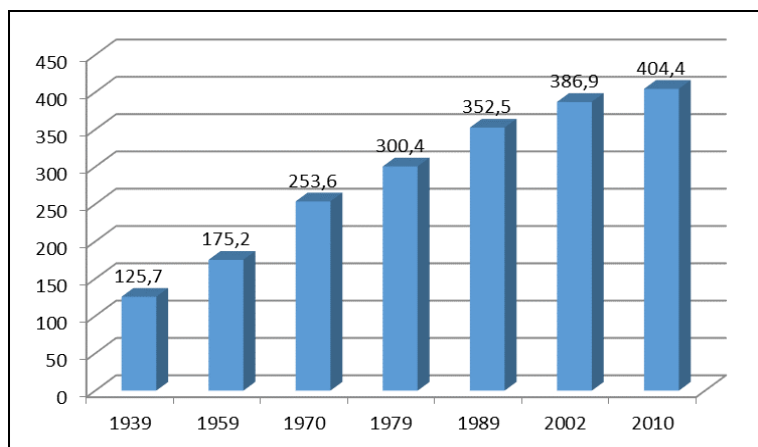

Диаграмма № 5.
Изменение численности населения Улан-Удэ,
по данным переписей 1939-2010 гг.⁹⁵

В итоге получается, что, несмотря на общее снижение численности населения Республики Бурятия, высокий миграционный отток из Улан-Удэ, численность столицы республики продолжает расти (см. диаграммы № 4 и 5).

⁹⁴ Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А. Миграционные настроения сельских жителей... С. 18.

⁹⁵ Диаграмма составлена нами на основе данных статистических сборников: Численность и размещение населения Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-13 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. – Улан-Удэ, 2012. – 82 с.; Численность населения Бурятской АССР, ноябрь 1990 г. – Улан-Удэ. – 34 с.

К середине 1990-х гг., когда в аграрный сектор окончательно пришла разруха, а во многих сельских поселениях республики прекратили работу практически все госпредприятия, жизнь большинства сельчан лишилась «городского налета» – того относительного инфраструктурного благополучия, которое сформировалось в последние советские десятилетия⁹⁶.

«Институты, которые в недавнем прошлом работали на “сближение деревни с городом”, детские и врачебные учреждения, парикмахерские и другие коммунально-бытовые службы [...] прекратили свое существование [...] Жизнь сельчан лишилась не только городского “налета”, сельское население осталось без самых элементарных услуг – медицинской помощи, возможности приобретать продукты питания и предметы первой необходимости [...] сокращение или полное исчезновение транспортных сообщений и вместе с тем дороговизна проезда способствовали “изоляции” жителей отдаленных сел от “внешнего” мира»⁹⁷. Оказавшись в подобных условиях, сотни сельчан, в основном трудоспособного возраста, решились на переезд в город Улан-Удэ. В обратном направлении – из Улан-Удэ в сельские поселения – как в 1990-е гг., так и в первом десятилетии 2000-х гг., выехало значительно меньшее количество людей. «Во внутрирегиональном перемещении населения отмечается преобладание миграционных потоков, ориентированных из сельских поселений в городские [...] особой притягательностью обладает г. Улан-Удэ»⁹⁸. Надо отметить здесь, что в 1990-е и до начала 2000-х гг., пожалуй, не менее значимыми центрами притяжения в сельских районах оставались их административ-

⁹⁶ Более подробно о мотивах переселения см.: Рандалов Ю.Б., Харяев Б.В., Чукаев П.А. Миграционные настроения сельских жителей... С. 51-67; Содномпилова, М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства... С. 164-169.

⁹⁷ Содномпилова, М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства... С. 165.

⁹⁸ Будаева, Ц.Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен... С. 4.

ные центры, в которых собиралось и укоренялось население из окружающих сел и деревень. Статистика по районным центрам фиксирует более-менее стабильный прирост населения в районных центрах до 2002 г.⁹⁹.

Вместе с тем за последние двадцать лет именно Улан-Удэ стал главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов. На это указывают, в частности, проведенные исследования¹⁰⁰. Сельчане с каждым годом продолжают прибывать в столицу, приобретая, арендуя жилье, а иногда и незаконно захватывая земли в различных частях города¹⁰¹. Опираясь на материалы нашего исследования, результаты которого опубликованы¹⁰², мы можем отметить, что Улан-Удэ, будучи в повседневном представлении «единственным городом республики»¹⁰³, обладает в этом смысле наибольшей миграционной при-

⁹⁹ Опираемся на данные статбюллетеней «Сельское население Республики Бурятия» за период с 1994 по 2010 г.

¹⁰⁰ См., например: *Бреславский, А.С.* Сельские мигранты в пространстве постсоветского Улан-Удэ / А.С. Бреславский. Известия Алтайского госуниверситета. Сер.: История, политология. – 2011. – Том 1, № 4. – С. 22-25; *Будаева, Ц.Б.* Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен... С. 4; *Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А.* Миграционные настроения сельских жителей...; *Содномпилова, М.М.* Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства... С. 163-184.

¹⁰¹ Более подробно о практиках расселения сельских мигрантов в постсоветском Улан-Удэ и отношении к ним в городском сообществе см.: *Бреславский, А.С.* Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ... С. 132-155; *Содномпилова, М.М.* Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства.... С. 163-184; *Карбаинов, Н.И.* «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город... С. 129-154.

¹⁰² См., например: *Бреславский, А.С.* Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ... С. 132-155.

¹⁰³ Образ Улан-Удэ в качестве «единственного города республики» крайне натурализован, то есть кажется вполне естественным. См. более подробно об этом: *Бреславский, А.С.* Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991-2011 гг.)... С. 49-50.

тягательностью по отношению к малоперспективной сельской Бурятии. Сельчане-мигранты рассматривают «город» как место, в котором сконцентрированы позитивные полюса общественной жизни всей республики: развитый рынок труда, институты высшего образования, сферы культуры и досуга, благоприятная социальная и инфраструктурная среда и прочее. Фактически, Улан-Удэ, как и прежде, остается «единственным «центром роста» региона (Республики Бурятия – прим. авт.), на который приходится более 50% всех ресурсов. По ряду позиций концентрация ресурсов в Улан-Удэ достигает 90%»¹⁰⁴. Это касается рынка труда, сферы торговли и строительства, образовательных ресурсов, возможностей для культурного отдыха. В постсоветский период Улан-Удэ, таким образом, лишь укрепил свои позиции многофункционального центра республики. Именно здесь наиболее интенсивно протекают экономические, политические, социальные и культурные процессы.

Подводя итоги данного параграфа, следует отметить ряд тезисов, которые будут особенно важны для последующего анализа и общего понимания процессов субурбанизации в Республике Бурятия на современном этапе.

1. Специфичной особенностью и одним из основных итогов урбанизации Республики Бурятия в советский период стало численное, экономическое и территориальное доминирование Улан-Удэ среди прочих поселений республики. По существу, Улан-Удэ стал главным и в известном смысле «единственным» городом республики, основным ее ресурсным центром, выделяющимся на фоне остальных поселений Бурятии. При этом остальные более-менее крупные городские поселения в Бурятии оказались удалены друг от друга настолько, что в постсоветский период между ними и Улан-Удэ не возникло каких-либо агломеративных связей. В результате развернувшиеся в последние два десятилетия процессы субурбанизации охватили в республике главным образом лишь город Улан-Удэ.

¹⁰⁴ Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (Дата посещения: 17.04.2010).

2. Современный Улан-Удэ – один из крупных городов Восточной Сибири. Вместе с тем, не самый экономически развитый и развивающийся. По уровню промышленного производства, торговли, научно-техническому потенциалу город относят ко второй или третьей группе субъектов в рамках Сибирского федерального округа. В общероссийских миграционных процессах Улан-Удэ в постсоветский период преимущественно отдавал население западносибирским, центрально-европейским и южным регионам страны и в значительно меньшей степени сам принимал переселенцев с Востока России. В отличие от некоторых других крупных городов Сибири и Дальнего Востока (Новосибирска, Красноярска, Владивостока) Улан-Удэ слабо привлекает внутрирегиональных мигрантов.

3. Увеличение населения Улан-Удэ в постсоветский период в условиях высокого оттока местных жителей в другие российские города оказалось возможным во многом благодаря тому, что город стал главным центром миграционного притяжения внутриреспубликанских (главным образом сельских) мигрантов. Сельчане стабильно прибывали и прибывают в Улан-Удэ, в результате чего, только по официальным данным, в городе сегодня проживает около половины всех жителей республики.

В следующем параграфе, продолжая анализ территориально-демографического развития Улан-Удэ, мы рассмотрим, как формировались окраины и пригороды города, начиная с конца XIX в. и вплоть до сегодняшних дней, а также выявим основные сегменты окраинной и пригородной зоны старого и нового Улан-Удэ. Речь пойдет о бывших слободских поселениях, спальных районах, дачных поселках, промышленных окраинах, коттеджных поселках и пригородных селах.

1.2. Улан-Удэ: старые и новые сегменты пригородной зоны

Перед тем, как приступить к анализу старых и новых сегментов пригородной зоны Улан-Удэ, еще раз определимся с тем, что мы понимаем под «пригородом». В действительности ответ на этот вопрос не так однозначен, как может показаться. В англо-американской традиции считается, что пригород обладает такими двумя характеристиками, как периферийное положение по отношению к городскому центру и низкая плотность жилой застройки и заселения. Обычно, чем дальше территории расположены от городского центра, тем менее плотной является их застройка. Периферийность является фундаментальной физической характеристикой пригорода, поскольку он обычно располагается между городом и сельской местностью, либо городом и неосвоенными / слабо освоенными человеком природными территориями. Но как тогда быть с современными городскими окраинами Улан-Удэ, которые по этим характеристикам вполне подходят под определение «пригорода»? Как быть с этими многочисленными слабоурбанизированными областями одноэтажной застройки усадебного типа? Известно, что муниципальное образование городской округ «город Улан-Удэ» включает в себя несколько, как их называют в мэрии «отдаленных микрорайонов» – поселков, образованных в основном еще в советские годы и активно расширившихся в последние годы. Как быть с этими территориями? Осознавая не меньшую значимость изучения проблем развития этих микрорайонов, я из-

начально вывел их за границы своего исследования, включив в определение «пригорода» еще одну известную характеристику – административную самостоятельность. Она предполагает, что пригородом может считаться поселение, которое находится на границе с городом, не входит в его состав, имеет собственные органы самоуправления и собственный бюджет.

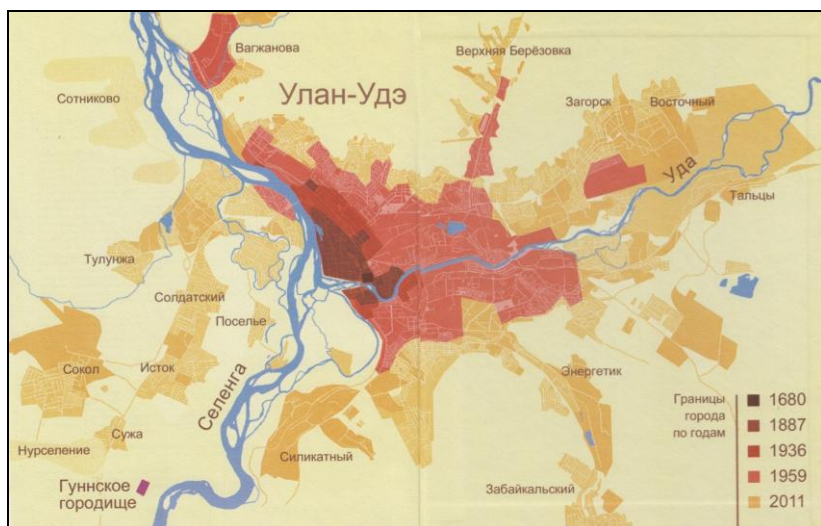

Рис. 2.
Изменение границ города Улан-Удэ в период 1680-2011 гг.¹⁰⁵

В случае с Улан-Удэ пригородными поселениями могут быть названы сельские поселения трех районов республики, окружающих город Улан-Удэ (Иволгинского, Тарбагатайского и Заиграевского). Именно эти поселения, которые будут представлены в заключительной части параграфа, и попали в фокус проведенного социологического исследования. Вместе с тем, совсем отказать во внимании окраинам города – его отдален-

¹⁰⁵ Схема взята из учебного пособия: История Улан-Удэ / отв. ред. Г.А. Айдаев, С.М. Тучков, Т.М. Нагуслаева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. – 160 с.

ным микрорайонам – также было бы большой ошибкой, поскольку развитие пригородной зоны Улан-Удэ глубоко связано с развитием его окраин. Поясню, почему. Во многом именно городские окраины приняли на себя первые волны сельской миграции в 1990-х гг., а также первых горожан, пожелавших сменить квартиру на дом, или вынужденно переехавших из своих квартир на «землю» по финансовым причинам. Поэтому отслеживать изменения в развитии городских окраин также важно. Это дает нам более широкое понимание того, куда «движется» город. Несмотря на то, что мы вывели городские окраины из социологического блока исследования, мы затронем их в историческом блоке – в этом параграфе и в следующем, когда речь пойдет о практиках расселения сельских жителей в Улан-Удэ. Рассмотрим, как исторически формировалась территория города, его окраины и пригороды, в чем заключались особенности застройки Улан-Удэ и отдельных его сегментов, определим особенности взаимодействия города и окружающих его сел в разные периоды его истории.

В учебнике по истории Улан-Удэ, вышедшем в 2012 г., опубликована прекрасная карта-схема, наглядно иллюстрирующая изменение границ города в исторической перспективе (Рис № 2). Она без труда позволяет понять, что Улан-Удэ в современном виде является в значительной степени продуктом советского планового строительства и связанных с ним особенностей и издержек. Зона исторической застройки дореволюционного периода – «Старый город» – занимает на городской физической карте незначительное место. Все остальное: промышленные зоны, индустриальные поселки, спальные районы, дачи, обширные зоны частного сектора – появилось именно в советское время. И хотя сами горожане считают Улан-Удэ «маленьким», по размерам застроенной территории он, как иронично отметили разработчики Стратегии развития города, превосходит Париж, численность которого составляет примерно 2,5 млн.

человек (для сравнения: численность жителей Улан-Удэ на 01.01.2006 г. составляла около 377 тыс. человек)¹⁰⁶.

В предыдущей главе мы кратко охарактеризовали, каким образом происходило демографическое развитие Улан-Удэ, начиная с момента его основания в 1666 г. и заканчивая началом XXI в. Рассмотрим, как город изменялся территориально, как исторически изменялись его границы, что представляли собой городские окраины Улан-Удэ в прошлом и как они выглядят сегодня. Рассмотрим основные группы городских окраин и то, как они формировались, а также попробуем определить, где сегодня может быть проведена граница между окраинами Улан-Удэ и его пригородами.

Начнем наш обзор с конца XIX в. – в более раннее время никаких серьезных изменений с точки зрения территориального роста Улан-Удэ (тогда еще Верхнеудинска) в общем-то не происходило. Действительно, вплоть до конца XIX столетия город занимал небольшую территорию в пойме между правым берегом р. Уда и правым берегом р. Селенга. Застройка Верхнеудинска, расположившегося на слиянии этих двух довольно крупных рек, происходила медленно. Деревянная крепость острога была сооружена еще в 1680-е гг. на возвышенности правого берега р. Уда – «Батарейной горе»¹⁰⁷ и просуществовала до конца XVIII в.¹⁰⁸ Вслед за сооружением острога, ниже, на плоской прибрежной террасе Уды, постепенно разрослось казачье поселение – Посад (Рис. 3).

¹⁰⁶ Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (Дата посещения: 22.04.2009).

¹⁰⁷ Такое название она получила, как пишет историк Л.К. Минерт, позднее в связи с установкой здесь во второй половине XIX в. артиллерийского лагеря (батарей) Конно-артиллерийской бригады Забайкальского казачьего войска. См.: *Минерт, Л.К.* Архитектура Улан-Удэ... С. 56. См. о «Батарейке» также: *Серебрякова, Р.А.* Улан-Удэ. Путеводитель. – С. 15.

¹⁰⁸ См.: *Минерт Л.К.* Архитектура Улан-Удэ... С. 29-30.

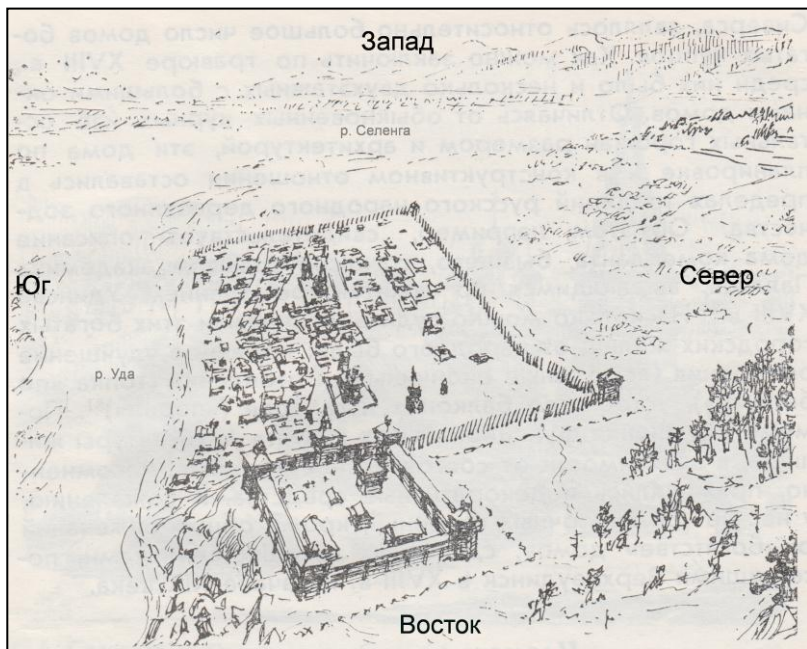

Рис. 3.
Удинский кремль и посад.
Вид с востока. Реконструкция Л.К. Минерта

Именно этой территории «большого города»¹⁰⁹ предстояло стать общегородским центром торгового Верхнеудинска и пробывать таковым в течение двух последующих столетий. Дальнейшая застройка города производилась стихийно¹¹⁰ в северном (в сторону нагорной части, современного общегородского центра), западном (в сторону р. Селенга) и южном направлении (на левом берегу р. Уда).

В течение XIX в. количество жилых зданий постоянно увеличивалось, однако, не благодаря расширению зоны строитель-

¹⁰⁹ «Большой город» противопоставляется физически ограниченной территории самого острога, который располагался на Батарейной горе. См.: Минерт, Л.К. Архитектура Улан-Удэ... С. 28.

¹¹⁰ Первый план застройки Верхнеудинска был принят в конце XVIII в.

ства, а преимущественно за счет уплотнительной застройки Посада. Территория нагорной части практически не застраивалась: «существовали все возможности для расширения города [...], но они не привлекали застройщиков [...]. И вплоть до конца XIX в. жилищная застройка не распространяется за обрыв на возвышенные земли [...]. По-видимому, территория в естественных границах нижней приречной террасы еще как-то удовлетворяла потребности города»¹¹¹. В связи с этим вплоть до начала XX в. границы Верхнеудинска практически не менялись. К концу XIX в. нижние приречные территории по обе стороны Уды были застроены, причем достаточно уплотненно. В меньшей степени осваивались территории на севере города, включая левый берег Селенги.

К концу XIX в. рядом с городом (посадом) сформировались два городских предместья – Заудинская слобода (за р. Уда) и слобода Поселье (за р. Селенга). В логике описания средневекового города они назывались именно слободами (предмestьями) при «городе-крепости». Вместе с тем уже в XVIII в. в связи с укреплением добрососедских и взаимовыгодных отношений с Китаем и Монголией Удинский острог в целом перестал играть роль военно-оборонительного пункта. Однако разделение города на посад и предместья все же сохранялось. Не в последнюю очередь на это влияли, по-видимому, естественные границы, отделяющие слободы от города – ими стали реки Уда и Селенга.

Вместе с тем, говорить о предместьях за Удой и Селенгой как о пригородных вряд ли следует, поскольку они не имели собственных органов местного самоуправления, не были самостоятельными, находились в подчинении городских властей Верхнеудинска. В частности, «Заудинское предместье имело официальный статус казачьей станицы, хотя в полицейском отношении подчинялось городу»¹¹². В связи с этим можно считать их, скорее, первыми городскими окраинами, а не пригородами.

¹¹¹ Минерт, Л.К. Архитектура Улан-Удэ... С. 52.

¹¹² См.: Там же. – С. 55.

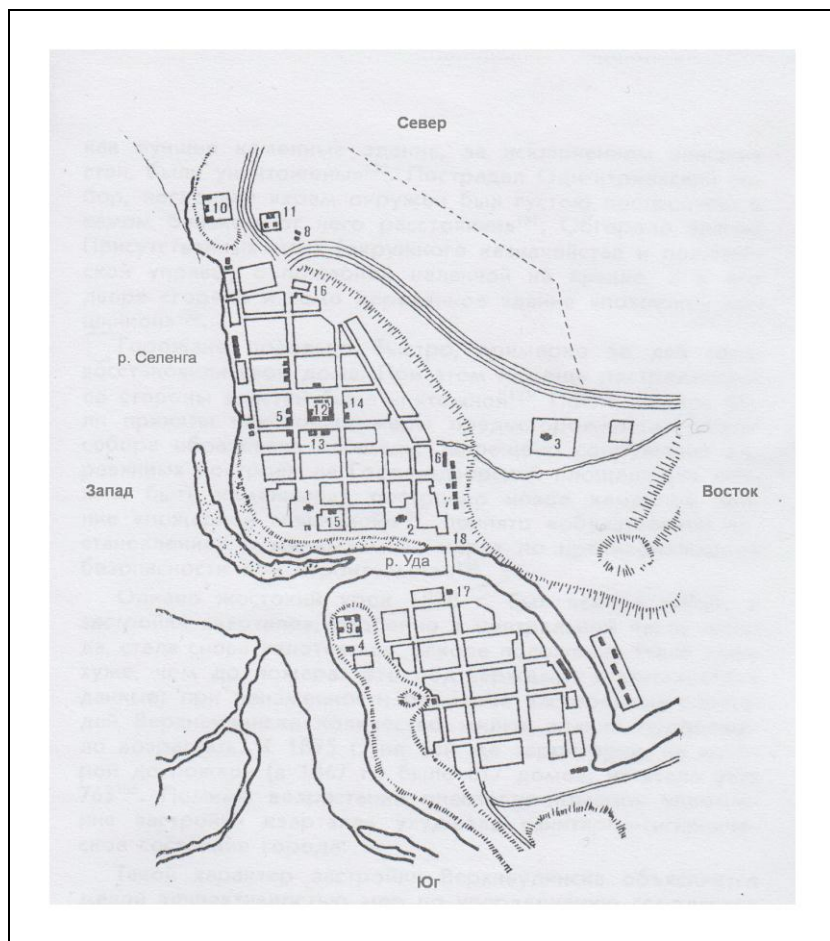

Рис. 4.
План Верхнеудинска 1839 г.¹¹³

О слободе Поселье, располагавшейся за Селенгой, мы знаем немного. Видимо, в силу ее незначительных масштабов и роли, которую она играла в жизни города (к 1810 г. она состояла всего

¹¹³ Там же. – С. 51.

из одной улицы и нескольких дворов)¹¹⁴, ее даже не наносили на известные нам карты и планы города. Заудинское предместье разрасталось гораздо активнее. Этому было несколько причин: оно было ближе в городскому центру, и осуществлять переправу по Уде было легче, чем по Селенге. Уже в 1730-х гг. на левом берегу Уды существовало несколько дворов, а в течение XIX в. разрастание Зауды¹¹⁵ активно продолжалось в связи с тем, что земли на территории посада были достаточно уплотненно застроены, а в нагорной части (современный общегородской центр) селиться никто не хотел. При этом, как отмечает историк Л.К. Минерт, в 1903 г. «заудинское предместье, имеющее 220 усадебных мест, т.е. третью часть усадебных мест всего города, остается в своем прежнем захудалом, заброшенном положении и приносит в городские доходы оценочного сбора [...] одну двадцатую часть всего сбора [...]. Преобладающей здесь была малоценная застройка усадебного типа. Заудинское предместье все же постепенно теряет характер сельского населенного места и превращается в один из районов города»¹¹⁶.

Кардинальные изменения в морфологии города произошли в XX в. Ситуация изменилась уже в начале века, когда началось строительство верхнеудинского участка Транссибирской железнодорожной магистрали. Начиная с 1900 г., когда в Верхнеудинске было открыто паровозное депо, город приобрел значение важного железнодорожного узла Западного Забайкалья. К «дороге» были направлены сотни рабочих и служащих из крупных городов европейской части России, началось освоение не только нагорной части города, но и северной его части, прилегающей к Иркутскому тракту и р. Селенга. С начала 1900-х гг. земли между городом и железной дорогой быстро застраиваются. По обе ее стороны появляются ведомственные здания, расширяются кварталы частных жилых домов.

Произошедшие изменения дифференцировали и укрепили торгово-экономические функции Улан-Удэ, благодаря чему он

¹¹⁴ Там же. – С. 49.

¹¹⁵ Это название сохраняется за районом до сих пор.

¹¹⁶ Минерт, Л.К. Архитектура Улан-Удэ... С. 55-56.

хоть и медленно, но продолжал расти. При этом промышленность в городе была все еще слабо развитой, а сам город – относительно бедным. К 1917 г. в окрестностях Верхнеудинска¹¹⁷ начали работу несколько десятков небольших заводов, тогда как значительные площади в центре и нагорной части занимали купеческие усадьбы¹¹⁸.

Рис. 5. План города Улан-Удэ 1936 г.

¹¹⁷ Стоит упомянуть стекольный, водочный и пивоваренные заводы, появившиеся в начале XX века в районе Нижней Батарейки на правом берегу р. Уда. См. также: *Минерт, Л.К. Архитектура Улан-Удэ...* С. 56.

¹¹⁸ См.: *Улан-Удэ: история и современность...* С. 87-89.

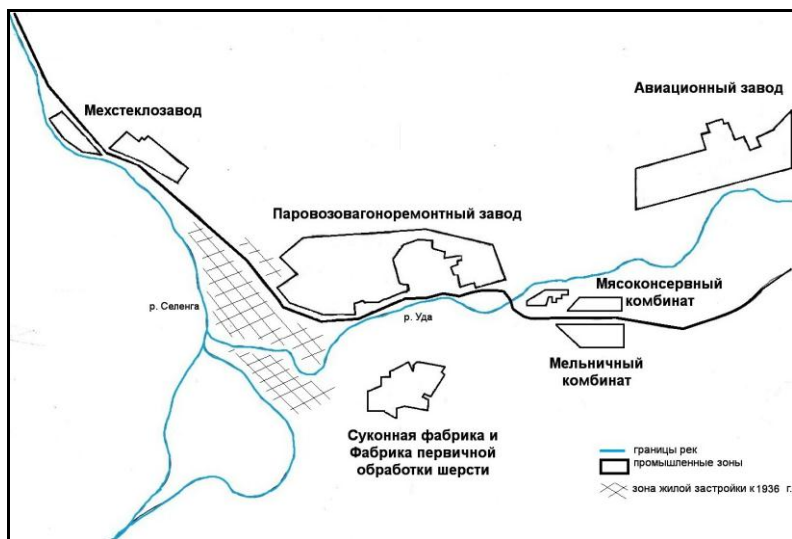

Рис. 6.
Зоны промышленной застройки Улан-Удэ

С установлением советской власти и образованием в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР в жизни города происходят еще более знаковые перемены. На его территории начали работу республиканские политические, административные, общественные и хозяйственные объединения. В результате в конце 1920-х – начале 1930-х гг. жилые границы города серьезно расширяются, в особенности на северо-востоке и в южной части, за Удой, производится застройка по линии железной дороги, заселяются сохранившиеся пустыри на «Батарейке» (см. Рис. 5). Постепенно меняются границы общегородского центра, он сдвигается с пойменной части – центра прежнего торгового посада на некогда непопулярную нагорную часть. Здесь постепенно обустраивается площадь Советов с ансамблем правительственных зданий, которая и сегодня продолжает оставаться общегородским центром.

На территориальный рост Улан-Удэ, начиная с 1930-х гг., наряду с обозначенными административными изменениями, существенным образом повлияла его массивированная индустри-

ализация¹¹⁹ (Рис 6). В городе развернулась промышленная стройка, в ходе которой было образовано несколько крупных промышленных районов. В 1934 г. начал свою работу паровозовогоноремонтный завод (центральный район), вместо старого стекольного был построен механизированный стекольный завод (северо-западный район). В 1937 г. были сданы в эксплуатацию основные производственные цеха мясоконсервного комбината (юго-восточный район), с 1938 г. началось сооружение авиационного завода (восточный район)¹²⁰. Уже после Великой Отечественной войны были открыты суконная фабрика (1946), фабрика первичной обработки шерсти (1963), небольшие предприятия «Механлит», мотороремонтный завод превратились в крупные заводы «Электромашин» и «Теплоприбор». Расширение окраинных территорий в 1930-1950-е гг. происходило, таким образом, преимущественно за счет промышленного строительства, в том числе создания жилых поселков – заводских спутников. Городу предстояло осваивать значительные по площади зоны новых пригородных земель, которые многократно превышали его прежнюю территорию.

В 1938 г. произошло, по сути, первое в истории Улан-Удэ административное разделение города. Постановлением Президиума ВЦИК образованы Городской, Железнодорожный и Пригородный районы. За счет разукрупнения Городского и Железнодорожного районов в 1945 г. был образован еще и Заводской район, который ликвидировали уже в 1948 г., включив его территорию в состав Железнодорожного. В 1957 г. Городской район переименовали в Советский, а Пригородный – в Октябрьский. С этого времени наименования трех городских районов (Железнодорожный, Октябрьский, Советский) не изменялись.

¹¹⁹ Более подробно об индустриализации Бурятии в XX в. см.: Балдано, М.Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923-1991 гг.): достижения, издержки, уроки / М.Н. Балдано. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2001. – 431 с.

¹²⁰ См. более подробно: Минерт, Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 98-104.

В итоге к концу 1950-х гг. территория Улан-Удэ представляла собой совокупность рабочих поселков промышленных предприятий (Стеклозавода, Локомотивовогоноремонтного завода, Авиазавода и пр.) и «слободок» (Батарейка, Зауда, Шишковка, Аршан и пр.)¹²¹. В город между тем прибывало все больше новых жителей¹²², уровень освоения пригородных территорий был крайне высок (в сравнении с дореволюционным периодом). Границы городской черты расширялись дважды: в 1934 г. и 1939 г. В первый раз расширение произошло за счет включения территорий левобережья Уды, во второй – за счет территории правого берега с авиационным заводом и поселком Верхняя Березовка¹²³. При этом значительные территории между новыми перифериями и общегородским центром до начала 1960-х были слабо застроены, поскольку промышленные предприятия возводили объекты исключительно в своих поселках, а у городских властей средств на это было недостаточно¹²⁴. В связи с этим общая городская панорама до 1960-1970-х гг. оставалась крайне фрагментированной, между центром города и его промышленными районами оставались значительные по площади пустыри, слабо было налажено транспортное сообщение между отдельными территориями. В связи с этим до 1970-х гг. у горожан бытовало определение центра как «города». Обычная фраза: «Пойдем, сходим в город» – означала «выйти в

¹²¹ См.: Митупов, К.Б.-М. Молодежные группы Улан-Удэ во второй половине XX века: истоки и причины активизации взаимодействия, смена функций, криминализация отношений / К.Б.-М. Митупов // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии: материалы международного семинара-совещания / Митупов К.Б.-М. [и др.] – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2006. – С. 95.

¹²² Численность города к 1931 г. достигла 41 тыс. чел., в 1941 г. – 127 тыс., в 1959 г. – 174 тыс., в 1978 г. – 321 тыс. чел. См.: Минерт, Л.К. Архитектура Улан-Удэ... С. 87, 131, 146.

¹²³ См.: Там же. – С. 238.

¹²⁴ См.: Там же. – С. 150.

центр»¹²⁵. Такого рода восприятие границ города, как представляется, оставалось массовым и устойчивым в Улан-Удэ вплоть до последних лет. Сегодня, например, так часто говорят в отдаленных микрорайонах на городских окраинах.

Надо отметить, что вместе с массовым наплывом мигрантов из Центральной России и (в меньшей степени) сельских территорий республики в городе сразу же обозначился кризис жилья, с которым не удавалось справиться в течение всего советского периода. Реакцией на этот кризис уже с 1930-х гг. становится массовое нерегулируемое возведение вблизи индустриальных предприятий, в рабочих поселках, на окраинах города одноэтажных индивидуальных деревянных домов, времянок, барачков и т.п. В них одни горожане жили, надеясь получить от государства благоустроенное жилье, другие старались обустроить быт на долгосрочную перспективу. Приоритет промышленной застройки, недостаток строительных материалов на несколько десятилетий предопределили характер жилой архитектуры: основным способом разрешения жилищных проблем вплоть до 1960-х гг. было одноэтажное строительство деревянных домов усадебного типа¹²⁶. Строительство осуществлялось как в соответствии с Генпланом¹²⁷, так и самовольно. Несмотря на то, что массовое индустриальное строительство сопровождалось все увеличивающимся плановым строительством, жилья, мест для размещения прибывающих рабочих и специалистов никогда не хватало¹²⁸. Очереди на предоставляемое государством жилье не уменьшались даже в периоды массовых многоэтажныхстроек в

¹²⁵ Митупов, К.Б.-М. Молодежные группы Улан-Удэ во второй половине XX века: истоки и причины активизации взаимодействия, смена функций, криминализация отношений... С. 95.

¹²⁶ «Даже крупнейший паровозо-вагонный завод, имевший одну из наиболее значительных строительных организаций в городе, в 1946-1949 гг. возводил почти исключительно одно- и двухквартирные одноэтажные дома». См.: Минерт, Л.К. Архитектура Улан-Удэ... С. 149.

¹²⁷ См.: Там же. – С. 142.

¹²⁸ См.: Zhimbiev, B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. – Р. 4; Минерт, Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 91, 105-110, 114, 146.

1960-х гг. и в позднесоветский период, когда город разросся за счет так называемых «спальных кварталов».

В постсоветском Улан-Удэ, как и во многих других городах на пространстве бывшего СССР, промышленная и жилая застройка которых произошла в годы ускоренной модернизации, проявились множественные издержки и «промахи» плановой индустриализации и жилищной политики¹²⁹. Речь идет, как мы можем сейчас увидеть, прежде всего, о нефункционирующих индустриальных ландшафтах, значительных по площади массивах нерегулируемой одноэтажной жилой застройки усадебного типа, утративших автономность индустриальных поселках. Все они формируют окраины Улан-Удэ, в разной степени удалённые от центральной части города.

Массивы нерегулируемой жилой застройки, не имеющие развитой социально-бытовой инфраструктуры, являются типичным явлением для Улан-Удэ. Советские «нахаловки» – самострой – возводились вблизи заводов-новостроек, а также часто в неудобных для жизни местах: на склонах холмов, на сильно пересеченных, каменистых участках предгорий, у обрывистых и затопляемых берегов рек¹³⁰. Территории, отводимые Генпланом на индивидуальную застройку, были зачастую неудобными и непригодными для ведения домашнего хозяйства. Это стало одной из причин самовольного строительства. «За первое послевоенное десятилетие на землях, не отведенных для жилищного строительства, частными лицами было сооружено свыше трех тысяч домов»¹³¹. Застройка проходила на землях,

¹²⁹ Интересна в этой связи история советского городского планирования и, в частности, дискуссии 1920-х гг. об идеальном городе. См., например: *Khan-Magomedov, S.O. Pioneers of Soviet Architecture: the Search for New Solution in the 1920s and 1930s. / S.O. Khan-Magomedov. London: Thames and Hudson, 1987. – 618 p.; Koop, A. Town and Revolution: Soviet Architecture and City Planning 1917-1935 / A. Koop. – London: Thames and Hudson, 1970. – 312 p.*

¹³⁰ О «нахаловках» в советском Улан-Удэ см., в частности: Zhimbiev, B. *History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. – P. 59; Минерт, Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 155.*

¹³¹. См.: *Минерт, Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 155.*

на которые власть «закрывала глаза» в силу того, что они мало подходили для возможного многоэтажного строительства. Сегодня эти территории, уже в основном легализованные, остаются слабо урбанизированными, требуют значительного реформатирования. Это сделало бы их более органичной частью городского благоустроенного ландшафта.

Нефункционирующие индустриальные ландшафты – промышленные предприятия, промышленные зоны и т.п. – также остаются «серым пятном» на карте города. Большинство крупных промышленных предприятий, занимающих значительные по площади территории города (Локомотивовогагоноремонтный завод, Стеклозавод, Мелькомбинат, Тонкосуконная мануфактура и другие), сегодня либо не работают, либо загружены лишь частично, сохраняют полуразрушенный вид. Перед городскими властями и местным сообществом (прежде всего, крупным бизнесом) стоят задачи креативного обновления этого индустриального наследия. Достаточно успешно этим занимаются, например, владельцы городских супермаркетов, переоборудующие советские промышленные постройки на окраинах в относительно привлекательные торговые зоны.

Утратившие автономность индустриальные поселки – заводские спутники, в советские годы поддерживаемые своими заводами, в начале 1990-х гг. были вынуждены активно включаться в общегородское пространство. «Поселковый», нацеленный на автономность, стиль застройки в 1990-е гг. обернулся «бедой» для местных сообществ. Переход к рынку городские окраины переживали, как представляется, более болезненно, нежели центр. Кризис в сфере общественного потребления, деградация социальной, культурной и бытовой инфраструктуры при заводах в рабочих поселках – все это толкало местные сообщества к скорейшей интеграции в Город (центр). В связи с этим характерные для советского периода поселковые идентичности постепенно уступают место единой, общегородской (но, видимо, не во всех случаях). Этому способствует активное перемещение жителей из одних районов в другие, а также развитие внутригородских пассажирских перевозок, благодаря которым территории промышленных окраин и местные

сообщества становятся «ближе» к Центру. Говоря о «советских» сегментах, формирующих территорию современного Улан-Удэ, нельзя обойти стороной «спальные районы» и «городские дачи».

Спальные районы начали появляться в Улан-Удэ с конца 1950-х гг.¹³². В качестве автономных жилых территорий они включали в себя основные элементы социально-бытовой инфраструктуры: детские сады, школы, столовые, магазины и пр. Строительство подобных жилых зон, рассчитанных на массовое заселение горожан в многоэтажные дома типичной панельной застройки, надо отметить, отличает советские города от западноевропейских, которые часто имеют коттеджные предместья и окружены небольшими городками в качестве пригорода. В современном Улан-Удэ спальные районы или как их чаще называют «квартала», по-прежнему занимают значительные по площади территории.

Городские дачи – летние домики с земельным участком, объединенные в садово-дачные кооперативы – начали активно строить в советском Улан-Удэ с начала 1960-х гг.¹³³ Поскольку дачное строительство было инициировано центральной властью, количество дачных кооперативов в городе только росло. К 1990-ым гг. дачи сделали землевладельцем практически каждого, кто хотел построить летний дом и иметь участок для овощей¹³⁴. В постсоветский период дачи постепенно приватизируются и перестраиваются. Одни из владельцев сохраняют их в

¹³² Речь идет о микрорайонах 18, 20, 20-а, 40, 41, 43 Октябрьского района, 4, 6, 10, 12 Железнодорожного района и 1, 2, 4, 14 и 16 Советского. См.: *Минерт, Л.К.* Архитектура Улан-Удэ... С. 240.

¹³³ Более подробно об истории и специфике улан-удэнских дач см.: *Zhimbiev, B.* History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. – P. 79-81; *Варнавский, П.К.* Современная дача как социокультурный феномен городской повседневности (на примере Улан-Удэ) / П.К. Варнавский // Город и село в условиях глобализации (на примере Республики Бурятия): мат-лы междунар. семинара / отв. ред. Ю.В. Попков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 44-48.

¹³⁴ См.: *Zhimbiev, B.* History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. – P. 79.

качестве летнего жилья (но уже более благоустроенного), места для отдыха и огородничества, другие перестраивают домики в усадьбы дома с отоплением и приусадебными постройками (баня, гараж и т.п.). В условиях высоких цен на городское благоустроенное жилье и участки в черте города, дачи, часть из которых расположена в 10-15 минутах езды от общегородского центра, становятся ценным земельным и жилым активом. Будучи более доступным вариантом для аренды и покупки, они становятся домом как для «коренных» горожан, так и новых жителей столицы (в основном сельских мигрантов)¹³⁵.

Еще одно направление развития городских окраин, возникшее уже в постсоветский период, – **строительство коттеджных поселков и таунхаусов**. Надо сказать, таких микрорайонов возникло в Улан-Удэ не так много, по всей видимости, в виду ограниченности класса богатых людей. Наиболее яркий пример – микрорайон Верхняя Березовка, считающийся уландэнской «рублевкой» (по образцу Москвы), который активно застраивается в последнее десятилетие.

В языке городской администрации все множество городских окраин, в разной степени удаленных от центра города, в 2000-е гг. было обозначено как «отдаленные микрорайоны». Так, Советский район Улан-Удэ сформирован из следующих частей: Центральная часть, мкр. Заречный, п. Стеклозавод, мкр. Вагжанова, мкр. Батарейка, п. Исток, п. Солдатский, п. Аэропорт, мкр. Левый берег, п. Сокол, п. Тулунжа и с. Степное¹³⁶. В состав Железнодорожного района входят следующие поселки и микрорайоны: Шишковка, Лысая гора, Аршан, Орешково, Загорск, Верхняя Березовка, 502 км, Зеленхоз, Матросово, Площадка, Гавань, Зеленый, Солнечный. На территории Октябрьского

¹³⁵ См., например: *Содномпилова, М.М.* Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства... С. 163-184.

¹³⁶ Перечень микрорайонов размещен на Официальном сайте Улан-Удэ. См., к примеру: Паспорт Советского района. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/rayon/sovetsk/passport/> (Дата посещения: 12.05. 2011).

района расположено 12 отдаленных поселков и микрорайонов: п. Забайкальский, Новая Комушка, Горького, Южный, Тальцы, Таежный, Энергетик, Никольский, Светлый, Медведчиково, Сосновый бор, Звездный. Таким образом, в городе к 2011 г. было обозначено 32 отдаленных микрорайона¹³⁷. При этом, правда, до сих пор неясен правовой статус этих территорий, не определены их отличительные черты. Категория «отдаленные микрорайоны», очевидно, была выделена в рамках политико-административного дискурса, в языке политиков и чиновников для управления соответствующими территориями. С недавнего времени она приобретает устойчивые институциональные формы – в районных администрациях созданы управления по работе с отдаленными микрорайонами¹³⁸, введены должности заместителей руководителя (администрации) по работе с отдаленными микрорайонами. Между тем, многие из этих территорий имеют названия, которые документально не зафиксированы, но узнаваемы в рамках повседневного дискурса: «...Согласно акту 1997 года о застройке города, в котором сказано, что в Октябрьском районе официально числится только поселок Забайкальский, никаких других поселков – Силикатного, Жданова, Южного, Таежного – нет. Все эти названия считаются простонародными»¹³⁹.

Среди всех отдаленных микрорайонов города мкр. Загорск и п. Сокол являются «периферийными городскими поселениями, расположенными вне собственно города Улан-Удэ, но входя-

¹³⁷ См., в частности: Постановление Администрации г. Улан-Удэ от 23 октября 2008 г. № 525 об утверждении муниципальной целевой программы «Развитие отдаленных микрорайонов, входящих в городской округ "город Улан-Удэ", на период 2008-2011 гг.» // СПС «Гарант».

¹³⁸ См., например, Управление по работе с отдаленными микрорайонами Советского района Улан-Удэ. – Режим доступа: http://www.ulan-ude-eg.ru/rayon/sovetsk/upr_otdal_mikro/ (Дата посещения: 12.05.2009).

¹³⁹ Матвеева, А. Готовьте деньги / А. Матвеева // Номер один. – 2005. – 6 апр. – С. 4.

щие в одноименное муниципальное образование»¹⁴⁰. К слову, оба поселения стратегически важны для города, так как первое является поселением-спутником аэропорта (ключевого транспортного узла предполагающейся Байкальской туристической зоны), а второе функционирует в основном за счет улан-удэнского авиазавода, который существенно определяет наполнение городского и республиканского бюджета.

Границы города в административном дискурсе помимо «периферийных городских поселений» формируют «периферийные сельские поселения»¹⁴¹, застроенные садово-дачными участками, а также «самостроем» («нахаловками»). В начале 2000-х гг., в особенности на волне активной борьбы мэрии против самовольных построек в отдельных частях города, «проблема превращения города Улан-Удэ в Понаехоловск»¹⁴² на некоторое время вышла за рамки «скептических бесед адептов городской идентичности», став одной из публично обсуждаемых тем. Наиболее остро негативное влияние сельских мигрантов на формирование городской застройки и городского имиджа было публично обозначено именно в начале 2000-х гг., когда мэрия начала решительную кампанию по борьбе с самостроем, расположенным в п. Солдатский, вблизи городского аэропорта, в п. Комушка и другими. Постепенно в «проблему самоволок» включились местные отделения общероссийских партий, СМИ¹⁴³, представители религиозных движений, появи-

¹⁴⁰ К периферийным городским поселениям отнесен также район станции «Дивизионная». См., в частности: Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (Дата посещения: 12.12.2009).

¹⁴¹ См., в частности: Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (Дата посещения: 12.12.2009).

¹⁴² Краюхин, К. Улан-Удэ превращается в Понаехоловск / К. Краюхин // Номер один. – 2006. – 23 авг. – С. 7.

¹⁴³ См.: например: Капустина, Е. «Нахаловку» будут разбирать «химики» / Е. Капустина // Информ полис. – 2001. – 7 нояб.; Шишкина, В. За «самоволки» возьмется всерьез / В. Шишкина // Номер один.

лись первые социальные исследования «нахаловок»¹⁴⁴. В итоге к 2007-2008 гг. часть домов была снесена, в отношении остальных было решено применить политику правового урегулирования, преимущественно в форме узаконивания жилья. Самовольный захват городских территорий для жилищного строительства вместе с тем не прекратился, в результате чего эта тема периодически поднимается снова и снова.

Одним из итогов шумной кампании 2007-2008 гг. стало то, что нахаловки *увидели*, они в короткий период стали заметными, завеса над их повседневной жизнью, малознакомой большинству горожан, была приподнята. При этом самоволки, которые показывали в новостных передачах, о которых писали в местных газетах, были в основном заселены именно сельскими мигрантами. В связи с этим публично «нахаловки» приобрели «сельское лицо». Вместе с тем, вполне очевидно, что далеко не все зоны незаконного и нерегулируемого самостроя в городе заселены сельскими мигрантами. Где-то по соседству с сельскими жителями строят дома и «коренные» горожане¹⁴⁵. Этот факт был в целом проигнорирован, как и то, что на городской имидж ни в меньшей степени, чем сельский самострой у дороги в Аэропорт (п. Солдатский, Исток), влияют расположенные в самом центре города невзрачные деревянные микрорайоны (Зауда, Нижняя батарейка и пр.), в подавляющем большинстве не обладающие исторической ценностью, состоящие из участков улиц малоэтажной застройки, часть из которых находится в аварийном состоянии. Надо сказать, что рост города за счет обширных пригородных территорий осуществлялся в течение

– 2007. – 26 дек.; *Галлас, А.* Город будет бороться с «самоволками» / А. Галлас // Номер один. – 2008. – 18 июня; *Садыкова, И.* В конце июня приставы снесут 47 «самоволок» / И. Садыкова // Номер один. – 2008. – 16 июля; *Санжиев, П.* Амнистия для самовольщиков / П. Санжиев // Номер один. – 2009. – 29 апр.

¹⁴⁴ См., например: *Карбаинов, Н.И.* «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город... С. 129-154; *Карбаинов, Н.И.* «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли / Н.И. Карбаинов // Социс. – 2007. – № 11. – С. 136-139.

¹⁴⁵ К примеру, в п. Комушка, мкр. Загорск, мкр. Левый Берег и пр.

всего XX в. без существенной и целенаправленной реконструкции старых кварталов¹⁴⁶. Наглядные результаты этого повсюду. В подобных условиях «деревенскими» окраинами вполне можно назвать не только физические границы Улан-Удэ, но и территории в центре.

В итоге к настоящему времени город, если брать не только центральную его часть, но и составляющие его окраины, имеет достаточно растрепанный, аморфный вид. Значительные по площади зоны индивидуальной жилой застройки, опоясывающие его и вкрапленные в городское «ядро», придают ему сельский облик. Именно поэтому, а также в связи с тем, что значительное количество современных улан-удэнцев – сельчане в первом и втором поколении, город иногда иронично называют «большой деревней»¹⁴⁷. Это противоречие между официальным статусом «города-столицы» и его слабоурбанизированным ландшафтом хорошо выразил историк С. Галданов. В своей статье «Город без горожан» он отмечает: «Словосочетание “город Улан-Удэ” представляется внутренне противоречивым. Крупный административный, политический, экономический, культурный, научный центр, – и одновременно – это “город, состоящий из одних окраин” [...], это город, состоящий из поселков, а теперь уже из деревень и улусов [...]. Люди, живущие в этих поселках, занимают пограничное положение: они уже не деревенские, но еще не горожане. И таких в Улан-Удэ большинство»¹⁴⁸.

Обозначенное С. Галдановым противоречие имело и административные корни. Вплоть до конца 2000-х гг. часть поселе-

¹⁴⁶ В частности, «...старый центр города (правый берег Уды, организованный вокруг Гостиных рядов – прим. авт.) практически на протяжении всего советского периода особого интереса для властей не представлял». См.: Амоголонова, Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики / Д.Д. Амоголонова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. – С. 235.

¹⁴⁷ См. об этом более подробно: Бреславский, А.С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города... С. 73-78.

¹⁴⁸ Галданов, С. Город без горожан / С. Галданов // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты: альманах-исследование / отв. ред. М.Я. Рожанский. – Иркутск, 2002. – С. 58-59.

ний, непосредственно примыкающих к границам Улан-Удэ, не имела прописанного законодательного статуса – привязки к городу (городскому округу). Эта проблема остро обозначилась в связи с подготовкой к Всероссийской переписи 2010 г.: нормы законодательства не допускали наличие в черте городского округа сел и поселков. В связи с этим в 2009 г. по предложению депутатов городского совета Народный Хурал Республики реорганизовал сразу 8 «отдаленных микрорайонов» – поселков и сел, присоединив их к территории Улан-Удэ. Ими стали: поселки Солдатский, Сокол, Тулунжа, Заречный, села Исток и Степной, которые вошли в состав Советского района города, поселок Забайкальский, который был отнесен к Октябрьскому району, и поселок при станции Мостовой, ставший частью Железнодорожного района¹⁴⁹ (некоторые из них были обозначены на Рис.2). Административные преобразования коснулись более 30 тыс. человек, которые официально стали горожанами¹⁵⁰.

К настоящему моменту продолжающийся демографический рост Улан-Удэ, связанный как с миграционным, так и естественным приростом населения, все больше влияет на увеличение территории города. Расширяются как старые (появившиеся в советское время) окраины, так и новые пригороды. Как мы уже отметили выше, пригородные территории Улан-Удэ составляют исключительно сельские районы республики. Город окружают четыре района: Заиграевский, Иволгинский, Тарбагатайский и Прибайкальский¹⁵¹. При этом в непосредственной

¹⁴⁹ См.: Постановление Народного Хурала Республики Бурятия «О реорганизации поселков Солдатский, Сокол, Тулунжа, Забайкальский, Заречный, поселка при станции Мостовой, сел Исток и Степной в форме присоединения к городу Улан-Удэ» от 03.12.2009 г.

¹⁵⁰ Пригородные поселки реорганизовали окончательно. – Режим доступа: <http://insure.baikal-media.com/news/society/57132/> (Дата посещения: 04.03.2013).

¹⁵¹ Основные виды хозяйственной деятельности в этих районах – животноводство, растениеводство, туризм. Более подробную характеристику районов см. на их официальных сайтах: Официальный сайт Заиграевского района. – Режим доступа: <http://www.zaigraevo.ru> (Дата посещения: 16.11.2014), Официальный сайт Иволгинского района. –

близости к Улан-Удэ расположены поселения только первых трех районов (с. Турунтаево, первым встречающееся на пути в Прибайкальский район, отдалено от столицы республики на достаточно значительное расстояние (50 км) и не рассматривается в качестве пригорода ни столичной властью, ни в целом жителями самого села).

В приведенной ниже таблице № 6 мы представили перечень всех пригородных поселений Улан-Удэ, находящихся на расстоянии 30 км от центра города – Площади Советов. Поселения распределены по степени их удаления от центра.

Расстояние в 30 километров, понятно, является вполне условным показателем «пригородности», многие жители более удаленных от города сел и поселков, также вовлечены в ежедневную трудовую маятниковую миграцию со столицей республики и, возможно, рассматривают свои села как пригородные. Строгих критериев здесь, пожалуй, не найти. Вместе с тем, по материалам наших полевых исследований, именно в этом радиусе к настоящему времени наиболее интенсивно происходят процессы демографического и территориального роста сельских поселений. В поселениях, которые расположены на большем удалении, эти тенденции значительно менее выражены, сама их связь с Улан-Удэ менее выражена. Отметим, что в рамках исследования мы обозначили эту территорию, включающую 21 поселение, «пригородной зоной Улан-Удэ». Из таблицы видно, что на расстоянии 30 км от центра Улан-Удэ расположен сегодня 21 населенный пункт. Каждый из них входит в состав того или иного сельского поселения Заиграевского, Иволгинского или Тарбагатайского района. Так, более половины из поселений (12) расположены в Иволгинском районе, 6 – в Тарбагатайском и 3 – в Заиграевском. Суммарная численность населения в них, по данным Всероссийской переписи 2010 г., со-

ставляет чуть более 37 тыс. чел.¹⁵², то есть примерно 9% от общей численности Улан-Удэ за этот год (404,4 тыс. чел.¹⁵³).

Таблица № 6.
Населенные пункты пригородной зоны Улан-Удэ

Наименование населенного пункта	Район	Расстояние от центра данного населенного пункта до общегородского центра Улан-Удэ по автодорогам (км)	Население, по данным переписи 1989 г. (чел.)	Население, по данным переписи 2002 г. (чел.)	Население, по данным переписи 2010 г. (чел.)
с. Поселье	Иволгинский	10,7	195	356	3797
с. Сотниково	Иволгинский	11	3136	4478	6274
с. Суза	Иволгинский	13,5	460	428	1884
с. Нурселение	Иволгинский	13,5	135	899	1872
с. Гурульба	Иволгинский	14	1106	1659	2711
улус Хойтобэе	Иволгинский	14,7	412	1166	2754
с. Нижний Саянтуй	Тарбагатайский	15,5	1388	1692	2834
с. Нижняя Иволга	Иволгинский	17,7	688	993	1723
с. Вознесеновка	Тарбагатайский	18,6	282	348	414
с. Эрхирик	Заиграевский	19,7	1329	1553	2260
с. Ошурково	Иволгинский	20,1	401	402	430
ст. Саянтуй	Тарбагатайский	22,1	182	144	140

¹⁵² Численность и размещение населения Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-13 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. – Улан-Удэ, 2012. – 82 с.

¹⁵³ Там же. – С. 9.

улус Дабата	Заиграевский	22,1	55	40	101
улус Улан-Иволгинский	Иволгинский	22,4	87	101	90
с. Тапхар	Иволгинский	25	878	558	568
с. Саратовка	Тарбагатайский	26,8	193	245	210
с. Иволгинск	Иволгинский	27,6	4200	7241	7382
с. Верхний Саянтуй	Тарбагатайский	28,6	416	324	311
улус Нарын-Шибирь	Заиграевский	29,1	39	94	126
с. Краснояроро	Иволгинский	30,9	343	383	426
п. Николаевский	Тарбагатайский	31,5	1246	1267	1295
Итого			17171	24371	37602

В постсоветский период миграционная притягательность Улан-Удэ сделала привлекательными для мигрантов и эти пригородные территории. Вместе с тем, как мы можем сейчас увидеть, это обстоятельство по-разному повлияло на них. Где-то рост населения и числа домохозяйств за последние 10-15 лет привел к многократному увеличению как самих поселений, так и местных сообществ, а где-то эти изменения оказались совсем незначительными. Сравнив данные по численности и размещению населения в этих селах за два последних переписных периода (1989-2002, 2002-2010), мы выявили, в частности, что два из них – Поселье и Нурселение – стали своего рода «рекордсменами» в демографическом росте: зарегистрированное население здесь увеличилось за обозначенное время в 19 и 13 раз соответственно. В шести поселениях (Ошурково, Дабата, Улан-Иволгинский, Саратовка, Краснояроро, Николаевский) этот рост был незначителен (до 8 %), а в трех (Тапхар, ст. Саянтуй, Верхний Саянтуй) – вообще было зарегистрировано сокращение численности местных жителей. В остальных же поселениях рост населения составил от 75 до 660%. Показатели эти, безусловно, сложились за счет миграционного прироста.

Сами по себе представленные поселения разнородны – они серьезным образом отличаются друг от друга по ряду показате-

лей: административному статусу, уровню развития социально-бытовой инфраструктуры, транспортной доступности, расстоянию до города и пр. В частности, в этом списке есть центр сельского района Бурятии (Иволгинск), и небольшие улусы (Улан-Иволгинский, Дабата, Нарын-Шибирь), есть относительно развитые в смысле инфраструктуры поселения (Сотниково, Эрхирик, Нижний Саянтуй) и те, в которых и сегодня нет каких-либо государственных социальных учреждений, будь то школы, детсады, поликлиники и т.п. Большую их часть объединяет одно – советское прошлое: в XX в. они сформировались при колхозах, совхозах, их отделениях, а также при учхозах и небольших промышленных предприятиях. После распада Союза и системы государственной поддержки сельского хозяйства, все сельскохозяйственные предприятия постепенно были закрыты, местное население начало осваивать улан-удэнский рынок труда. Здесь важно отметить следующее. Все пригородные поселения, о которых идет речь, вплоть до середины-конца 1990-х гг. были относительно замкнутыми поселениями «сельской Бурятии» и не являлись «пригородами» Улан-Удэ в том качестве, в котором они воспринимаются сегодня. Здесь еще не действовал соответствующий режим жизни, определяющий связь этих поселений с городом. Рассматриваемые села и сегодня сложно сопоставить с пригородами, допустим, западных городов по ряду критериев: уровню инфраструктуры, идентичности и социальному составу местных жителей, образу их жизни. Практически все из обозначенных поселений вплоть до последнего времени представляли собой достаточно типичные одноэтажные слабоурбанизированные сельские населенные пункты, жители которых вели сельский же образ жизни с характерными для него сферами деятельности (животноводство, приусадебное хозяйство и пр.); превалирующей была и «сельская» идентичность.

Вместе с тем с начала 2000-х гг., а в особенности с их середины, ситуация начала меняться: рассматриваемые села, в советские и в 1990-е гг. считавшиеся пригородом во многом номинально, сутобо географически, в связи с удорожанием городского жилья, земель и отсутствием свободных территорий внутри городского округа, стали приобретать все больший интерес у

потенциальных переселенцев. Географическая близость к городу, долгое время остававшаяся неактуализированным ресурсом, приобрела в их случае высокое символическое значение.

Произошедшие изменения за последние десять лет выразились, как представляется, в двух значимых тенденциях. С одной стороны, в связи с высокой миграционной привлекательностью этих территорий – увеличением потока мигрантов – трансформировалась структура местных сообществ, видоизменился облик рассматриваемых поселений. Мигранты начали воспроизводить здесь пригородный образ жизни, связанный с ежедневными маятниковыми перемещениями «пригород-город-пригород». С другой стороны, еще с начала 1990-х гг. ориентация «на город» стала определять трудовые и прочие практики самого местного населения, что повлияло и на их идентичность. Многие из них сегодня уже не воспринимают себя в качестве сельчан, хотя формально проживают в сельских поселениях. Воспринимая свои поселения в качестве «пригородных», информанты в основном выражали удовлетворение своей жизнью и местом, в котором они живут.

«В город никто у нас не переезжает, жизнь здесь всех устраивает, всегда можем выехать и взять все необходимое в городе. Детей выучить (дать высшее образование – прим. авт.), так как город рядом, всегда они могут приехать, взять, что надо. Мы вот поэтому не особо чувствуем себя уже сельчанами. Сельским хозяйством занимаются единицы. Тут ведь еще из-за строительства дач сократились пастбища. Хотя в советские годы был здесь богатый колхоз, колхоз-миллионник» (информант, 44 года, с. Эрхирик, 2012 г.).

В данном параграфе, рассматривая особенности территориального зонирования Улан-Удэ, формирования его окраин и пригородов, мы пришли к нескольким значимым выводам.

1. Территориальный рост Улан-Удэ (Верхнеудинска) в дореволюционный период связан главным образом с развитием городского посада и двух его основных предместий – Заудинской слободы (за р. Уда) и слободы Поселье (за р. Селенга). Говорить об этих предместьях как о пригородных территориях вряд ли следует, поскольку они не имели собственных органов местного

самоуправления, не были самостоятельными, находились в подчинении городских властей Верхнеудинска.

2. Существенные изменения произошли в советский период. К его завершению территория Улан-Удэ включала следующие значимые сегменты:

а) центральная часть, расширившаяся за счет включения в нее нагорных территорий (нынешний центр города – площадь Советов и Проспект Победы);

б) промышленные зоны, возникшие в разных географических точках Улан-Удэ в 1930-1950-е гг. и определившие развитие города в советский период;

в) поселения – заводские спутники – рабочие поселки, возникшие при крупных заводах и предприятиях со смешанной застройкой (много- и малоэтажные, в том числе одноэтажные многоквартирные и отдельные дома);

г) спальные районы – микрорайоны многоэтажного жилого строительства с комплексом социально-бытовой инфраструктуры;

д) слабоурбанизированные поселки – поселения, застроенные одноэтажными индивидуальными домами усадебного типа, в том числе частично самовольно;

е) садово-дачные товарищества и кооперативы, массово возникшие в городе и его пригородной зоне с начала 1960-х гг.

В советский период значительно более интенсивное развитие получили пригородные территории Улан-Удэ, не входящие в состав города. Помимо дачных кооперативов на территории смежных с городом сельских районов Бурятской АССР (Иволгинского, Тарбагатайского, Заиграевского) возникло несколько поселков, сел, небольших заимок и улусов. Все они приобрели главным образом сельскохозяйственное назначение, а местное население работало преимущественно на местных же предприятиях. Таким образом, пригородное положение этих поселений еще не сильно влияло на трудовые практики и образ жизни местного населения.

3. Постсоветский период привнес в территориальное и жилищное развитие Улан-Удэ и его пригородов множество значимых изменений. Упомянем лишь некоторые из них. Во-первых,

после легализации права частной собственности была разрешена приватизация земли и расширены права в использовании недвижимого имущества, люди получили большие возможности в выборе места жительства. Постепенно в Улан-Удэ, как и во все стране, начал складываться городской рынок земли и недвижимости. Стоит сказать хотя бы, что если в советское время аренда квартиры в городе считалась спекуляцией и могла быть серьезно наказана, то в 1990-е гг. отношения аренды стали своего рода локомотивом в развитии коммерческих жилищных отношений.

Вторая особенность этого времени заключалась в том, что отношения в области городской недвижимости и земли оказались крайне либерализованы. На практике это означало, что городскую землю можно было приобрести по «упрощенным схемам», без каких-либо «конкурсов», «тендеров», вошедших в практику в конце 2000-х гг.

Третья особенность – переходный период был отмечен существенной децентрализацией политической власти от государственного до муниципального уровня управления городом. Городские власти получили реальную возможность управления своей территорией, которой они фактически были лишены в советское время, но потеряли государственные субсидии и средства, которые в советское время крупные промышленные предприятия выделяли на благоустройство подведомственных им городских территорий (рабочих поселков, дач и т.п.). Это существенным образом повлияло на возможности городской администрации решать проблемы внутригородских районов¹⁵⁴, вопросы жилищного строительства, обслуживания и ремонта городского жилья.

В-четвертых, в условиях перманентного дефицита бюджетных средств в переходный период продажа городских земель

¹⁵⁴ Сегодня уже редко вспоминают хотя бы о том, насколько сложно было в 1990-е гг. подготовить город к очередному отопительному сезону, вовремя провести все ремонтные работы и запастись углем, ради чего даже временно не выплачивали зарплату многим бюджетникам.

стала привлекательным вариантом дохода. То же касается и пригородных поселений.

4. Перечисленные «особенности» «переходного периода» внесли существенные коррективы в территориальное и жилищное развитие Улан-Удэ и его пригородной зоны, в котором можно выделить несколько направлений.

Во-первых, в городе небывалые масштабы приобрело одноэтажное деревянное жилое строительство, главным образом, на городских окраинах. В итоге сегодня значительная по площади территория города уже не может обеспечить неослабевающий спрос на земельные участки для индивидуального жилищного строительства. По обозначенным выше причинам, в постсоветский период в Улан-Удэ получило развитие самовольное строительство, достигшее таких размеров, что спровоцировало волну общественных и политических дебатов («борьбу с самоволками») в середине 2000-х гг. Масштабы улан-удэнских скваттерских поселений, по всей видимости, превосходили масштабы этого явления в европейской части страны.

Второе направление территориального и жилищного развития города – массовое переобустройство советских дач, не приспособленных к круглогодичному проживанию, в капитальные жилые сооружения с надворными постройками (прежде всего, баней и гаражом).

Третье направление – рост числа микрорайонов коттеджей и таунхаусов, в том числе застраиваемых организованно и массово, с участием крупных строительных организаций и больших инвестиций.

Наконец, четвертое направление, уже более конкретно связанное с процессами субурбанизации, – активный рост (разрастание) поселков и деревень в пригородной зоне столицы республики (в Иволгинском, Заиграевском и Тарбагатайском районах Бурятии). Все они до начала 1990-х гг. являлись «пригородами» исключительно географически (располагаясь на физических границах городского округа); начиная с 1990-х гг., а в особенности в 2000-е гг. ситуацию меняет рост миграционной привлекательности этих территорий, в результате которого происходит существенное обновление местных сообществ, а

также выстраивается их социальная (связанная, прежде всего, с профессиональной занятостью) ориентация на город, что позволяет говорить о рассматриваемых поселениях как о «пригородных» уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле.

В рамках данной главы нам осталось решить еще одну важную задачу, раскрывающую контекст территориального и демографического развития пригородных поселений Улан-Удэ в постсоветский период. Во Введении я отмечал, что рост этих поселений напрямую связан с масштабами миграции сельских жителей в Улан-Удэ. Но как же сам Улан-Удэ принимает сельских мигрантов? Что их притягивает в столицу республики? Какое жилье они выбирают? С какими проблемами сталкиваются? Каковы масштабы этой миграции? Как, кем или чем она регулируется? В действительности, ответы на эти вопросы способны многое дать для понимания ситуации в пригородах Улан-Удэ, поскольку условия расселения сельских мигрантов в городе, очевидно, влияют на характер и масштабы их расселения в пригородной зоне.

1.3. Сельчане едут в город: практики расселения в Улан-Удэ

Основной замысел параграфа¹⁵⁵ – показать, как и где в Улан-Удэ предпочитают (вынуждены) жить сельские мигранты, вслед за этим понять – сформировались ли за последние двадцать лет более или менее устойчивые направления их расселения в городе.

Практики миграции, как и другие социальные практики, рассматриваются нами как относительно устойчивые формы социальной деятельности. Каждая практика в этом смысле представляет собой артикуляцию разнообразных социальных элементов, включая и дискурс¹⁵⁶. Будучи неотъемлемым элементом миграции, (миграционный) дискурс, воспроизводит и изменяет множественные значения относительно места выбытия и места прибытия, фиксирует и актуализирует случаи «удачной» и «неудачной» миграции, формирует воображаемые идентичности, сообщества мигрантов и т.д. В исследуемом нами случае – миграции из сельской местности Бурятии в г. Улан-Удэ – дискурсом, в наибольшей степени влияющим на формирование миграционных стратегий, является повседневный дискурс самих сельских жителей. Он основывается пре-

¹⁵⁵ Исследование, положенное в основу данного параграфа, было реализовано в 2009-2010 гг. и опиралось на серию нарративных и фокусированных интервью с жителями республики, переехавшими в Улан-Удэ из сельских районов Бурятии. См. итоги исследования более подробно: Бреславский А.С. Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ... С. 132-155.

¹⁵⁶ Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. Йоргенсен, Л.Филлипс. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. – С. 115-116.

имущественно на их собственных знаниях – представлениях, стереотипах, мифах, образах и прочих интерпретациях относительно «переезда в Улан-Удэ»¹⁵⁷. Иными словами, в своем желании (потребности) переехать в Улан-Удэ мигранты из сельской местности обыкновенно опираются на знания и опыт, которые проговариваются ими в собственных многообразных повседневных беседах, разговорах, спорах и т.п. В сельских поселениях республики нет агентств недвижимости, осуществляющих консультации по покупке-аренде жилья в Улан-Удэ, лишь в последние годы, благодаря сотовым операторам и госпрограммам, стал доступен Internet, которым пользуются всё еще лишь единицы, местное телевидение помимо стоимостных оценок улан-удэнской недвижимости также не предоставляет какой-либо систематической информации о возможностях расселения в городе.

«Нет, мы не искали особенно информацию (об Улан-Удэ – прим. авт.) о районах, домах, возможностей у нас не было, да и у своих лучше же. Всё исключительно, всю информацию – через наших знакомых в Улан-Удэ [...], сходили в агентство, сначала сняли квартиру, а через три месяца начали оформлять уже свою квартиру на Восточном (микрорайон Улан-Удэ – прим. авт.) [...]. Конечно, в основном переезжают те, кто что-то знает, кто в Улан-Удэ бывал, у кого дети там учились, учатся, кто сам учился – помнит город. Хотя вот он быстро меняется. То, что я училась в Пединституте (сегодня – Бурятский госуниверситет – прим. авт.), и сейчас – это две разные вещи, все намного дороже, сложнее взять [...] так, наобум, вряд ли, кто едет, учитывая, что у нас люди в основном осторожничают. Просто взять и переехать – это вряд ли. Все равно надо сначала решить, где можно будет работать, жить, у кого первое время пожить. Всё надо обсудить, желательно с теми, кто у тебя в Улан-Удэ живет, знакомыми, родственниками или хотя бы с теми, кто уже переехал, как мы сделали» (информант, 41 год, 2010 г.).

¹⁵⁷ Данный тезис выражает нашу гипотезу, основанную на материалах записанных интервью и включенного наблюдения.

Переезд в Улан-Удэ в дискурсивном измерении начинается с определения того, что такое Улан-Удэ? Для большинства сельских жителей республики Улан-Удэ еще с советских лет – единственный город республики. Вот почему, отвечая на вопрос: «Куда едешь?», сельчане говорят: «В город!» – и окружающим понятно, что речь идет именно об Улан-Удэ. Если для «коренных» городских жителей актуальным является разграничение Улан-Удэ на «собственно город» и окружающие его рабочие поселки, бывшие слободские поселения, то для «среднего» сельчанина подобное деление с явной символической градацией, на наш взгляд, не так характерно. Возможное исключение в этом смысле составляют жители сельских районов, находящихся в непосредственной близости от Улан-Удэ, которые включены в активную маятниковую миграцию со столицей республики. Их восприятие города зачастую более дифференцировано, более компетентно. Иначе говоря, они знают Улан-Удэ лучше.

«Дома у себя мы особо никуда и не ходим. Да и некуда, в кафе в основном это пьяницы, да молодежь. Кинотеатров нет, развлечений нет. У нас и в районном центре особо ничего такого нет, чтоб нормально отдохнуть. Только на природу разве, но это только летом. А зимой только дома сидеть, в основном так и живут: дом-работа. Мы хорошо – на своей машине, в городе работаем, я, муж, дочь вот тоже окончила в прошлом году БГУ и сейчас пытается устроиться. В город всю неделю и ездим, здесь (в районе – прим. авт.) ведь работы нет. Дочка водит нас, развлекает [...]. Сейчас-то я и сама стала разбираться по городу, где что, магазины, конечно, в основном, ну, и по районам тоже [...]. Мы давно так-то думаем, как бы переехать, варианты смотрим-ездим, хорошо, есть возможность – живем рядом» (информант, 48 лет, 2009 г.).

В целом же восприятие / воображение Улан-Удэ сельскими жителями, как показало исследование, организовано в достаточно однородных, упрощенных конструктах. Это связано с тем, что «реальным» знанием о городе, адекватным его современному состоянию, располагают немногие сельские жители республики, что связано в первую очередь с достаточно низким

количеством их поездок в столицу. Информанты, не имеющие намерений в ближайшем будущем переезжать в Улан-Удэ, в основном говорят о городе весьма абстрактно, как о «месте возможностей», «месте, где есть будущее, жизнь» в отличие от их «неперспективных», «скучных» деревень и поселков. Для многих сельских мигрантов, и в первую очередь для самой многочисленной их группы – молодежи¹⁵⁸, – город Улан-Удэ до 16-17 лет (окончания школы и поступления в ССУЗы, ВУЗы) – это во всех смыслах *terra incognita*, что-то, находящееся рядом, что может быть на слуху, но что сложно назвать знакомым.

«Впервые в Улан-Удэ я приехал, когда учился в 10 классе. Это была олимпиада. Если бы не она, я бы увидел Улан-Удэ только через два года. Был очень доволен, что поеду, это был такой праздник, ведь я вообще никогда в городе не был и вообще нигде особо не был [...]. Понятно, что тогда я приехал, нас везде за ручку водили, все показывали, я ничего не запомнил, где был, в каком месте города. Вообще не разбирался. Через пару лет только понял, когда уже стал (в Улан-Удэ – прим. авт.) учиться. А тогда в 2002, получается, мне все казалось дико, необычно: бомжи роются, вор-карманник на рынке, светофоры, трамваи, зебры (на дорогах – прим. авт.), здания выше трех этажей. У нас ничего такого нет. В общем Улан-Удэ был для меня очень новым местом [...]. Я думаю, мало кто из наших, кто учился со мной в школе, был до 11 класса в городе. Разве что девчонкам надо было ездить, платья покупать на выпускной. Мне костюм знакомые привезли, померили в Улан-Удэ на своем сыне. Сейчас, возможно, стали больше ездить в Улан-Удэ, поскольку все стало более-менее стабильно, деньги появились. Но раньше до начала 2000-ых, я думаю, точно, в основном видели Улан-Удэ, только когда приезжали поступать, а родители так вообще с советских лет его не видели» (информант, 24 года, 2010 г.).

Подобное, достаточно отстраненное знание об Улан-Удэ, в ситуации потенциальной миграции формирует дополнитель-

¹⁵⁸ См., например: Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А. Миграционные настроения сельских жителей... С. 22.

ные, прежде всего, информационные и психологические барьеры. Обычно они преодолеваются за счет не менее распространенных среди сельских мигрантов представлений о том, что Улан-Удэ – это «близкий», «свой» город, устроиться в котором во многих отношениях будет проще, чем, например, в остальных городах, регионах страны. Большинство из сельских мигрантов в период переезда актуализируют свои личностные (родственные, земляческие, дружественные и пр.) связи с жителями Улан-Удэ. Это оказывается возможным, поскольку значительное количество современных улан-удэнцев либо сами родились в сельской местности, либо имеют родителей (и т.д.) – «бывших» сельчан, на поддержку которых рассчитывают «новые» мигранты.

Итак, представления об Улан-Удэ в среде сельских мигрантов, как показало исследование, выстраиваются вокруг следующих основных смысловых точек:

1) Улан-Удэ, будучи в дискурсивном измерении «единственным городом республики», обладает в этом смысле наибольшей миграционной притягательностью по отношению к малоперспективной сельской Бурятии. Сельчане-мигранты рассматривают «город» как место, где сконцентрированы позитивные полюса общественной жизни всей республики – развитый рынок труда, институты высшего образования, сферы культуры и досуга, благоприятная социальная и инфраструктурная среда и пр.

2) Представление об Улан-Удэ в среде сельских жителей было и в целом остается отстраненным, внешним, интуитивным, слабо отражающим реалии постсоветских изменений. Это особенно характерно для жителей отдаленных от столицы республики сельских районов и для первого постсоветского десятилетия в целом. Знание о городе у сельчан (до переезда) подчас предельно локализовано, что выражается, к примеру, в ограниченности списка знакомых людей и мест. Вместе с тем, усилившиеся в последние 15-20 лет процессы переселения сельских жителей в Улан-Удэ с каждым годом упрощают проблему «информационного голода», которая встает практически перед каждым новым мигрантом.

3) В представлениях мигрантов-сельчан Улан-Удэ – это общество, в котором они могут рассчитывать на социальную лояльность и в котором проблемы социокультурной адаптации будут для них менее острыми, чем, к примеру, в других регионах страны. Подобные представления не в последнюю очередь опираются на примеры успешных стратегий переселения, которыми мигранты делятся в своей среде.

Обозначенные тезисы, конечно же, выражают лишь контур, смысловые границы восприятия Улан-Удэ сельскими жителями. Понятно, что «ощущение» мигрантами города может в действительности разительно отличаться от случая к случаю. Было бы грубой ошибкой говорить об однородности как самих представлений, так и гомогенности сообщества мигрантов – сельских жителей республики. Это сообщество отнюдь не однородно и, как отмечали сельчане-информанты, восприятие ситуации переезда в среде потенциальных мигрантов изначально множественно. Очевидная общность «сельского происхождения» не должна здесь вводить в заблуждение. Сложно говорить и о том, насколько сходными являются миграционные представления жителей отдельных сельских районов, сельских поселений республики, людей, принадлежащих к одному поколению, прошедших похожие пути социализации, имеющих сопоставимый уровень достатка, причисляющих себя к одной этнической группе и пр. Возможно, ответ на этот вопрос можно найти в серии более детальных обследований за счет организации соответствующих исследовательских кейсов. В настоящий момент имеющиеся аналитические исследования и характер собираемой статистики, на наш взгляд, не позволяют решить эту задачу. В этом смысле, решая главную задачу данного параграфа – выявить направления расселения сельских мигрантов в Улан-Удэ в целом, мы не будем дополнительно разделять сообщество сельских мигрантов на какие-либо подгруппы, соотносить эти группы с отдельными направлениями расселения.

В ходе исследования было выявлено множество направлений, «маршрутов» расселения сельских мигрантов в Улан-Удэ. Выделим среди них более или менее устойчивые, характерные, на наш взгляд, для изучаемого периода (1991-2009 гг.). Здесь

мы отталкиваемся от сформулированного выше предположения о том, что на процесс расселения сельских мигрантов существенное влияние оказывают имеющиеся у них знания и представления «о переезде в Улан-Удэ», «в город», полученные ими до переселения. И здесь необходимо сделать важное уточнение: когда речь заходит о реальном, а не воображаемом, представляемом переезде, на формирование стратегий расселения начинают воздействовать и иные факторы, прежде всего, наличие у мигрантов – сельских жителей необходимого экономического и социального капитала для обустройства в городе. Отметим сразу, что влияние этих факторов может и не быть определяющим¹⁵⁹.

Владение достаточным экономическим капиталом, в нашем случае финансовыми средствами, – это, в сущности, единственное, что нужно было для покупки жилья в Улан-Удэ с первых лет его постсоветской истории. Одновременно у самих горожан с началом Перестройки появилось законное право сдавать в аренду свои квартиры, дома и комнаты¹⁶⁰. При этом финансовая возможность приобрести жилье в Улан-Удэ в первые годы 1990-х была неамногого, но, все же, реальней, чем, к примеру, сегодня, поскольку рынок жилья только складывался. Именно поэтому многим из тех сельских жителей, кто приобрел недвижимость до острого роста цен в конце 1990-х гг., решить эту задачу сегодня было бы намного сложнее. *«Отцу предложили хорошую возможность в Улан-Удэ, в администрации города, мы, не долго думая, переехали. Ну, как... думали, конечно. В принципе всё прикинули они, всё оказалось реально. Рискнули. Дом продали свой, небольшое хозяйство (в Закаменске – прим.*

¹⁵⁹ К примеру, совсем не очевидно, что сельская семья, располагающая значительным экономическим капиталом, будет стараться перебраться в город, также как не очевидно, что, перебравшись в город, она поселится в удобной благоустроенной квартире в центре, а не в собственном доме на окраине Улан-Удэ.

¹⁶⁰ В советские времена в городе существовала ограниченная система обмена, арендаторства и бартерных отношений с жильем. Аренда жилья считалась спекуляцией, хотя и существовала. См. Zhimbiev, B. Op. cit. P. 101.

авт.) и, помню, совсем немного добавили и купили квартиру здесь, на Борсоева. До сих пор живем [...] Нет, сейчас такую квартиру с хорошим ремонтом сложно кому-то из села купить, таких зарплат в деревне нет, хотя опять же чиновники, предприниматели могут» (информант, 36 лет, 2009 г.).

К середине 1990-х гг., когда стало очевидно, что аграрный сектор экономики, вокруг которого организовывалась социальная жизнь большинства деревенских жителей, вступил в конечную фазу стагнации, потребность в выстраивании новых жизненных стратегий значительно возросла. При этом переезд в Улан-Удэ, как отмечали информанты, все еще считался достаточно «диковинной» практикой, поскольку решение о кардинальной перемене места жительства, «места жизни», расходилось с распространенными культурными нормами и ценностями.

«Когда мы только стали думать о переезде, дико было даже подумать, что вот надо будет бросить дом, уехать вообще куда-то. Мы, конечно, были в шоке некотором. В принципе уже знали, где можно будет купить дом (в Улан-Удэ – прим. авт.), договорились с людьми. Но переезжать все равно было как-то... Считай, никогда и не жили больше нигде, все в одном поселке, а сейчас уезжаем. Особо нас там никто не ждал, все нужно было начинать почти с начала. О будущем думать. Опять же сейчас не жалею [...] Нет, мало кто решается в Улан-Удэ ехать, особенно тогда, после Перестройки. Что в городе с одной стороны делать? Работы не было особо. Дом так просто не купишь. Зарплаты нет, она маленькая, все в долг жили, кто как. Все жили-думали, на что есть, как детей накормить, основное купить. Понятно, что переезжать так – с бухты-барахты в город никто не стал. В деревне хоть земля есть, огород. Знаешь, что можешь что-то посадить, картошку ту же. А в городе все покупать надо [...] в основном, кто инициативный был, тот и переезжал, а сколько вон сейчас до сих пор живут в деревнях, в грязи, спиваются на пенсии и пособия. Те, кто уезжал, ехали тоже не в Улан-Удэ все, а в основном в районный центр. Там было более-менее благоприятно, какую-то работу можно было найти,

жилье проще купить, свое перевезти. Все-таки район свой, знакомое всё, знакомые есть, можно прожить, подняться. А в Улан-Удэ не каждый поедет, предпочитают в основном у себя (в районе – прим. авт.) отсидеться. Кто может – это в основном те, кто деньги имеет и связи хоть небольшие в Улан-Удэ» (информант, 45 лет, 2009 г.).

Наличие экономического капитала и сегодня продолжает играть определяющую роль в реализации сельскими жителями стратегии расселения в Улан-Удэ. Реальной финансовой возможностью приобрести без кредита и ипотеки, к примеру, благоустроенную квартиру хотя бы в околоцентральной зоне, обладают сегодня единицы. Продажа добротного 3-4 комнатного дома в любом из сельских районных центров республики вместе с хозяйственными постройками (зимовьем, баней, кладовыми и т.п.) не позволяет в подавляющем большинстве случаев приобрести 2-3 комнатную благоустроенную квартиру в Улан-Удэ.

«Стоит только взглянуть в газету, газеты объявлений, понятно, сейчас стоимость деревенского жилья и городского не сопоставима, деревенские не могут купить квартиру, это не реально. Хороший дом со всем хозяйством, с мебелью даже продают, максимум 800-900 тыс. рублей. Ну, это у достаточно состоятельных или хозяйственных людей. Но это, если повезет найти покупателя, ну, и дом должен быть о-очень хороший, в поселках таких единицы, в деревнях – вообще нет. Обычно 300-500 тыс. максимум нормальные дома. Так вот, на 800-900 тыс. сейчас ты в Улан-Удэ двушку благоустроенную квартиру не купишь, не реально. Все от миллиона и до, а на 300-400 тыс., что максимум могут деревенские насобирать, вообще не реально» (информант, 34 года, 2009 г.).

Именно экономические барьеры, создаваемые рынком городской недвижимости, были и остаются главным препятствием для переезда потенциальных мигрантов из сельской местности в Улан-Удэ. Большинство из тех, кто все же решается переехать, по крайней мере, в первые годы пребывания в Улан-Удэ приобретают жилье в отдаленных от центральной части города микрорайонах, в многочисленных поселках, входящих в состав

городского округа «город Улан-Удэ» и пр. Обычно жильем для «новых» горожан становятся одноэтажные или реже двухэтажные (многоквартирные, барачного типа) деревянные дома с небольшим участком в так называемом «частном секторе» того или иного городского микрорайона. Специфика же наиболее отдаленных микрорайонов практически по всей территории Улан-Удэ – в их транспортной недоступности (замкнутости), крайне слабой развитости социальной и бытовой инфраструктуры, а также в некоторых случаях в целом неблагоприятном социальном окружении.

«В Улан-Удэ, как мне кажется, приезжие сельчане снимают домики на окраине или квартиры третьего сорта [...] сам я где только не жил, но в основном по окраинам» (информант, 23 года); *«Покупают в основном неблагоустроенные дома на окраинах города, в рабочих поселках, вне центральной части Улан-Удэ, где купить сложно. Потом стараются перебраться в более благоприятные с точки зрения инфраструктуры и безопасности районы»* (информант, 35 лет, специалист агентства недвижимости, 2009 г.); *Сельские в основном живут на что позволяют средства. Снимают частные дома, они от 3 т.р. Нам не привыкать ходить за водой, топить печь. И не проблема ездить далеко на работу, т.к. работа в городе – на вес золота. Многие готовы жертвовать своим временем, лишь бы зарабатывать и жить. Со временем, кто раскручивается на работе, берут ипотеку или просто кредиты. Или перевозят свои дома и ставят в ближайших районах города – Иволга, Сотниково, да и те же нахаловки по Улан-Удэ, о которых сейчас говорят. У меня на работе муж с женой приехали с села, она начинала с менеджера отдела маркетинга, за 5 лет стала коммерческим директором, взяла ипотеку. Ну, это редкость, конечно* (информант, 42 года, 2009 г.).

Реальным решением жилищной проблемы для многих сельских семей становится аренда (покупка) городской дачи и ее переобустройство. Уже с конца 1980-х гг. по сей день в улан-удэнских дачных кооперативах происходит активное преобразование летних домиков в отапливаемое «полноценное» жилье, на участках появляются гаражи, бани. Большинство дач нахо-

дятся в черте города, некоторые в 15-20 минутах езды от его центра, здесь есть электричество, место для разведения небольшого огорода, пробурены скважины. Это делает дачи привлекательным и удачным вариантом для сельских мигрантов.

«На тех же дачах живет, ну, больше половины недачников, сколько сельских мигрантов. Вот у нас, например, уже половина поселка – сельские мигранты [...] Маршруты городские ходят, да, вот почему там много их (сельских мигрантов – прим. авт.) появилось. Я думаю, что они сейчас везде живут. Их привлекают именно те ДНТ (дачные некоммерческие товарищества – прим. авт.), в которых есть возможность приватизации. Потому что цена дачного участка по сравнению с реальным жилищным участком, который выделяется под жилищное строительство, вообще несоизмеримо мала. (информант, 30 лет, 2010 г.).

Не менее распространенной практикой в изучаемый период стала постройка дома «с нуля» на купленном или самовольно захваченном участке, а также перевоз сельского дома в город. Частный сектор на окраинах Улан-Удэ за последние 10-15 лет значительно расширился именно за счет реализации сельскими жителями подобных стратегий. В некоторых местах, где в советские годы были широкие поля, пустыри, сегодня можно увидеть построенные сельскими «горожанами» новые микрорайоны. При этом здесь долгое время могла отсутствовать необходимая бытовая и социальная инфраструктура: электрическая сеть, водоклонки, магазины, аптеки и пр.

Сельчане особенно на начальном этапе расселения часто вынуждены жить в стесненных условиях. Имея ограниченный семейный бюджет, они занимаются преимущественно решением задач физического выживания. Существенной оказывается поддержка деревенских родственников и друзей как из места выбытия, так и тех, что уже переехали в Улан-Удэ и живут рядом. Не всегда, но достаточно часто сельские мигранты из одного поселения, района, переезжая в Улан-Удэ, селятся рядом. Это решает часть проблем с адаптацией на новом месте, позволяет коллективно решать индивидуальные и групповые задачи по налаживанию быта, поиска работы и пр. Не во всех случаях

поддержка сельских друзей, родственников, земляков считается само собой разумеющимся делом, между тем в ней редко отказывают.

«Сельские мигранты, они все разные, у них у всех пути разные, те же взгляды на город [...] Вообще все по-разному, какой-то там единой стратегии, схемы, нет. Единственная схема какая: если кто-то в город переселяется, обязательно за ним тянутся его родственники из деревни, родня, земляки, все [...] В порядке вещей. Это вот однозначно, что все тянутся на уже имеющуюся какую-то базу» (информант, 30 лет, 2010 г.).

До сих пор мы рассматривали случаи, когда в результате переезда в Улан-Удэ сельчане приобретали, строили себе жилье в городе. Между тем в структуре исследуемой миграции такого рода стратегии не составляют подавляющего большинства среди прочих миграционных историй. Не менее характерными в нашем случае в последние два десятилетия остаются практики аренды, временного съема жилья, в которые включена преимущественно главная группа мигрантов из сельской местности – трудоспособная, молодежь (в основном от 17 до 35 лет). Экономические барьеры рынка недвижимости, а также достаточно высокая конкуренция на городском рынке труда не позволяют многим сельчанам, прибывающим в Улан-Удэ, обучающимся, активно работающим в городе, приобрести собственное жилье. И здесь обыкновенно срабатывает одна из трех стратегий – люди либо обращаются за временной помощью к городским родственникам, знакомым, живущим в городе, либо идут в агентство за съемной квартирой (комнатой, домом и пр.), либо, что не менее характерно, первое время живут у своих родственников, земляков, уже перебравшихся в город.

«Большая же часть мигрантов, в том числе маятниковых, как ты говоришь, не имеет возможность купить себе жилье. Снимает комнаты, квартиры, где придется, опираются на помощь родственников, многие живут у них первое время, а потом пытаются сами снимать. Первые годы – всегда либо к родственникам, либо к знакомым. Сколько деревенских студентов приезжает и селится у своих теток, дядек! Понятно,

кто-то в центре, кому-то меньше повезло [...] взрослые, понятно, уже не пойдут особо к родственникам, самостоятельно должны жить. Пытаются квартиры снять. Это тоже все по деньгам зависит, кто как зарабатывает. Кто-то может в центре жить, а кто-то в кварталах или в Восточном и, допустим, ездить через весь город. А так, если на квартиру денег нет, на житье, то считай, это обратный билет в деревню. Много, кто приедет, отучится, попытается пожить и обратно к себе в село. В городе надо много работать, хорошо получать, чтобы хотя бы здесь жить, а чтобы жить в удовольствие, на перспективу, это надо быть, не знаю кем и хорошо работать. Или обеспеченных родителей» (информант, 27 лет, 2009 г.).

Социальный капитал сельчан, их семей, в частности, «полезные знакомства», «связи», родственники в городе – все это порой играет решающую роль в судьбе сельского мигранта, однако не каждого и не всегда. К родственникам обращаются чаще на этапе приезда, «на первое время», в особенности, когда речь заходит о жилищном устройстве детей в городские образовательные учреждения. Достаточно часто этап проживания «у городских родственников» предваряет «самостоятельную жизнь».

«Начала учиться в 2004. Поселилась в центре города, на ул. Коммунистической. Я жила со своей сестрой и ее семьей, муж и сын. Выбор был связан с его отсутствием. Во-первых, чтобы снимать квартиру, необходимы средства – определенная сумма денег, коих у меня на тот момент не было, во-вторых, это как-то безопаснее и спокойнее было на тот момент - чтобы не сбилась с пути истинного» (информант, 23 года, 2009 г.); «сначала был поселок Сокол у двоюродной сестры, затем поселок Восточный у тети, затем Саяны с другом и Ко, затем общага БГУ, затем снимал комнату на Ключевской, затем с девушкой на Гагарина, затем в БГУ. Причины в основном в том, что так было проще [...] В Улан-Удэ, как мне кажется, приезжие сельчане снимают домики на окраине или квартиры третьего сорта. У родственников жить не "уютно", теперь ведь не 90-е лихие. Мне кажется, тогда было в по-

рядке вещей приехать к тете и сказать: «Здравствуйте. Я поживу у вас маленько. Я скоро уеду. И прожить год, пока не выгонят. Сейчас на это смотрят по-другому. Своё личное пространство стало очень уж своим, скоро будет как в Америке - отношения отношениями, а квартплата – это бизнес. Как-то так» (информант, 23 года, 2009 г.).

Итак, можно ли, опираясь на обозначенные выше тезисы, выявить наиболее характерные, сущностные черты, присущие процессам расселения сельских мигрантов в постсоветском Улан-Удэ? При всем многообразии практик расселения, представлений о городе, возможностей тех или иных мигрантов, «типичных» и «нетипичных» историй, которые нами были собраны, можно с достаточной уверенностью сказать «да». Направления расселения все же лежат в ограниченном «коридоре возможностей», который задается уровнем материального достатка того или иного мигранта. Как сказал один из информантов, «всех усредняют деньги, поэтому все живут одинаково».

Для прошедших двадцати лет постсоветского этапа сельско-городской миграции характерно в этом смысле преобладание группы мигрантов трудоспособного возраста со средним уровнем достатка. Главными зонами их расселения стали территории одноэтажной (реже двухэтажной) деревянной застройки преимущественно на окраинах города – в отдаленных от центральной части Улан-Удэ микрорайонах и поселках, в частном секторе, в дачных кооперативах. Подобная тенденция характерна, как показало исследование, для тех сельских мигрантов, кто имеет свою собственную жилую недвижимость в городе. К таким выводам мы пришли в 2009 г. Надо сказать, что за последние 4-5 лет многое изменилось. Выросли среднестатистические доходы жителей, более мягкими стали системы кредитования и условия ипотечных займов, что значительно дифференцировало структуру расселения сельских мигрантов в черте города и масштабы самой миграции. Сегодня значительная территория Улан-Удэ, как оказывается, уже не может обеспечить потребности новых переселенцев в доступном жилье и земле. В этих условиях – недостатка городской территории, а

также ее высокой стоимости – люди все чаще обращают свое внимание на пригороды столицы республики. Что же представляет собой сегодня пригородная зона Улан-Удэ? Какого рода количественные и качественные трансформации сегодня претерпевают пригородные поселки и села? Как изменились местные сообщества в результате притока новых переселенцев? Ответы на эти и другие вопросы будут даны в следующей главе, полностью посвященной итогам авторского социологического исследования в пригородах Улан-Удэ.

Глава 2.

Пригороды Улан-Удэ: люди, отношения и власть

2.1. Кто и как осваивает пригороды Улан-Удэ?

В первой главе мы не раз отмечали, что за последние 10-15 лет Улан-Удэ стал главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов. Все это время город продолжал активно застраиваться, заполнялись сохранившиеся пустыри в центральных и отдаленных микрорайонах городского округа, активно происходила его уплотнительная застройка. К концу 2000-х гг. ситуация сложилась так, что в городской черте практически не осталось территорий, которые, во-первых, подходили бы для индивидуального жилищного строительства, а во-вторых, что особенно важно, были относительно доступными с финансовой точки зрения¹⁶¹. Иными словами, в городе оказалось сложно купить хороший участок за небольшие деньги. В этих условиях новой зоной притяжения постепенно стали пригороды Улан-Удэ. Данные официальной статистики по пригородным поселениям, рассмотренные нами в предыдущей главе,

¹⁶¹ К настоящему времени небольшие участки под индивидуальное жилищное строительство в городе можно приобрести только на его периферии, их стоимость колеблется в среднем в пределах от 500 до 800 тыс. рублей.

хорошо иллюстрируют этот тезис. Демографический рост, который продемонстрировали пригородные села Поселье, Нурселение, Сотниково и некоторые другие, очевидно, был достигнут за счет миграционного прироста. Кто же осваивает пригороды Улан-Удэ? Где находится сам источник освоения пригородов? В самом городе или в сельской Бурятии? Что мы знаем о мигрантах в пригородах столицы республики? Кто они? Каковы их миграционные мотивы, ожидания, стратегии расселения и адаптации? Ответим на эти вопросы в данном параграфе.

Поскольку каких-либо специальных академических исследований, связанных с изучением пригородных поселений Улан-Удэ и того влияния, которое на них оказала внутренняя миграция в регионе, до этого не проводилось, основными материалами для нас выступили собственные данные нарративных и фокусированных интервью (2010-2014 гг.), включенного наблюдения (2010-2014 гг.), анкетного опроса населения (2014 г.), а также официальная статистика по пригородным селам за период с 1989 по 2014 гг. В отношении официальной статистики важно отметить следующее: в исследовании мы использовали лишь данные по численности и размещению населения в пригородных селах за различные годы, какой-либо другой статистической информации в разрезе исследуемых поселений сегодня Бурятстат не выдает. В связи с этим, характеризуя возрастной, семейный, этнический состав внутренних мигрантов, а также уровень их доходов, мы опирались исключительно на данные собственного анкетного опроса, материалы интервью с местными жителями и материалы включенного наблюдения.

Итак, кем же являются новые переселенцы в пригородах современного Улан-Удэ? В ходе исследования мы выяснили, что речь главным образом идет о двух их значительных группах, а именно: о сельских жителях Бурятии, переехавших «поближе к городу», и, собственно, городских жителях, которые предпочли квартире (дому) с городской регистрацией жилье в сельском пригороде. В ходе анкетного опроса населения, в котором приняли участие 444 человека в 3 пригородных поселениях Улан-Удэ (Нижний Саянтуй/Вахмистрово, Нурселение, Эрхирик), мы

получили следующие данные о происхождении новых жителей – таблица № 7.

Таблица № 7.
Место рождения респондентов

№	Варианты ответа	чел.	% от общего числа
1	Данный населенный пункт (Н. Саянтуй, Нурселение, Эрхирик)	23	5,18%
2	Улан-Удэ	24	5,40 %
3	Сельский район Бурятии	387	87,16 %
4	Другой регион России	7	1,58 %
5	Другое	3 ¹⁶²	0,68 %
	Итого	444	100%

Полученные результаты наглядно свидетельствуют, что подавляющее большинство жителей новых пригородных поселений – выходцы именно сельских районов республики (87,16%). К ним же можно добавить тех, кто родился в самих пригородных поселениях, по-прежнему являющихся частью сельской Бурятии (5,18%). Таким образом, основным источником освоения изучаемых пригородных поселений Улан-Удэ в постсоветский период стали именно сельские мигранты (92,34 %). Всего 5,4 % из числа опрошенных родились в Улан-Удэ, 1,58 % – в другом регионе России и 0,68 % – за рубежом.

Сельские мигранты в каждом из обозначенных поселений за несколько лет включенного наблюдения (2010-2014 гг.) составляли ежегодно не менее половины новых жителей, а зачастую и подавляющее большинство. Интервью, взятое нами в 2013 г. у жителя ДНТ вблизи Поселья (Иволгинский район), хорошо иллюстрирует эту ситуацию: *«Обеспеченные люди, наверное, не будут сильно стремиться в Поселье или в Солдатский, будут выбирать более элитные районы. Например, в нашем ДНТ есть люди, которые в городе раньше жили, но они не были слишком богатыми, примерно у нас был схожий, наверное,*

¹⁶² Три респондента отметили, что родились за рубежом.

уровень. Но городских мало – единицы. У нас в ДНТ примерно 95 процентов сельчан приезжих» (информант, 32 года, 2013 г.).

Такая ситуация характерна в целом для пригородных поселений всего Левобережья Селенги: в числе новых мигрантов в Гурульбе, Поселье, Суже, Нурселении, Нижней Иволге и других селах преобладают выходцы именно из сельской Бурятии. Надо отметить, что здесь можно найти семьи не только из Иволгинского, но и других сельских районов республики. *«В нашем ДНТ несколько есть землячеств таких. Есть тункинские. Где-то, наверное, 15 (семей – прим. авт.). Есть курумканское землячество. Их не меньше, даже, может, больше. [...] Они меж собой в основном родственники-земляки. В свое время друг другу информацию передавали, занимали земли»* (информант, 32 года, ДНТ вблизи Поселья, 2013 г.). *«Много их, много. Из агинского¹⁶³, хоринского, из кижинги, из курумкана (сельские районы Бурятии – прим. авт.). Хотят люди поближе жить. Потому что, во-первых, учеба. Во-вторых, работа. Потому что обеспечение у нас здесь рабочими местами намного выше, чем там»* (информант, 36 лет, с. Нижний Саянтуй, 2010 г.).

Переселенцы из сельской Бурятии. Для сельских жителей переезд в Улан-Удэ и его пригороды за последние двадцать лет, как уже отмечалось ранее, стал широко распространенной практикой. 1990-е и в особенности 2000-е гг. стали периодом массового переселения сельчан в город. До этого, в силу достаточно благоприятной ситуации в селах, а также особенностей паспортной системы СССР (наличие прописки, налагающей ограничения на внутреннюю миграцию), переезд жителей сельской Бурятии в Улан-Удэ был сравнительно невелик. Масштабы постсоветской внутренней миграции из деревень и поселков в столицу республики сложно отследить количественно, поскольку значительная часть выходцев из сельских районов сохраняет прежнюю регистрацию, не делая городской. Надо сказать, отсутствие улан-удэнской регистрации не является се-

¹⁶³ Речь идет об Агинском районе Забайкальской области.

рьезной проблемой при трудоустройстве в городе, не вызывает проблем с органами внутренних дел.

Улан-Удэ, будучи в повседневном измерении «единственным городом республики», обладает в этом смысле наибольшей миграционной притягательностью по отношению к малоперспективной сельской Бурятии. Между тем, по пути в «Город», который для сельчан, действительно, является Городом с большой буквы, часть из них встречает непреодолимые барьеры, вынуждающие их «остановиться» в пригородах. Главным образом, это финансовые трудности, связанные с отсутствием у многих переселенцев достаточных средств для покупки участка городской земли, квартиры/дома или их аренды. К слову, если в городе покупка небольшой однокомнатной квартиры в «около-центральных» районах обходится сегодня в среднем в 1,8-2 млн. руб., а ее аренда – в 8-12 тыс. руб./мес., то в пригородных поселениях Улан-Удэ за эти деньги можно купить участок, построить и обустроить на нем как минимум 2 одноэтажных дома среднего размера (6*8 м) или, соответственно, снять в аренду дом на 2 месяца¹⁶⁴. Во многом именно по финансовым причинам многие сельские мигранты, их семьи выбирают второй путь и оседают в пригородных поселениях, сохраняя при этом трудовую ориентацию на Улан-Удэ.

Освоение сельскими мигрантами пригородных территорий Улан-Удэ в постсоветский период можно условно подразделить на 2 этапа. Первый (начальный этап) хронологически укладывается в период с начала 1990-х гг. до середины 2000-х гг. и характеризуется низкой интенсивностью освоения пригородных территорий. Второй этап (с середины 2000-х гг. до наших

¹⁶⁴ Арифметика постройки собственного дома в пригороде следующая: участок (8-10 соток) – 250-300 тыс. руб., постройка деревянного сруба с крышей и фундаментом с наймом строительной бригады и покупкой пиломатериалов, внутренняя отделка (400-500 тыс.). Если участок был занят семьей самовольно (в последние годы это практика была распространенной), и дом строился самостоятельно, без найма строительной бригады (75-100 тыс. руб.), то новый дом в пригороде обходился в среднем в 300-400 тыс. руб., то есть сравнительно дешево, если иметь в виду стоимость жилья в Улан-Удэ.

дней), наоборот, отмечен интенсивным освоением и заселением пригородной зоны. На первом этапе, в основном после середины 1990-х гг., когда стало ясно, что в село окончательно приходит разруха, сельские семьи по одиночке или группами начали переезжать в Улан-Удэ. Только к середине 2000-х гг. переселение сельчан стало приобретать все более систематические масштабы. Не в последнюю очередь на это повлиял успех тех первых семей, которые, переехав, обустроились на новом месте. Именно к этому времени постепенно стали переосмысливаться и социально-культурные нормы-ограничения, связанные с переменой «насиженного» места жительства, сельские жители более решительно покидали свои родные деревни, улусы, поселки. Наибольшую же интенсивность процессы заселения пригородных территорий Улан-Удэ приобрели во второй половине 2000-х гг. и особенно в последнее время (2010-2014 гг.), когда стало ясно, что город уже не может «принять всех желающих». Результаты проведенного социологического опроса дают основание полагать, что пик заселения новых пригородных поселений пришелся на период с 2004 по 2013 гг. – см. данные таблицы № 8.

Надо отметить, что в общем потоке сельчан, заселяющих пригородные территории, всегда, то есть на разных этапах их освоения с начала 1990-х и до настоящего времени, как показали интервью, были как новоприбывшие в город, так и те, кто уже какое-то время жил и работал в Улан-Удэ. Ситуация в этом смысле оказалась схожа во всех поселениях, которые мы выбрали в качестве исследовательских кейсов: в Нурселении, Эрхирикe и Нижнем Саянтуе. Данные анкетного опроса показали, что только 18,54 % (76 человек) опрошенных не имели опыта проживания в городе до переезда в свое пригородное поселение. При этом надо помнить, что из них 23 человека – уроженцы этих пригородных поселений. Наибольшее же количество респондентов отметили, что проживали в Улан-Удэ до момента переезда от 6 до 20 лет (см. таблицу № 9).

Таблица № 8.
Как давно Вы проживаете в данном поселении
(Н. Саянтуй, Нурселение, Эрхирик)?

№	Варианты ответа	чел.	% от общего числа
1	менее 1 года	27	6,56
2	от 1 года до 5 лет	173	42,10
3	от 6 лет до 10 лет	102	24,88
4	от 11 до 20 лет	77	18,78
5	более 21 года	8	1,95
6	с рождения	23	5,60
Итого		410	100%

Таблица № 9.
Длительность проживания в Улан-Удэ до переезда
в пригородное поселение
(Н. Саянтуй, Нурселение, Нижний Саянтуй)

№	Варианты ответа	чел.	% от общего числа
1	менее 1 года	23	5,60
2	от 1 года до 5 лет	68	16,59
3	от 6 до 10 лет	99	24,14
4	от 11 до 20 лет	118	28,78
5	более 21 года	26	6,34
6	Не проживал	76	18,54
Итого		410 ¹⁶⁵	100%

¹⁶⁵ Число уроженцев сельской Бурятии, принявших участие в опросе.

Был ли их переезд в пригород для сельчан, имевших опыт жизни в городе, вынужденной мерой, связанной с трудностями в аренде или покупке жилья в городе? Где и в каких условиях жили эти люди до переезда? Имели ли собственное жилье? В ходе анкетного опроса респондентам был предложен следующий вопрос – таблица № 10.

Таблица № 10.

В каком жилье Вы проживали в Улан-Удэ до переезда в данный населенный пункт (Н. Саянтуй, Нурселение, Нижний Саянтуй)?

№	Варианты ответа	чел.	% от общего числа
1	в своей квартире	17	5,09
2	в своем доме	16	4,79
3	арендовал квартиру	156	46,71
4	арендовал дом	69	20,66
5	у родственников	62	18,56
6	другое	14	4,19
Итого		334 ¹⁶⁶	100%

Как мы видим, большинство респондентов (90,12%) не имели своего собственного жилья в Улан-Удэ, вынуждены были арендовать дом или квартиру, а также жить у родственников. Это достаточно типичная картина для большинства пригородных поселений. Ранее я уже отмечал, что именно финансовые причины (высокая стоимость городского жилья и земли) вынуждают значительное количество сельских семей обосноваться не в городе, а в пригороде.

С точки зрения доходов подавляющая часть сельчан – люди со средним достатком и ниже среднего. Финансово обеспеченных выходцев из села здесь единицы, обыкновенно они строят

¹⁶⁶ Число уроженцев сельской Бурятии, принявших участие в опросе, за исключением тех, кто не имел опыта проживания в Улан-Удэ.

жилье в более привлекательных микрорайонах в черте города. Также мало, но все-таки есть, и очень бедные семьи, которые годами находятся на грани физического выживания, живя в небольших домиках до 30 кв. метров и имея совокупные доходы в семье до 10-15 тыс. рублей в месяц и меньше. Но все-таки «костяк» новых сельских переселенцев – это семьи со средним доходом (совокупный доход семьи в месяц от 25 до 30 тыс. в месяц). Распределение респондентов по уровню их семейных доходов представлено в таблице № 11.

Таблица № 11.
Каков средний доход Вашей семьи в месяц
(включая зарплаты, пенсии, пособия и пр.)?

№	Варианты ответа	чел.	% от общего числа
1	до 7 тыс. руб.	12	2,93 %
2	от 7 до 15 тыс. руб.	42	10,24 %
3	от 15 до 30 тыс. руб.	175	42,68 %
4	от 30 до 50 тыс. руб.	145	35,37 %
5	от 50 тыс. и более	36	8,78 %
Итого		410 ¹⁶⁷	100 %

Как мы видим по строкам 1 и 2, чуть более 13% местных семей имеют очень скромные доходы, незначительно превышающие величину прожиточного минимума по региону. За этой цифрой по существу стоят местные жители, которые работают на низкооплачиваемых должностях, на сезонных, временных подрядах, а также семьи, состоящие из 3-х и более человек, в которых работает только один человек. Именно они порой вынуждены с трудом решать задачи физического выживания, связанные с покупкой питания, необходимой одежды, электро-,

¹⁶⁷ Число уроженцев сельской Бурятии, принявших участие в опросе.

водо- и теплоснабжением своих домов и пр. В ходе анкетного опроса местные жители достаточно сдержанно оценили уровень доходов своей семьи (таблица № 12).

Таблица № 12.
Хватает ли дохода Вашей семьи для удовлетворения насущных потребностей?

№	Варианты ответа	кол-во чел.	% от общего числа
1	Не хватает даже на самое необходимое	46	11,22
2	Хватает только на питание	113	27,56
3	Хватает на питание и одежду	161	39,27
4	Хватает в целом, но на покупку вещей длительного пользования приходится откладывать или брать в кредит	69	16,83
5	Можем позволить себе купить автомобиль, недвижимость	21	5,12
Итого		410 ¹⁶⁸	100 %

Помимо того, что подавляющая часть местных семей, как мы выяснили, имеют средние доходы и доходы ниже среднего уровня, такие показатели оценки их финансового состояния (таблица № 11) имеют и другие причины. С уверенностью можно сказать, что на семейные бюджеты здесь влияют значительные ежемесячные затраты на обустройство пригородных домов и участков, большинство из которых застраивались, что называется «с нуля». Прибавим к этому затраты на покупку/замену личного автомобиля, необходимого в пригороде. С каждым годом, по моим наблюдениям, местное население все более активно берет банковские кредиты на эти нужды. В результате этого значительная часть семейных доходов уходит на их пога-

¹⁶⁸ Число уроженцев сельской Бурятии, принявших участие в опросе.

шение. И уже оставшиеся средства идут на удовлетворение насущных потребностей.

Ситуация переезда, связанная со строительством и обустройством нового дома и участка, все-таки требует как минимум среднего уровня доходов семьи, кредитоспособности хотя бы одного из ее членов, важное значение приобретает наличие или отсутствие сбережений, материальная поддержка семьи. Об изначальном уровне доходов многих семей свидетельствует хотя бы тот факт, что значительная часть участков в пригородных селах в 1990-е и вплоть до конца 2000-х гг. была захвачена и застроена самовольно. В предыдущей главе мы уже отмечали, что долгое время эта практика была безнаказанной и не несла в себе серьезных последствий даже в городе, поэтому масштабы скваттерских поселений в Улан-Удэ и его пригородах оказались так велики. О том, как это отразилось на инфраструктуре и архитектуре пригородных поселений, мы поговорим в следующем параграфе.

Сельские мигранты, приезжая в город, зачастую оказывались и оказываются в ситуации, когда им необходимо заново выстраивать свои социальные, в том числе профессиональные связи для поиска работы. Многие из них в 1990-е гг. начинали свою трудовую деятельность в Улан-Удэ с должностей, обычно не требующих высокой квалификации: продавцы (менеджеры по продажам), водители, охранники, строители, специалисты в сфере бытового обслуживания и т.п. Части из них удавалось найти работу, соответствующую их прежней квалификации: многие сельские учителя стали преподавать в городских школах, а врачи получили работу в медицинских учреждениях и т.п. Надо отметить, что ситуация переезда подталкивала «новых горожан» более активно искать работу, «жизнь вынуждала» быть более мобильными и менее притязательными, быть нацеленными на результат. Этим объясняется и то, что сельские мигранты обычно довольно быстро определяются с работой в Улан-Удэ. Правда, не всегда она приносит им желаемые доходы.

«Приезжие люди, они очень конкурентоспособными становятся, они нацелены на результат, очень активно ищут ра-

боту, очень быстро адаптируются к новым условиям, достаточно быстро устраиваются. Приезжие люди быстрее устраиваются, чем местные – городские. Жизнь заставляет. [...] При этом если человек уже сформировался как личность, его менять достаточно сложно. Если они переехали с «деревенским», так скажем, уровнем в кавычках, то они, вряд ли, смогут устроиться на высокие должности, если они раньше не занимали высокие должности [...] Высшее образование в основном имеют, но применяют по-разному. Есть финансисты, есть экономисты, которые в свободном плавании, занимаются коммерцией. Говорят, “я не буду работать на этой рабской работе, когда буду 15 тысяч получать и пахать с утра до вечера без выходных. Лучшие я буду заниматься коммерцией”. Есть медики, есть судьи даже, есть сотрудники вневедомственной охраны, есть строители, как раз дома строят. Есть люди, которые там держат магазины, есть люди, которые работают в МЧС, в федеральной регистрационной службе, есть люди, которые работают учителями, воспитателями, есть люди, работают в Ростелекоме, в Байкалфарме¹⁶⁹ водителями, есть рабочие с ЛВРЗ¹⁷⁰. Есть шаман, очень популярный – очень много машин (к нему) стоит. Есть ламы. Преподаватели, сотрудники ВУЗов» (информант, 32 года, ДНТ вблизи Поселья, 2013 г.).

Столь широкая картина профессиональной занятости жителей новых пригородов, которую выявило и проведенное анкетное социологическое исследование, должна подтолкнуть тех, кто думает, что в пригородах живет достаточно однородное по своим образовательным и социальным возможностям сообщество, переосмыслить свои представления. Поскольку большинство местных жителей занято на городском, а не на местном (сельском, пригородном) рынке труда (таблица № 13), то и спектр его профессиональной занятости оказывается широким. Этому способствует и достаточно высокий уровень количества людей, имеющих специальное и высшее образование. В частно-

¹⁶⁹ Винно-водочная компания в Улан-Удэ.

¹⁷⁰ Локомотивовогоноремонтный завод – крупнейший в городе.

сти, по итогам анкетного опроса, около 50 % местных жителей отметили, что имеют высшее образование (см. таблица № 14). В то же время, повторюсь, пригороды пока не стали обителью финансово успешных граждан.

Таблица № 13.
Где Вы работаете (вопрос для работающих)?

Варианты ответа	кол-во чел.	% от общего числа
в г. Улан-Удэ	380	92,68
в своем поселении	27	6,59
другое	3	0,73
Итого	410	100%

Таблица № 14. Уровень образования переселенцев

Варианты ответа	кол-во чел.	% от общего числа
Начальное	21	5,12
Неполное среднее (9 классов)	26	6,34
Среднее общее (11 классов)	36	8,78
Среднее специальное	83	20,24
Незаконченное высшее	14	3,41
Бакалавриат	19	4,63
Магистратура	8	1,95
Высшее (5 курсов)	202	49,27
Кандидат/доктор наук	1	0,24
Итого	410	100 %

По национальному составу в структуре сельских мигрантов, обосновавшихся в пригородах Улан-Удэ за последние 10-15 лет, выделяются буряты и русские. В количественном отношении преобладает бурятское население, особенно в поселениях Левобережья Селенги (Суже, Нурселении, Поселье и пр.). : *«По этническому составу можно так разграничить. Были изначально старожилы, которые строились и жили (начиная с 1990-х гг. в подавляющем большинстве буряты – прим. авт). В процессе идет такое, что эти люди продают дома, приезжают новые жители. Изначально девяносто с лишним про-*

центов были буряты. Сейчас идет другая тенденция. Выкупают русские, и русских становится больше. Процентом 10-15 уже есть» (информант, 32 года, ДНТ вблизи Поселья, 2013 г.).

По итогам анкетного опроса населения, подбор респондентов в котором, напомним, осуществлялся случайным способом, были получены следующие данные относительно национального состава новых жителей пригородов (таблица № 15).

Таблица № 15.
Национальный состав жителей пригородов

Национальность	чел.	% от общего числа
Буряты	295	71,95 %
Русские	98	23,9 %
Другие национальности	17	4,15 %
Итого	410	100 %

В отношении возраста сельских мигрантов ситуация на момент исследования выглядела достаточно рельефно – не сглажено. Выделяется возрастная когорта от 30 до 45 лет и старше. Заселяются в подавляющем большинстве семьями от 3-4 человек и более. С парами среднего возраста и их детьми часто живут родители, которых после обустройства на новом месте они забирают из деревни к себе. Если среди коренных жителей пригородных сел, проживающих в них с советских лет, есть те, кто живет в одиночестве (допустим, пенсионер, дети которого живут в другом населенном пункте, например, в Улан-Удэ), то среди новых мигрантов в пригородах такая ситуация крайне редка, но все же имеет место. Пригород заселяется именно семьями. Это характерно и для второй группы новых жителей – самих горожан.

Мигранты из города. Отметим сразу, что в целом переезд жителей Улан-Удэ в сельские поселения республики – количественно менее выраженная практика, по сравнению с миграцией сельчан в город. Представляется вполне очевидным, что число горожан, поменявших квартиру на дом в пригороде, в изучаемый период было значительно меньше тех, кто пытался,

продав сельский дом, купить жилье в черте города. Отсутствие статистических (регистрационных) данных на этот счет не дает возможности говорить о ситуации в точности. Однако данные собранных интервью и материалы включенного наблюдения все-таки дают представление о численности городских семей в пригородах: их мало. Допустим, в пригородных поселениях левобережья Селенги, не входящих в городской округ, их не более 5-15 %. В ходе анкетного опроса, напомним, лишь 5,4 % опрошенных отметили, что родились в Улан-Удэ.

Вместе с тем постоянно увеличивающаяся плата за коммунальные услуги, желание жить в более благоприятных экологических условиях, «на земле», иметь большую жилую площадь, расширение семей ежегодно подталкивает часть горожан к переезду за пределы Улан-Удэ, по возможности в близлежащие села и поселки, в том числе не входящие в состав городского округа. Часть из них имеет возможность обеспечить на новом месте комфортные условия для жизни, сопоставимые с «городскими», другим (не очевидно, кого здесь больше) – не получается выйти за рамки «сельского минимализма». Кто-то из горожан строит в пригороде основательный коттедж (на сотню домов таковых единицы), а кто-то вынужден жить в более стесненных жилищных условиях, нежели ранее. Так или иначе, к настоящему моменту нельзя сказать, что пригороды Улан-Удэ стали местом массового прибытия финансово успешных улан-удэнцев. Для индивидуального жилищного строительства они обычно выбирают территории внутри городского округа.

Больше всего горожан, по нашим данным, поселилось в с. Нижний Саянтуй (Вахмистрово) и в окружающих его ДНТ. Буквально за последние 3-4 года (2009-2012 гг.) практически вся доступная для строительства территория вокруг этого пригородного села в Тарбагатайском районе была занята под участки и постепенно застраивается. Люди селились как в самом селе, так и на новых смежных с ним территориях, которые застраивались в форме ДНТ (ДНТ «Селенга», «Космос», «Багульник», «Жарки», «Ромашка» и др.).

«Переезжают либо городские, либо районники (жители сельских районов Бурятии – прим. авт.). Там 50 на 50. Вот, до-

пустим, наша улица, которая новая расстроена, ул. Дружбы. У нас городских: раз, два, три, четыре... Ну, да, где-то 50 на 50. А вообще новые жители начали появляться в 2007-2008 гг., в последнее пятилетие. С 2008 г. началось активное строительство, расширение площади (села – прим. авт.). Было распоряжение правительства, чтобы земли не пустовали. Либо переводить в ДНТ, либо лично раздавать. То есть на наших жителей полагалось определенное количество земли на каждого человека. Для того, чтобы семья в перспективе расстраивалась. Гектаров очень много пустовало. [...] У нас на улице за прошлое лето построилось десять домов из шестидесяти участков. Часть семей из города переехали, потому что там дорого жить, квартира снимается дорого, часть из районов приехали. Купили здесь участки. Они в основном покупают здесь участки у местных, в большинстве случаев. [...] Участки здесь либо по объявлениям продаются, либо на торгах. Люди созваниваются. Это вполне реально» (информант, 32 года, с. Нижний Саянтуй, 2010 г.). Если человек, допустим, переезжает из других районов, например, с Селенгинского, то они, конечно, в пригород поедут, не в Тарбагатай (районный центр Тарбагатайского района – прим. авт.). Даже из Тарбагатая сюда едут. Из Тарбагатая в Улан-Удэ дорого ездить. Не сильно наездишься. В Тарбагатае кто живет, они там и работают, сельским хозяйством занимаются. У нас сосед с Селенгинского района переехал. Купил участок, построил дом. У нас с разных районов. Я вам говорю, ареал очень большой» (информант, 36 лет, с. Нижний Саянтуй, 2010 г.).

В разрезе рассматриваемых нами кейсов проявились некоторые особенности в структуре как городских, так и сельских мигрантов, в их количестве и в их соотношении с местным населением. Я уже отмечал, что поселения левобережья Селенги стали местом активного заселения именно сельских жителей, число горожан там не велико: от 5 до 15 %. В с. Нижний Саянтуй и окружающих его ДНТ, как показали данные интервью, мигрантов из города в абсолютном исчислении больше, но в сравнении с сельскими мигрантами все также мало. Схожая

ситуация имеет место в с. Эрхирик Заиграевского района. Однако здесь и самих мигрантов ежегодно, как оказалось, пребывает меньше, чем в с. Нижний Саянтуй и тем более в поселениях на левом берегу Селенги. Эрхирик ежегодно расстраивается во многом за счет расширенного воспроизводства местных семей, а также пока немногочисленных горожан и сельчан, которые работают в районе п. Восточный (Авиаавозод) и шире – в Железнодорожном районе. Граница Эрхирика с Улан-Удэ находится в северо-западной части городского округа, наиболее отдаленной от общегородского центра (20 км.)¹⁷¹, именно поэтому он не пользуется большой популярностью среди тех, кто переезжает в Улан-Удэ.

«Новые жители стали прибывать в основном в последние пять лет. Сначала, это – главное, были малообеспеченные, бомжеватые такие улан-удэнцы, которые не могли обеспечить себе жизнь в Улан-Удэ. Теперь, мы видим, стали строить дома-коттеджи богатые, более-менее обеспеченные улан-удэнцы. [...] Много, кто из приезжих, в уже построенных домах живет, в аренду, кто покупает. Вот в Шанхае (район индивидуальной застройки на въезде в село – прим. авт.) постоянно люди меняются, приезжают-уезжают» (информант, 47 лет, с. Эрхирик, 2010 г.). *«На улицах этих, новой застройки, 40-50 домов, живут в основном местные семьи, дети местных жителей, а также городские. Меньше выходцев из других районов и из самого Заиграевского района. Но есть, кстати, семьи из Курумканского, Баргузинского, Еравнинского районов. Но их мало* (информант, 45 лет, с. Эрхирик, 2010 г.).

Соотношение мигрантов постсоветской волны и местного населения, проживавшего в исследуемых пригородных поселениях с советского времени, тоже разное. В селах Иволгинского района, особенно в Нурселении и Поселье, население которых, напомним, увеличились по официальным данным в 13 и 19 раз

¹⁷¹ Это обстоятельство обыграли местные КВНщики, иронично изменив вторую часть известной пословицы: «Любишь кататься, живи в Эрхирике».

соответственно, количество мигрантов оказалось, конечно, намного больше числа местных жителей.

«В начале девяностых годов, я здесь давно живу, здесь, вон там, в деревне было от силы 15 семей. А сейчас сколько? Очень много переехало, новые семьи, отовсюду едут, много из района нашего, но и из других едут, много семей. Ну, в основном сельские. Сельских больше, чем из города. Хотя и из города есть» (информант 51 год, с. Нурселение, 2010 г.).

В целом обратная ситуация сложилась в с. Нижний Саянтуй и Эрхирике. В отличие от Поселья и Нурселения к концу советского периода они представляли собой достаточно крупные по численности и территории села. В силу обозначенных выше причин Эрхирик до сих пор остается относительно «законсервированным»: количество коренных жителей здесь кратно выше числа приезжих. В Нижнем Саянтуе, если не брать в расчет окружающие его ДНТ, ситуация примерно та же: количество приезжих сельчан и горожан здесь хоть и больше, чем в Эрхирике, но с числом местных жителей пока не сравнимо. Приезжие иногда выкупают у местных дома с участками, переобустраивают их, но это пока не широко распространенная практика, поскольку, во-первых, местные жители сами заинтересованы в сохранении своего жилья, их в основном устраивает жизнь в своем пригородном селе, а, во-вторых, у приезжих до последнего времени была более выгодная в финансовом смысле возможность – приобрести участок и построить дом в окружающих село ДНТ. Во многом именно поэтому и в Эрхирике, и в Нижнем Саянтуе сохраняется прежняя «деревенская атмосфера улиц».

Можно ли найти в пригородных поселениях Улан-Удэ кого-то, кроме выходцев из сельской Бурятии и горожан? Насколько активно пригород заселяется, допустим, жителями из других регионов России, перебравшимися в Улан-Удэ, и иностранными мигрантами?

Мигранты из других регионов страны и зарубежья. Стоит сказать сразу, что среди жителей рассматриваемых пригородных сел на момент обследования практически не было иностранных мигрантов, а переселенцы из других субъектов

России в структуре местных сообществ заняли незначительное место¹⁷². В ходе анкетного опроса населения, в котором приняло участие 444 человека, только 7 человек отметили, что приехали из других регионов, и лишь 3 – оказались выходцами из стран зарубежья. В 3 селах, которые мы избрали в качестве исследовательских кейсов, нами, в частности, не было зарегистрировано сколь-нибудь значительное количество трудовых мигрантов из Узбекистана, Киргизии, Китая, Монголии и других зарубежных стран, жители которых наиболее активно прибывали в столицу Республики Бурятия в 2002-2010 гг.¹⁷³ Только в одном из интервью речь зашла о постоянно проживающем в пригородном поселении узбеке:

«Иностранные мигранты не живут. Один только узбек живет в нашем ДНТ, он, так скажем, сожительствоует с местной. И он считается местным, потому что он к себе уже не ездит, сколько я знаю о нем, не ездит» (информант, 32 года, ДНТ вблизи Поселья, 2013 г.).

То же характерно для приезжих из других регионов страны: в пригородах их единицы. И это в основном жители соседних с Бурятией регионов: Якутии, Иркутской области, Забайкальского края и, в частности, ранее существовавших бурятских автономных округов – Агинского и Усть-Ордынского¹⁷⁴. Как правило, это выходцы из сельских районов.

Мигранты и местные жители. Массовый приток новых переселенцев, конечно, не мог остаться не замеченным среди местных жителей пригородных поселений. Вместе с тем, их отношение к приезжим «соседям» было и остается в целом относительно нейтральным – особого, пристального внимания к их

¹⁷² На этот счет нет официальной статистики по конкретным пригородным поселениям – опираюсь на данные интервью и материалы включенного наблюдения.

¹⁷³ Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года: Доклад / Бурятстат. – Улан-Удэ, 2012. – С. 11.

¹⁷⁴ Усть-Ордынский бурятский автономный округ был объединен с Иркутской областью 16 апреля 2006 г. Забайкальский край был образован 1 марта 2008 г. в результате объединения Читинской области и Агинского бурятского автономного округа.

жизни они не проявляют. То же характерно, на наш взгляд, и для самих переселенцев.

«Мне в общем-то дела нет, кто приезжает. Лишь бы спокойно себя вели, работали. Властям нужно статистику вести, у меня другая работа» (информант, с. Эрхирик, 34 года). *Сейчас совсем мало, кого знаю. Они ведь, кто приезжают, в основном не вливаются в местную жизнь, в город ездят: утром уехал, вечером приехал* (информант 42 года, с. Нурселение). *Это специфика пригорода, мне кажется. Все ориентированы на город – Улан-Удэ. Местная жизнь мало кого интересует. В принципе и почему она должна интересоваться? Вот те, у кого дети есть, здесь учатся, им надо с учителями знакомиться, с общественностью. А так в целом, пробурил скважину себе и можешь не выходить за забор. Я на своей улице так несколько людей знаю, надо бывает по бытовым делам, а так в целом никого здесь практически и не знаю. И меня никто не знает. Здесь и не нужно. Это нормально»* (информант, 51 год, с. Эрхирик, 2012 г.).

Вероятно, это можно связать также с тем, что мигранты (в основном сельчане и улан-удэнцы) не вызывают у «коренных» жителей какого-либо интереса, поскольку ведут достаточно типичный для местных поселений образ жизни, имеют сопоставимые доходы, в целом не конкурируют с местным населением на сельском рынке труда и т.п. При том, что мигранты оказались в роли «гостей», в рассматриваемых поселениях за прошедшие годы не возникли какие-либо значимые основания для консолидации «приезжих» против «местных» и наоборот. Не актуальны здесь, как представляется, и какие-то потенциально конфликтные групповые идентичности. В частности, усложнение национального состава во всех поселениях, бывших некогда в этническом срезе практически гомогенными¹⁷⁵, не привело к сколько-нибудь острым конфликтам. На это влияет традиционно высокий уровень культурной толерантности в Бурятии и

¹⁷⁵ В частности, по данным переписи 1989 г., «численно преобладающей национальностью» в с. Нурселение, Сужа, Эрхирик были буряты, а в с. Нижний Саянтуй – русские.

пригородное положение поселений, подталкивающее местных жителей более лояльно относиться к приезжим.

«У нас вообще по району иностранных мигрантов практически нет, потому что у нас семейский район вообще. И он не приемлет приезжих. Если некорректно сказать, то еще два-три года назад здесь даже бурятского населения не было. Это почти неприемлемо. То есть не принято. Но сейчас, конечно, более-менее лояльно. У нас из-за того, что пригород, может еще и приезжают. Могу процитировать слова местного жителя: понаехали сюда! Чтоб им пусто было! И так далее. То есть там идут нелитературные слова. Это негатив, это им не нравится. Они даже приезжих русских, тех, что купили здесь участок, называют олигархами, зажравшимися, миллионерами. Как только нас не называли. А то, что люди продали что-то, залезли в кредит, чтобы улучшить жилищные условия, это – не важно» (информант, 43 года, с. Нижний Саянтуй, 2012 г.).

Здесь стоит учитывать и еще одно важное обстоятельство. Существенной характеристикой местных сообществ (и здесь нет исключения) является то, что подавляющее большинство трудящегося населения основную часть рабочего времени проводит в Улан-Удэ. Люди, что называется, заняты своей жизнью, трудом, другие вопросы их пока не волнуют.

«Работает у нас девяносто процентов населения в городе. Каждый день ездят, каждое утро. В 6.40 ч., 7.50 ч., 8.30 ч. очень переполненные автобусы. Здесь (в самом селе – прим. авт.) очень маленький процент работает. Здесь либо сельским хозяйством занимаются, подсобным, коров держат да скот, кто рассадой, кто еще чем-то. Ну, и бюджетники – в администрации, в школе, библиотеке. Есть те, кто и не работает. Есть такая категория населения» (информант, 35 лет, с. Нижний Саянтуй). «Нет, с соседями мы часто не видимся. Так, иногда на улице. А в основном на общих собраниях ДНТ. Придем, поздороваемся и все. Люди мало друг друга знают, все только-только приехали, сильно не стараются познакомиться. По крайней мере не сразу» (информант, 27 лет, с. Нижний Саянтуй, 2012 г.).

Данные анкетного опроса также свидетельствуют о пока еще отстраненном характере взаимоотношений между жителями новых пригородов. Чуть более 44 % респондентов указали, что «все живут сами по себе» (таблица № 16). В нем же можно добавить 11,94 % опрошенных, которые «затруднились ответить», указав тем самым, скорее всего, на свою исключенность из сферы местных социальных взаимоотношений. И это неудивительно, поскольку их интенсивность внутри новых пригородных поселений минимальна. Потребность в групповой идентичности возникает лишь тогда, когда речь заходит о решении общих проблем. Каких-либо более-менее масштабных и регулярных культурно-массовых, спортивных и других мероприятий (дворовых встреч, совместных пикников и пр.), которые могли бы поспособствовать укреплению связей внутри этих сообществ, не проводится. Люди живут рядом, но не вместе. *«Все отгородились заборами, сами себе. Двухметровые заборы, двухметровые собаки (улыбается – прим авт.) (информант, 34 года, 2014 г.)».*

Таблица № 16.

Характер взаимоотношений внутри пригородных поселений

Варианты ответа	кол-во чел.	% от общего числа
Добрые и мирные взаимоотношения	137	30,86
Люди много общаются и помогают друг другу	41	9,23
Люди мало общаются, все живут сами по себе	196	44,14
Для большинства жителей характерна зависть и недоброжелательное отношение друг к другу	17	3,83
Затрудняюсь ответить	53	11,94
Итого	444	100%

В то же самое время отношения между респондентами и их соседями оказались, как и ожидалось, чуть более интенсивны-

ми, чем с местными жителями в целом (см. таблицу № 17). Бытовые сложности при обустройстве, недостаток социальных контактов, отдаленность от прежних социальных сетей в городе, вопросы безопасности – по этим и другим причинам новые жители пригородов постепенно выстраивают отношения со своими соседями. 65,54% респондентов отметили, что хорошо знают своих соседей, а 26,8% подчеркнули, что постоянно общаются и помогают друг другу. Учитывая, что пригородные сообщества Улан-Удэ сегодня лишь формируются и подразумевая, что усиление дружеских взаимоотношений пойдет им на пользу, эти цифры звучат достаточно оптимистично. Но нельзя не сказать при этом, что чуть более трети опрошенных (32,21%), отметили, что плохо знают соседей, что, конечно, говорит о низком уровне их включенности в местные социальные сети. Что, однако, не говорит о том, что это приносит им какой-либо значимый дискомфорт или трудности.

Таблица № 17.
Охарактеризуйте отношения между Вами и
Вашими соседями

Варианты ответа	кол-во чел.	% от общего числа
Плохо знаем наших соседей	143	32,21
Хорошо знаем наших соседей, но мало общаемся	172	38,74
Хорошо знаем наших соседей, постоянно общаемся, помогаем друг другу	119	26,8
Другое	10	2,25
Итого	444	100%

Можно ли в этой связи считать соседские взаимоотношения в новых пригородах Улан-Удэ отношениями, основанными на дружелюбности, внутренней поддержке, солидарности, спло-

ченности и взаимовыручке? Считать эти сообщества сообществами? Думаю, что пока нет. Причиной этому служит не только незначительный по времени опыт их существования, но и доставшаяся в наследство от 1990-х гг. тенденция к атомизации общества, когда семьи, домохозяйства отдаляются друг от друга и от групповых проблем, решая свои собственные.

С другой стороны, на усиление и укрепление соседских отношений должно повлиять то обстоятельство, что большинство семей в пригородах Улан-Удэ сегодня рассматривают эти поселения для себя в качестве главного места жительства в ближайшей перспективе. По данным анкетного опроса, 64,18% респондентов ответили, что не планируют переезд (см. таблицу № 18).

Таблица № 18.
Собираетесь ли Вы в ближайшем будущем поменять место жительства?

Варианты ответа	кол-во чел.	% от общего числа
Да, планирую переехать в Улан-Удэ	41	9,23
Да, планирую переехать в другое пригородное поселение Улан-Удэ	13	2,93
Да, планирую переехать в сельский район Бурятии	7	1,58
Да, планирую переехать за пределы Бурятии	5	1,13
Хотел(а) бы, но нет возможности	57	12,84
нет	285	64,18
Затрудняюсь ответить	36	8,11
Итого	444	100%

Подводя итоги данного параграфа, отметим основные выводы, к которым мы в нем пришли.

1. В среде мигрантов постсоветской волны, осевших в пригородных поселениях Улан-Удэ, выделяются две группы: выходцы из сельской Бурятии, перебравшиеся к городу в 1990-2000-е гг. и, собственно, сами горожане. В количественном отношении

в рассмотренных нами случаях доминировали сельские мигранты среднего возраста и доходами среднего и ниже среднего уровня. В этой связи можно сказать, что основным источником освоения пригородных территорий постсоветского Улан-Удэ стала именно сельская Бурятия, а главными участниками этого процесса – сельские мигранты.

2. Отношения новых переселенцев с «коренными» местными жителями складываются в подавляющем большинстве случаев без каких-либо проблем. Это происходит потому, что мигранты (в основном сельчане и улан-удэнцы) не вызывают у «коренных» жителей какого-либо интереса, поскольку ведут достаточно типичный для местных поселений образ жизни, имеют сопоставимые доходы, в целом не конкурируют с местным населением на сельском рынке труда и т.п. На это влияет и традиционно высокий уровень культурной толерантности в Бурятии и пригородное положение поселений, подталкивающее местных жителей более лояльно относиться к приезжим.

3. Взаимоотношения среди жителей новых пригородов сегодня сложно назвать интенсивными, так как уровень их контактов остается низким. Значимым основанием для выстраивания и поддержания групповых идентичностей, формирующих пригородные сообщества, являются лишь общие социально-бытовые проблемы, проблемы инфраструктуры и благоустройства. О них мы и поговорим в следующем параграфе.

2.2. Поселения: сельские по форме, городские по содержанию?

В предыдущем параграфе мы выяснили, что основным источником освоения пригородных территорий Улан-Удэ стали выходцы из сельской Бурятии с доходами среднего и ниже среднего уровня. Как же отразились их приоритеты и возможности в жилищном строительстве на застройке пригородных поселений? Каким образом происходило расширение и обустройство этих поселений? Какого рода количественные и качественные изменения претерпела архитектура и социально-бытовая инфраструктура пригородных сел за последние 10-15 лет их освоения? Становятся ли они более благоустроенными сегодня? Или сохраняют прежний деревенский облик?

Массовое заселение пригородных поселений Улан-Удэ в постсоветский период не могло не отразиться на их внешнем облике. Расширение местных сообществ, пополнение их новыми жителями, актуализация их пригородной связи с городом повлияли на характер локальной жизни, на быт, архитектуру и инфраструктуру поселений.

Напомним, что все пригородные поселения, которые мы выбрали в качестве исследовательских кейсов, сформировались в советские годы при совхозах и их отделениях. К концу 1980-х гг. они представляли собой в общем-то типичные поселения сельской Бурятии. В Суже и Нижнем Саянтуе располагались управления совхозов, в Нижнем Саянтуе и Эрхирикe – сельсоветы, Нурселение оставалось небольшим поселением сельскохозяй-

ственного назначения. Все эти села в основном были застроены одноэтажными деревянными домами с участками усадебного типа.

На момент исследования (2010-2014 гг.) все они в разной степени изменились под воздействием массового заселения новыми жителями. Как мы отмечали в предыдущем параграфе, Нижний Саянтуй (Вахмистрово) и Эрхирик в целом сохранили свой прежний облик. Нижний Саянуй – за счет того, что новые жители обратили внимание на смежные с ним земли, которые были застроены в форме ДНТ (Рис.). Эрхирик (Рис.) же «сохранился» в силу невысокой популярности среди тех, кто хотел поселиться вблизи города. К тому же, что важно, и Вахмистрово, и Эрхирик к началу 1990-х гг. уже были относительно крупными и сложившимися поселениями. Этой характеристикой не обладали, допустим, Поселье и Нурселение, в общем-то растворившиеся в массивах новой застройки конца 1990-х – начала 2010-х гг.

«Здесь вот (в Нурселении – прим авт.) в старой деревне было от силы десять-пятнадцать домов. А потом как начали строить! Особенно вот в последние годы очень много появилось домов, новых приезжих. Сами жители мало строят, в основном приезжие. В итоге было десять домов, а стало сто-двести. Очень расширился поселок и население тоже (информант, 42 года, с. Сужа, 2010 г.). «Мы, когда с мужем ездили здесь в округе (по селам Нижнеиволгинского поселения – прим. авт.), смотрели дома, участки на продажу, столько оказалось новых домов! Всё сплошь новые дома, свежие стоят, едешь – они везде! Стоят, стоят, стоят. Вечером легла, закрыла глаза, и как вот после леса с ягодами и грибами, в котором весь день проходила, одни только свежие срубы перед глазами стоят. Потому что это эффект большой налаживает, когда приезжаешь и будто не ожидаешь, а здесь столько новых домов понастроено. Они – везде. Просто удивляешься» (информант, 27 лет, с. Нурселение, 2010 г.).

С точки зрения формирующего архитектурного ландшафта застройки, ситуация по всем поселениям в общем одинакова: большинство из жилищных новостроек (в том числе дворовые

постройки) выполнены из дерева, сохраняют утилитарный «деревенский» стиль без каких-либо архитектурных изысков. Вместе с тем, новые дома, которые активно строят мигранты, в подавляющем большинстве случаев не имеют характер «временного жилья», построены они основательно, обеспечивают уровень комфорта, сопоставимый с жильем в сельской местности.

Буквально до конца 2000-х гг. во всех из рассматриваемых нами случаев среди новостроек практически отсутствовали многоэтажные дома (в нашем случае речь идет только о двухэтажных домах). Все постройки были выполнены из дерева, отсутствовали кирпичные дома и коттеджи (и сегодня в пригородах их единицы). Основной формой застройки была и остается деревянная одноэтажная «четырёхстенка» из бруса или «кругляка». И это, повторюсь, объяснимо, поскольку подавляющая часть местных жителей имеет невысокие доходы, не позволяющие им, во-первых, строить жилье из более дорогих материалов, в том числе при отделке, а, во-вторых, проектировать его более масштабно, в больших объемах.

Отсутствие достаточных свободных средств у местных семей напрямую определяет внешний и внутренний вид современных домов и участков в пригородах Улан-Удэ. Именно поэтому у многих в доме стоит обычная кирпичная печь, а не энергоэффективный, но дорогой котел, именно поэтому практически каждый забор в пригородах Улан-Удэ – из дерева, а не, допустим, из металlosайдинга.

Вопрос отопления для жителей Улан-Удэ и улан-удэнских пригородов, раз уж о нем зашла речь, крайне важен. Город находится в зоне резкоконтинентального климата. Зима здесь продолжительная, морозная, но солнечная. При этом температура может держаться в зимние месяцы на уровне 30-35 градусов ниже нуля. Именно поэтому большая часть домов строится основательно и из дерева, а не из кирпича или газобетона, поскольку это требует дополнительных расходов на отопление. Печное отопление домов дровами в столь больших масштабах в условиях продолжительной зимы таит в себе серьезные экологические риски. Во-первых, каждый год повышается нагрузка на леса пригородных районов. В отличие, допустим, от соседне-

го Якутска, который находится в еще более суровых климатических условиях, Улан-Удэ не имеет газоснабжения, которое могло бы снизить экологическое давление на окружающие его леса. Во-вторых, с наступлением отопительного сезона ухудшается экологическая обстановка в самом Улан-Удэ. Существующая роза ветров не создает критических проблем с задымлением города, как это происходит, например, в Улан-Баторе (Монголия), но сам по себе экологический вопрос требует от специалистов внимания и контроля.

Возвращаясь к жилищному строительству в пригородах Улан-Удэ, хочу отметить, что сегодня дом в пригороде для многих людей, работающих в городе, – это реальная возможность обрести собственное жилье. Сделать это в условиях высокой аренды и цен на недвижимость в черте города бывает достаточно сложно. Построить дом в пригороде для сотен людей означает решить одну из основных проблем жизнеобеспечения семьи, сохранить возможность работать в Улан-Удэ и пользоваться его социальными, культурными, образовательными и прочими благами, более уверенно планировать свое будущее. В ходе анкетного опроса населения, более 70% респондентов ответили, что живут в пригороде в собственном жилье. При этом чуть более 17% отметили, что арендуют дом (таблица № 19). Это означает, как правило, что семья не может позволить себе арендовать дом в черте города.

Таблица № 19.
В каком жилье Вы проживаете в настоящий момент?

Варианты ответа	кол-во чел.	% от общего числа
В своем доме	314	70,72
Своего жилья нет, арендуем дом	76	17,12
Своего жилья нет, живем у родственников	37	8,33
Другое	17	3,83
Итого	444	100%

Что касается процесса строительства, то в основном жилые дома строились из нового материала, купленного в Улан-Удэ. Сегодня в пригородах не так часто встретишь «перекатанные» дома из деревень, поскольку это было и остается для большинства финансово невыгодным решением, в особенности для семей из отдаленных от Улан-Удэ районов. Вместе с тем такие перекатанные дома с нумерованными бревнами все-таки можно найти во всех пригородных поселениях. Строительство и обустройство дома обычно занимает продолжительное время, до нескольких месяцев и нескольких лет, учитывая климатические ограничения строительного сезона. Вместе с домом на участке обычно сразу строят туалет, баню и кладовую, затем, если есть или планируется покупка автомобиля, гараж.

Обустройство для каждой новой семьи в пригороде начинается однако не с дома, а с участка. Здесь надо отметить, что во многих случаях (это особенно характерно для поселений Левобережья Селенги) участки захватывались и обустраивались самовольно-незаконно. Жаль, что мы не обладаем какой-либо точной статистикой на этот счет. Целые улицы и кварталы жилых домов возводились без официального разрешения местной (сельской) администрации и контрольных органов и, соответственно, сами жители не имели никаких документов, подтверждающих право собственности на земли и дома. Сельские бюджеты недополучали земельный налог и налог на имущество физических лиц, а также, что немаловажно, лишались одного из своих неналоговых доходов – от продажи земельных участков. Эту ситуацию, которая была невыгодна местным поселениям и начала приносить жителям «нахаловок» дополнительные беспокойства решила «Дачная амнистия» – процесс упрощенного оформления объектов недвижимого имущества, запущенный после принятия Федерального закона Российской Федерации от 30.06.2006 № 93-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества», который продлил сроки бесплатной приватизации муниципального жилья до 1 марта 2010 года (позже этот срок был продлён до 1 марта 2015

года). В итоге все, кто был заинтересован в оформлении документов, подтверждающих право на собственность их земельными участками, поспешили организовать или включиться в уже организованные ДНТ. «Дачная амнистия» при этом спровоцировала еще более массовый захват пригородных земель, которые благодаря указанному закону можно было легализовать, включившись в то или иное ДНТ. Сегодня в каждом из трех пригодных районов, которые мы рассматриваем в исследовании, можно найти такие ДНТ. Все они расположены вблизи пригородных сел, часто граничат с ними настолько неопределенно, что не всегда понятно, где эта граница проходит: *«Невозможно определить границу между Солдатским, который относится к городу и нашим ДНТ, относящимся к Иволгинскому району. Там нет вывесок, ничего. Просто город и город. Одна улица резко переходит в другую»* (информант, 32 года, ДНТ, вблизи Поселья, 2013 г.).

ДНТ, надо отметить, позволили перевести процессы застройки в более организованное русло, упорядочить их, обеспечить правовое сопровождение застройки пригородных территорий. Руководство ДНТ помимо того, что обеспечивает связь местных жителей с властями советующих сельских поселений, организует электрификацию территории, водоснабжение, засыпку дорог, уборку территории, решение прочих общих бытовых проблем, которые долгое время не позволяло решить индивидуальное жилищное строительство. В частности, многие семьи в пригороде в 1990-е гг. годами жили без электроэнергии, незаконно подключались к линиям электросети или вынуждены были приобретать дизельные электрогенераторы. Муниципальные власти не могли решать эти проблемы, во-первых, в силу того, что ранее многие участки не были зарегистрированы «на карте», во-вторых – в виду недостатков собственных бюджетных средств. ДНТ же, собирая членские взносы с самих жителей, сегодня постепенно решают эти проблемы.

С массовым наплывом новых жителей в пригородных поселениях Улан-Удэ возникло множество инфраструктурных и бытовых проблем, которые с разной степенью успешности были решены к настоящему времени. Среди наиболее важных из них

следует отметить следующие: проблемы электрификации и водоснабжения, транспортной доступности, дошкольного и школьного образования, медицинского обслуживания, социально-бытового благоустройства. В ходе анкетного опроса населения респонденты высказали относительно высокий уровень неудовлетворения по большинству этих проблем, за исключением электроснабжения (см. таблицы № 20).

Таблица № 20.
Насколько Вы удовлетворены
решением проблем в следующих областях?

Область социально-бытового обслуживания	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Не удовлетворен
Водоснабжение	17,14%	12,65%	12,19%	58,02 %
Электроснабжение	71,26%	16,41%	5,84%	6,49%
Транспортная доступность	27,85%	14,88%	22,74%	34,53%
Правопорядок и общественная безопасность	13,51%	36,86%	21,06%	28,57%
Состояние автодорог внутри поселения	6,45%	9,74%	11,49%	72,32%
Уборка улиц	18,57	28,32	24,19	28,92

Проблемы электрификации и водоснабжения сразу же касались каждого, кто начинал обустриваться на ранее неосвоенных пригородных землях. До середины 2000-х гг. распространенной практикой был самовольный захват участков, когда люди приезжали и буквальным образом отмеряли их в «поле» по своему усмотрению, без согласования с муниципальными властями. В этом случае они, разумеется, получали земли, которые не были снабжены элементарными объектами инфраструктуры: электросетями и системой водоснабжениями (например, водоколонками). Просить или тем более требовать от местных властей наладить электро- и водоснабжение они также не могли, поскольку участки были захвачены самовольно. Это привело к тому, что многие семьи годами жили, что называется «в темноте», не у всех была возможность сразу пробить или пробурить себе личную скважину, а в некоторых местах вода оказывалась непригодной для употребления, и местные жители были вынуждены запасаться ею на водоколонках в ближайших микрорайонах Улан-Удэ. Сегодня эти проблемы в основном решаются, в том числе благодаря тому, что новые жители объединяются в ДНТ и решают эти проблемы уже не индивидуально, а совместно, своими силами. *«У нас тут (в с. Нурселение, с. Сужа – прим. авт.) проблемы с водой. У кого нет скважин, ездят брать воду в город, на колонку на Бурводе (район Улан-Удэ – прим авт.). Там тоже скандал был, городские ведь там платят»* (информант, 39 лет, с. Нурселение, 2010 г.). *«Вот у нас есть скважина, нам, вроде, хорошо. Но соседи – пять семей ходят к нам. Скважина тоже не дешевая. Я кредит взяла, вот уже второй год расплачиваюсь»* (информант, 47 лет, с. Эрхирик, 2010 г.).

В ходе анкетного опроса более 73% респондентов отметили, что имеют проблемы с водоснабжением (см. таблицу № 21) – одной из основ жизнеобеспечения. Это означало в большинстве случаев, что им до сих пор ежедневно приходится брать воду на водоколонках в городе или вблизи (внутри) своих поселений, поскольку своей скважины у них нет, либо вода в ней не пригодна для употребления в пищу.

Таблица № 21.
Есть ли у Вас проблемы с водоснабжением?

Варианты ответа	да	нет
% от общего числа респондентов	73,82%	26,18%

В то же время ситуация с электроснабжением к настоящему времени стала более благоприятной, чем 10-15 лет назад. Сегодня строительство новых пригородных микрорайонов (обычно в форме ДНТ) обыкновенно начинается с проведения электросетей, были решены также проблемы со скачками, перепадами электричества. В итоге в ходе анкетного опроса именно проблемы с электричеством вызывали у респондентов наименьшее беспокойство (таблица № 22).

Таблица № 22.
Есть ли у Вас проблемы с электроснабжением?

Варианты ответа	да	нет
% от общего числа респондентов	11,09%	88,91%

Следующая инфраструктурная проблема пригородных поселений, которая с каждым годом не теряет, а, скорее, прибавляет в своей актуальности – это проблема их транспортной доступности. Уже с начала 1990-х гг., когда начала выстраиваться ориентация поселений на городской рынок труда, перед местными жителями, а вслед за ними и новыми переселенцами все острее вставал вопрос: как добраться до города? Для большинства коренных и новых жителей пригородных поселений, которые, как мы выяснили, имеют в основном средние доходы, покупка и содержание личной машины в 1990-е и 2000-ые гг. не была возможной. В этой ситуации местные жители возлагали свои надежды главным образом на общественный транспорт, который на протяжении последних двадцати лет с разной степенью успешности справлялся со все возрастающим потоком пассажиров. С начала 1990-х гг. до середины 2000-х гг. эту нишу в пригородах занимали в основном местные частные извозчики, объединенные в бригады и использовавшие для перевозок не-

большие корейские микроавтобусы Besta и Istana. Позднее, во второй половине 2000-х гг. в систему перевозок включились городские предприятия, которые нашли популярность у местных жителей, поскольку перевозки приобрели более организованный и подконтрольный характер. К этому надо добавить, что хорошо организованные «собственные» маршруты у большинства пригородных поселений появились также только во второй половине 2000-х гг. До этого местные жители могли уехать в Улан-Удэ только на проходящем мимо общественном транспорте, обычно из районных центров в Улан-Удэ. Мест в них всегда было недостаточно, поскольку они заполнялись жителями из более отдаленных от столицы республики сел.

Сегодня в Нижний Саянтуй и Эрхирик можно уехать на регулярных рейсовых автобусах большой вместимости. Поселения левобережья Селенги по-прежнему в основном обслуживают маршруты с небольшими микроавтобусами (до 13-15 сидячих мест). При этом в часы-пик (утром и вечером, после окончания рабочего дня) эти автобусы «набиваются до отказа», что, конечно, влияет и на уровень комфорта пассажиров в процессе передвижения. Многие жители пригородов регулярно опаздывают на работу, поскольку зачастую вынуждены простоять на остановке гораздо больше времени, чем длится сама поездка в город¹⁷⁶. При этом местные бригады маршрутных такси не увеличивают количество своих авто, поскольку в течение дня, от утренних до вечерних часов-пик, пассажиропоток существенно снижается, вследствие чего они не получают более-менее стабильной прибыли от каждого рейса¹⁷⁷.

¹⁷⁶ Эта проблема сохраняет свою актуальность уже давно. См.: например: Жителей Нурселения увольняют с работы // Номер один. – 2007. – 27 июня. – Режим доступа: <http://www.infpol.ru/news/634/6272.php> (Дата посещения: 04.04.2013).

¹⁷⁷ В действительности, в рабочее время автобусы на пригородных маршрутах часто ходят полупустыми, что связано, конечно, с тем, что большинство пассажиров пользуется общественным транспортом именно в часы пик, чтобы добраться до работы и вернуться домой после окончания трудового дня. Стоимость проезда на пригородных

Подобная ситуация с общественным транспортом, по всей видимости, стала одной из причин, почему в пригородах Улан-Удэ за последние 5-10 лет значительно увеличилось количество частного автотранспорта. Расширение возможностей для кредитования и общее повышение благосостояния граждан также повлияло на то, что сегодня в пригородах Улан-Удэ, по данным проведенного анкетного опроса, более 84% семей имеет собственный автомобиль (таблица № 23). По моим наблюдениям и данным интервью, жизнь в пригороде Улан-Удэ сегодня уже напрямую связана с покупкой своего автомобиля. К сожалению или нет, но существующие пригородные маршруты в их нынешнем состоянии не могут обеспечить разнообразие ежедневных потребностей в передвижении местных жителей. В то же время они по-прежнему играют важнейшую роль в поддержании связи между этими территориями и городом, поскольку для сотен людей они остаются единственной возможностью добраться до работы/учебы или решить какие-либо другие вопросы в Улан-Удэ.

Таблица № 23.
Имеет ли Ваша семья автомобиль?

Варианты ответа	% от общего числа
Да	84,51
Нет	15,49

В последние 2-3 года проблема транспортной доступности обозначилась в новом контексте: увеличивающийся пассажиропоток, складывающийся из общественного и личного транспорта, привел к регулярным пробкам на автодорогах, ведущих из пригородов в Улан-Удэ. Это особенно характерно для утренних и вечерних часов-пик и, в частности, для поселений левого берега Селенги. Нарастающая популярность юго-западных тер-

маршрутах в 2013 г. (от 15 до 35 руб.) по некоторым направлениям была сопоставима со стоимостью внутригородских перевозок (тогда это были 13, 14 и 15 рублей на разных видах общественного транспорта), а где-то превышает ее на 10-20 рублей.

риторий Улан-Удэ и территорий вокруг Нижнего Саянтуя (Вахмистрово) привела к тому, что схожие проблемы коснулись и этого направления. В этой связи город, очевидно, нуждается в открытии новых автопутей, которые бы ослабили напряжение на главных автодорогах, связывающих Улан-Удэ с пригородными поселениями¹⁷⁸.

Сегодня в целом довольно стабильная ситуация с общественными перевозками периодически обостряется только в отдельных ситуациях: когда ухудшается ситуация на дорогах в связи с погодными условиями, когда идет ремонт дорог, когда на отдельных маршрутах из-за слабого контроля бригадиров не соблюдается режим выезда и т.п. В этих ситуациях на остановках в пригородах Улан-Удэ можно увидеть привычную картину – десятки (а то и сотню) людей, которые не могут выехать из своих поселений в город.

Продолжая перечень общественных проблем пригородов Улан-Удэ, следует затронуть вопросы, связанные с дошкольным и школьным образованием, а также медицинским обслуживанием местных жителей. В ходе исследования мы выяснили, что активный рост населения в пригородных селах не сопровождался адекватным развитием в них социальной инфраструктуры и, в частности, строительством дополнительных яслей, детских садов, начальных и средних школ. Средние школы с советских лет существовали в с. Нижний Саянтуй, Эрхирик и с. Сужа. В Поселье и Нурселении, например, таковых не было. Та же ситуация с детсадами. Вместе с тем, в пригороды, как мы отмечали в предыдущем параграфе, очень часто едут семьи с детьми дошкольного и школьного возраста, именно переезд в пригород дает возможность многим семьям завести еще одного ребенка.

¹⁷⁸ Транспортные проблемы левого берега Селенги мог бы решить второй мост через эту реку, объединивший эти территории с Октябрьским районом города, в котором работает часть местных жителей, вынужденных сегодня проезжать весь Советский район, чтобы попасть на работу. Это решение известно, но пока его не планируют реализовывать, поскольку в городском бюджете отсутствуют на это достаточные средства.

В новой ситуации нагрузка на имеющиеся учреждениякратно возросла.

«На территории поселения 3 школы, 2 из них начальные, в Вознесеновке и Верхнем Саянтуе, и одна средняя – нижнесаянтуевская. Здесь полное образование дети получают, но школа рассчитана на 280 человек. Насколько я помню, на 1 сентября 2013 г. обучалось в ней 320 чел. Много жителей ДНТ отдают своих детей в школу. У нас два автобуса ходит. Один собирает детей из Вознесеновки и ближних с ней ДНТ, а второй автобус – идет именно по ДНТ. Представляете, уже автобус ходит. Это уже о нагрузке на школу говорит» (информант, Нижний Саянтуй, 2014 г.).

И если со школами решить проблему в целом было возможно, то с детсадами сделать это оказалось сложнее (что характерно и для Улан-Удэ в целом), поскольку инфраструктура дошкольного образования развита в пригородных поселениях крайне слабо. Обычно на 3-4 села и несколько десятков ДНТ работает только один муниципальный детский сад. Частные сады, которых пока здесь единицы и которые принимают обычно максимум от 10 до 15 детей, не решают проблемы.

«Еще одна проблема жителей ДНТ – некоторые не могут оформить дома в собственность, соответственно, не могут прописаться. А по прописке у нас и детский сад, и школа. В детский сад тоже большая очередь у нас. А детский сад один на поселение. Рассчитан на 96, кажется, человек. А ходит больше ста. Очередь очень большая. Есть еще детский сад, но там сами знаете, свои дети и плюс немного других» (информант, Нижний Саянтуй, 2014 г.).

В итоге во многих семьях, проживающих в пригородах, дети младшего возраста остаются дома. Если в доме нет старших, неработающих членов семьи (допустим, родителей-пенсионеров), один из супругов вынужден отказываться от работы и сидеть дома, что, конечно, отражается на общем уровне доходов небогатых переселенцев. Обычно заботы о ребенке возлагаются на женщин, которые традиционно несут большую ответственность за воспитание детей. Учитывая, что большинство семей в пригородных поселениях не имеет второго автомо-

бия и финансовых возможностей для активного досуга, женщины, пока их дети растут, часто вынуждены оставаться в границах своих поселений. То же касается и их детей. *«Жена дома сидит, с ребенком. С детсадом не удалось решить [...] дом наш далеко от трассы находится, ей не хочется ходить до маршруток до города. Да и денег сильно нет. Поэтому в основном дома. Иногда подруги с города приезжают – ей развлечение»* (Информант, 31 год, Вахмистрово, 2014 г.).

Надо сказать, такая модель семейных отношений в пригородах Улан-Удэ не является уникальной – схожая ситуация регистрируется исследователями во всем мире.

Часть семей ежедневно возит своих детей в муниципальные детсады в Улан-Удэ, оформляя им городскую регистрацию в нужном районе через друзей, родственников, знакомых и иными путями. Надо сказать, официально устроить ребенка в детский сад в городе очень сложно, в виду многотысячных очередей, в которых дети обычно успеют подрасти, прежде чем получат свое место. Единицы устраивают своих детей в городские частные детсады, поскольку они обходятся в среднем в 10-14 тыс. в месяц, что сопоставимо с зарплатой части жителей пригородов.

Основную медицинскую помощь сегодня можно получить во врачебных амбулаториях общей практики в большинстве пригородных поселений. У многих сельских переселенцев, особенно из дальних сел и районов, не имевших регистрации в своем пригородном селе, вплоть до последних лет были проблемы с бесплатным медицинским обслуживанием. У них не было местной регистрации. С 2011 г., в связи с принятием новых правил медицинского страхования, эта проблема решилась: медицинскую помощь стали бесплатно и без проблем оказывать по месту жительства – в самих пригородных селах, в районных центрах и городе. Вдобавок к этому городские муниципальные поликлиники постепенно стали включать в зоны своего обслуживания отдельные пригородные села. Так, жители Нижнесаянтуевского сельского поселения, а это 4 села и 43 ДНТ, с 2014 г. получили возможность пользоваться услугами улан-удэнской Городской поликлиники № 2, которая имеет большие возмож-

ности, нежели поликлиника в районном центре – Тарбагатае, в который до этого и должны были обращаться местные жители.

Надо отметить, что развитие социальной инфраструктуры пригородных сел уже сегодня осложняется тем, что все территории внутри этих поселений были заняты частными участками. Поскольку застройка происходила без серьезного муниципального контроля, территории под значимые общественные сооружения (школы, детсады, поликлиники, дома культуры и пр.) не были отведены. Это особенно касается поселений левого берега Селенги, которые ежегодно массово расстраиваются без учета этого фактора.

К настоящему времени в пригородных поселениях слабо развита потребительская инфраструктура, резко отличающая их, допустим, от городских микрорайонов, даже окраинных. Ни в одном из рассматриваемых поселений нет крупных супермаркетов, буквально до последних лет здесь можно было найти лишь небольшие магазины смешанных товаров типичного сельского типа. Как правило, есть одна-две парикмахерские, аптеки, несколько столовых-кафе, иногда службы такси и все. Все необходимые в повседневной жизни вещи, в том числе продукты, одежду, бытовые товары жители пригородных сел покупают в основном в городе. Это особенно характерно для семей с личным автомобилем, ежедневно бывающих в Улан-Удэ. В пригородных селах ограничены возможности культурного досуга и просто приятного досуга как такового. Это беда большинства новых пригородных поселений левого берега Селенги, в которых кроме массивов жилых домов, расположенных в степи, практически ничего нет. Известную проблему ограниченности культурного досуга в «деревенских» пригородах Улан-Удэ в 2012 г. обозначил министр культуры Бурятии Тимур Цыбиков: «Ни для кого не секрет, что Улан-Удэ разросся и всё больше и больше напоминает деревню. Появились большие микрорайоны, в которых нет учреждений культуры. Эти люди, по сути дела, совсем не охвачены сферой культуры. Сегодня мы на это закрываем глаза, но, если подождём ещё немного, то получим

социальный взрыв и социальную напряжённость, – подчеркнул Тимур Цыбиков»¹⁷⁹.

Таблица № 24.
Насколько Вы удовлетворены работой следующих типов организаций в Вашем населенном пункте?

Сфера обслуживания / уровень удовлетворения	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Не удовлетворен
Организация общественного питания	23,06	32,12	24,35	20,47
Бытовое обслуживание	6,39	8,46	34,06	51,09
Сфера развлечений и отдыха	0,44	4,31	22,70	72,55

Данные анкетного опроса показали, что люди не удовлетворены организацией бытового обслуживания и работой учреждений сферы отдыха и развлечений в своих поселениях (таблица № 24). В нынешней ситуации подвергать критике местные власти и бизнес, вряд ли, было бы правильным, поскольку, как и в ситуации с общественным транспортом, здесь основной вопрос – рентабельность. Местное население не формирует соответствующий спрос, а, соответственно, и уровень цен и продаж, необходимый, чтобы предприятия в этих областях заработали. Как и в ситуации с продуктами питания, одеждой, покуп-

¹⁷⁹ См.: Тимур Цыбиков: Улан-Удэ все больше напоминает деревню. – Режим доступа: <http://www.baikal-daily.ru/news/19/41538/> (Дата посещения: 06.04.2013).

кой бытовой оргтехники и прочих товаров, жители пригородов предпочитают приобретать «развлекательные услуги», отдыхать в городе, а не в своем поселении.

Среди инфраструктурных проблем стоит отметить и состояние дорог. При том, что подъезд к самим поселениям обычно заасфальтирован, в виду того, что они находятся на ключевых республиканских автодорогах, связывающих Улан-Удэ с остальными ее территориями, то в самих поселениях дороги в основном грунтовые, разбитые, без специальных покрытий, без тротуаров, аллей. Основная причина этого – слабость местных бюджетов и местных семей: *«еще одна проблема – дороги. Не хватает денег на ремонт. Дороги плохие, общественный транспорт туда не ходит – в большие ДНТ. Одно за другое цепляется. Чтобы дорогу оформить, поставить на нее знаки, надо оформить ее в собственность, заказать на нее проект схемы дорожного движения, паспорт, потом по этой схеме установить все знаки. Это все финансы»* (информант, Нижний Саянтуй, 2014 г.).

Именно по финансовым причинам в новых пригородных микрорайонах дороги даже не гредеруются. Тротуары и прочие внутренние территории, если облагораживаются, то только самими жителями, в том числе за счет деятельности ДНТ. Но это единичная практика. Характерной бедой новых пригородных микрорайонов стали узкие улицы и проулки, не позволяющие в будущем обустроить на них тротуары, озеленить их. Во многом застройка таких кварталов была продиктована исключительно частными финансовыми мотивами, в результате чего «общественные площади» значительно сокращались.

Помимо инфраструктурных и социально-бытовых проблем исследование затронуло проблемы в области обеспечения правопорядка. Главным образом речь идет о высоком уровне краж имущества местных жителей (особенно во время строительства домов). Случаи более тяжких преступлений (убийств, разбоев и пр.) единичны и на общегородском фоне не выделяются. Ситуацию с кражами и другими правонарушениями усугубляет то, что в большинстве новых пригородных микрорайонов отсутствует ночное освещение. Даже крупные ДНТ обычно не реша-

ют эту проблему. К этому необходимо добавить, что местные поселковые отделения полиции не были рассчитаны на столь значительный рост территорий для патрулирования.

Глядя на обозначенный выше комплекс проблем пригородных поселений Улан-Удэ, можно отметить следующее.

1. Несмотря то, что рассматриваемые пригородные села в последние 10-15 лет стали пригородными уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле, более глубоко обозначилась их связь с городом, увеличилось их население, а сами они расширились, сегодня они в целом сохранили вид достаточно типичных слабоурбанизированных сельских поселений. Здесь слабо развита социально-бытовая инфраструктура, инфраструктура отдыха и развлечений, плохие дороги, жилищное строительство однообразно и утилитарно. При том, что рассматриваемые нами поселения уже не один год считаются «пригородом», они по-прежнему не лишены многих хронических проблем с водоснабжением и т.п. Лишь в последние годы более-менее были решены вопросы с общественным транспортом. Сохраняя привлекательность для тех, кто стремится жить недалеко от Улан-Удэ, пригородные поселения пока не обеспечивают местных жителей комфортными условиями, сопоставимыми с теми, что существуют, например, в благоустроенных районах города. Во многом именно поэтому переезд в пригород для многих горожан и чуть в меньшей степени для сельчан до сих пор остается во многом вынужденной, а не привлекательной стратегией: *«Люди приехали жить в город, но так и не стали горожанами. Живут без света, без воды, без коммуникаций. Это не жизнь горожанина, это вообще не жизнь»*¹⁸⁰.

2. Важным признаком трансформации рассматриваемых сел в «пригород», на наш взгляд, является лишь сформированная за прошедшие двадцать лет ориентация рассматриваемых сообществ на городской рынок труда.

¹⁸⁰ Пушкарева, Т. Александр Голков: Наш город отстал от Томска лет на пять / Т. Пушкарева // Молодежь Бурятии. – № 5 от 33 января 2013 г. – С. 5.

3. Надо признать, что главной причиной, по которой пригороды Улан-Удэ не получили пока развитой инфраструктуры и «городского» облика, является то, что основным источником освоения этих территорий в постсоветский период стал не сам город и успешные горожане, а сельская Бурятия – сельские мигранты. И это были и есть люди со средним доходом и доходом ниже среднего уровня. Финансовая слабость семей переселенцев не позволила им, во-первых, во всех случаях законно выкупить свои земельные участки, тем самым дав возможность муниципальным властям изначально позаботиться о первичной инфраструктуре (электросетях, водоснабжении, дорогах, территориях для строительства общественных объектов). Во-вторых, невысокие и нестабильные доходы новых жителей пригородов отразились на характере жилой архитектуры и особенностях застройки участков, в результате чего новые микрорайоны пригородных поселений получили в целом однообразный непримечательный облик «деревянных коробок с типовыми деревянными домами». Большинству семей важно было огородить участок и построить на нем свой дом. С эстетической точки зрения, новые пригороды Улан-Удэ, очевидно, вызывают много вопросов. Дома, приусадебные участки, ограждения в подавляющем большинстве пока не получили сколько-нибудь законченного оформления, практически отсутствует практика озеленения придомовых территорий: на улицах нет ни деревьев, ни кустов, у домов не разбивают палисадники с цветами, как это, допустим, принято во многих поселениях сельской Бурятии.

Возможно, с годами, когда местные жители окончательно решат первичные проблемы обустройства на новом месте, участки и дома будут перестраиваться, приобретая все более привлекательный с эстетической точки зрения вид. Местные жители, в том числе и мигранты, как показало исследование, рассчитывают сегодня на большее – на улучшение инфраструктуры своих поселений, окончательное решение транспортных проблем и т.п. Не в последнюю очередь эти ожидания связаны с недавним решением городских властей о возможном включении этих пригородных территорий в состав Улан-Удэ. Обсудим это в следующем параграфе.

2.3. Пригородная зона: есть ли будущее у «деревенской агломерации»?

В январе 2013 г. в Улан-Удэ в одной из местных газет вышла достаточно знаковая, на мой взгляд, статья, посвященная пригородным поселениям левобережья Селенги. Впоследствии она вызвала множество одобрительных комментариев на сайте издания¹⁸¹. В тексте, названном «Берег забвения», журналист рассуждает о широком перечне проблем местных поселений, которые не решаются городскими властями. Автор метафорично отмечает: *«Гигантский спрут частного сектора на несколько десятков километров протянулся на запад от города, заполнив собой обширную часть левого берега Селенги. На этой территории проживает практически треть полумиллионного населения Улан-Удэ. Несмотря на это, ни властям, ни коммунальным службам Левый берег не интересен. Стихийная, необдуманная, никем не спроектированная застройка родила новый вид поселения – одноэтажный город-призрак. [...] Узнать, где начинается этот город, легко. Зимой сразу за мостом «Бегущая лань» едкий дым от тысяч печных труб, превращающийся в густое облако, даст знать, что вы уже не в Улан-Удэ. Это другой город со своими законами и устоями. Он молод, автономен и, самое главное, он растет. Растет очень быстро [...] Многие поселки разрастаются настолько, что соединяются друг с другом и образуют агломерации. Так, уже давно стали единым целым по-*

¹⁸¹ Балтатарова, Е. Берег забвения / Е. Балтатарова // Информ Полис от 09 января 2013 г. – Режим доступа: http://gazeta-n1.ru/blogs/Eugene_Baltatarova/18855/ (Дата посещения: 03.04.2013).

селки Сужа и Нурселение, поселки Солдатский, Поселье и Исток, Гурульба и Сокол. Совсем скоро поселок Коминтерн соединит все эти поселения в одно, и мы получим суперагломерацию»¹⁸².

Как мы видим, в статье речь идет не только о территориях, которые были включены в городской округ в 2009 г.¹⁸³, но и о чуть более отдаленных пригородных селах, которые не в ходят в состав города, но образуют вместе с другими поселениями левого берега Селенги, как пишет автор, «деревенскую агломерацию». В этом смысле статья выражает позицию, широко распространенную в пригородных сообществах Улан-Удэ: город и республика должны заняться решением местных проблем.

Надо сказать, вопросы, связанные с активным заселением пригородных поселений Улан-Удэ, вплоть до последних лет не включались в республиканскую или городскую повестку дня, оставаясь во многом «проблемами местного значения». Электрификация, водоснабжение, создание необходимой социально-бытовой инфраструктуры, обеспечение населения общественным транспортом и пр. — эти вопросы в 1990-2000-е гг. легли на плечи администраций соответствующих сельских поселений. В силу слабости местных бюджетов большинство проблем и связанных с ними обращений местных жителей оставалось без решения. Известное российское противоречие между обилием вопросов, находящихся в компетенции местного самоуправления, и теми средствами, которыми они располагают, в отношении пригородов звучит особенно остро. Пригородные села значительно отличаются от других сел тех же пригородных районов, но находятся в тех же условиях, что и остальные, в то время как испытывают на себе большую нагрузку.

Проблемы пригородных территорий Улан-Удэ, скорее всего, не обозначились бы так остро, если бы сами села оставались «рядовыми» в списке прочих сельских поселений Заиграевско-

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Напомним, постановлением Народного Хурала в состав городского округа были включены следующие поселения левобережья Селенги: Солдатский, Сокол, Тулунжа, Заречный, Исток и Степной.

го, Иволгинского и Тарбагатайского районов. Однако в 1990-2000-е гг. эти поселения серьезным образом изменились: они расширились количественно и территориально, связь местных жителей с городским рынком труда стала системообразующим началом, поддерживающим их жизнь. Пригородное положение в этом случае оказалось связано с артикуляцией и особой значимостью для этих поселений связи с городом, нежели с «обратной» границей – периферией своего сельского района.

Сами местные жители, как коренные, так и приезжие, хорошо понимают, что благоустройство их поселений в значительной степени зависит от них самих, поскольку в администрациях сельских поселений на это выделяются небольшие средства. В этой связи многие из них надеются на то, что их поселения в будущем будут включены в состав городского округа (город Улан-Удэ), который обладает значительно большими ресурсами для благоустройства своих территорий. Подобные разговоры оживились в 2010 г. в связи с публичным обсуждением и принятием новой Концепции территориального развития Улан-Удэ до 2025 г.¹⁸⁴. В ней было предложено три варианта развития Улан-Удэ в зависимости от предполагаемого роста численности его населения в ближайшем будущем: инерционный (до 412 тыс. чел.), оптимистично-реалистичный (570 тыс. чел.) и прогрессивный (700 тыс. чел.)¹⁸⁵. Увеличение численности Улан-Удэ соотносилось в каждом из случаев с расширением границ городского округа за счет пригородных территорий, которые в перспективе должны были получить «городскую регистрацию». Разработка и принятие новой концепции во многом стали итогом осознания того обстоятельства, что городу нужны новые земли, поскольку, несмотря на значительные показатели

¹⁸⁴ См.: Концепция территориального развития городского округа «Город Улан-Удэ» до 2025 года с увеличением численности населения до 700 тысяч человек. Режим доступа: www.ulan-ude-eg.ru/news/for_news/2010.11.19/Do1.doc (Дата посещения: 16.05.2011).

¹⁸⁵ Напомним, численность Улан-Удэ по данным Всероссийской переписи 2010 г. составила 404,4 тыс. чел.

миграционного оттока¹⁸⁶, его население с годами лишь растёт. Положительное миграционное сальдо ежегодно обеспечивается сельскими мигрантами, которые продолжают переезжать в Улан-Удэ, обустривая в городе жизнь для себя и для своих детей. При этом на значительной по площади территории самого города уже сложно найти новые земли, пригодные для массового многоэтажного и индивидуального строительства, а его уплотнительная застройка не безгранична и вызывает все большее недовольство горожан. И эти обстоятельства надо было начать учитывать. Известно, что инициативу с принятием новой стратегии лично поддержал Президент республики В.В. Наговицын, в 2010 г. отметивший: *«На селе должно быть столько (населения – прим. авт.), сколько возможно для работы. И если у человека нет работы, то мы не можем его удерживать там. Он может попытаться найти работу в столице (республики – прим. авт.). И задача города стоит в том, чтобы быть готовым принять население, переезжающее сюда на постоянное место жительства. Другой вопрос, где всем этим людям жить. В городе не хватает места»*¹⁸⁷.

Именно с подачи Президента и Правительства стали активно осваиваться пустовавшие и не приносявшие дохода в местные бюджеты пригородные территории. В новой концепции предполагалось включить в состав города часть территории трех пригородных районов: Иволгинского, Тарбагатайского и Заиграевского, включая рассматриваемые нами с. Нижний Саянтуй, Нурселение, Сужа, Поселье и Эрхирик. К 2014 г. каких-либо положительных решений по этому поводу не принималось. Вполне возможно, они будут приняты в недалеком буду-

¹⁸⁶ По данным официальной статистики, которые недавно озвучил мэр города А. Голков, в 2012 г. отток населения составил 12,6 тыс. чел., и этот показатель стал рекордным за последние годы. См.: Александр Голков: Миграционный отток из Улан-Удэ растёт пугающими темпами. – Режим доступа: <http://www.vtinform.ru/vti/140/63716.php> (Дата посещения: 05.04.2013).

¹⁸⁷ Мункоева, Т. Город будущего / Т. Мункоева // «Правда Бурятии» от 14.01.2010 г.

щем, что поспособствует развитию данных территорий, их качественному преобразению. Пока же подобная перспектива вызывает к жизни достаточно сдержанные, но все же оптимистические ожидания местного населения относительно инфраструктурного благополучия своих территорий. В сущности, для большинства коренных и новых жителей пригородных поселений, которые трудятся в Улан-Удэ, это решение финансово выгодно: их недвижимостъ подорожает, наверняка, повысится уровень благоустройства территорий, активнее будут решаться транспортные проблемы. В менее выгодном положении в этом случае окажутся лишь те местные жители, которые работают в самом селе. Это, главным образом, бюджетники, которые лишатся своих сельских надбавок к заработной плате. Население также будет вынуждено платить больше по автострахованию.

«Я, с одной стороны, думаю, что хорошо, что село попадет под опеку города. Инфраструктура будет развиваться, коммуникации, тот же транспорт. Но, с другой стороны, чисто с экономической точки зрения, для сельского жителя это убыток. Налоги возрастут, дрова будут дороже. В городе машина дров стоит 6-7 тыс., а у нас пока 5-6 тыс.» (информант, 45 лет, с. Эрхирик, 2010 г.). *«Преимуществ я никаких не вижу. Во-первых, это подорожание земельного налога. Во-вторых, подорожание обеспечения дровами и всем остальным. В-третьих, даже по зарплате. Так как я специалист на селе, 10% по зарплате у меня снимутся. Потому что я получаю 10 % как сельский работник. Мне не хочется в городскую зону. Лично мне. И в принципе у нас у всех (в учреждении – прим авт.) – никто не хочет. Кто особенно прожил всю жизнь здесь. Они против этого. Но у нас правительство, сами понимаете, решило. Потом все документы надо будет менять. Мы ведь сейчас относимся в Тарбагатайскому району. А переделка всех документов, как всегда, за свой счет. Это свой кошелек, это, извините, мне совсем не надо. Я отношусь к району и вполне спокойно себе живу, мне ничего не надо. С районной пропиской. Меня это вполне устраивает»* (информант, 36 лет, с. Нижний Саянтуй).

Подобные реплики звучали во всех четырех исследовательских кейсах. В ходе анкетного опроса населения в новых пригородных микрорайонах мы получили следующие количественные данные относительно перспектив вхождения этих территорий в состав города (таблица № 25).

Таблица № 25. Хотели бы Вы, чтобы Ваше поселение стало частью Улан-Удэ?

Варианты ответа	% от общего числа
Да, хотел бы	68,23
Нет, не хотел бы	31,77

Вне зависимости от предпочтений местных жителей дискуссии 2010 г. о возможном включении рассматриваемых пригородных поселений в состав Улан-Удэ лишь повысили уровень их миграционной привлекательности: поток переселенцев в эти места ежегодно увеличивался. Эта ситуация двояко рассматривается в администрациях самих сельских поселений. С одной стороны, они ежегодно получают новых налогоплательщиков, но с другой, – вынуждены решать дополнительные проблемы, связанные со строительством новой социально-бытовой инфраструктуры, обеспечением новых жителей медицинским обслуживанием, возможностями дошкольного и школьного образования, решать проблемы с общественным транспортом и пр. При этом до сих пор не до конца решены проблемы незаконного захвата земли и, соответственно, проблемы регистрации объектов недвижимости и учета налоговых поступлений. Стоит отметить, что муниципальные власти в данном случае пока идут на уступки. Так, в Нижнеиволгинском (Суза и Нурселение) и Гурульбинском (Поселье) сельском поселениях в 2010 г. земельные участки до конца 2013 г. решили оформлять по «упрощенной системе», освобождающей нарушителей закона и местных нормативно-правовых актов от административного наказания. Аналогичное решение было принято и в сельском поселении «Дабатуйское», что касается с. Эрхирик. Данное решение позволило многим переселенцам узаконить свои зе-

мельные участки, став законными собственниками занятых прежде земель. Это увеличило и налоговые поступления в местные бюджеты.

Нельзя сказать, что процессы распределения участков в пригородных районах приобрели высоко организованный и регулируемый характер. Высокая ценность местных земель стала серьёзным стимулом для коррупционных действий, незаконных сделок, сговоров и финансовых афер. До сих пор здесь возникают споры о правомерности и законности тех или иных решений о выдаче/продаже земель, которые принимают местные власти через свои комитеты по управлению имуществом. Эти споры доходят до административных и уголовных разбирательств, обвиняемыми по которым проходят муниципальные служащие, а также руководители и учредители некоторых ДНТ.

В нынешней ситуации, когда процессы освоения пригородных земель все же входят в более-менее регулируемое русло, увеличивая налоговые и неналоговые доходы соответствующих сельских бюджетов, сами пригородные районы (Заиграевский, Иволгинский, Тарбагатайский) все менее заинтересованы в том, чтобы уступать свои территории городу. В случае реализации новой концепции территориального развития Улан-Удэ они потеряют важное для них население и узловые поселения, в которых население сегодня лишь растёт. Сокращение численности жителей грозит в этом случае также уменьшением дотаций из республиканского бюджета. В этой связи высказывались даже варианты о полном присоединении пригородных районов к городскому округу, что сегодня представляется, конечно, нереалистичным: город в этом случае приобретёт больше проблем, чем возможностей.

Надо отметить, что в советские годы пригородные районы уже переживали значительную реструктуризацию. В 1963 г. был образован Улан-Удэнский сельский район, который включал современные территории Иволгинского и Тарбагатайского районов. Центром же района был Улан-Удэ, но в состав района город при этом не входил. Администрация района находилась в столице республики, и жители пригородных сел могли пользоваться услугами госучреждений, расположенных в городе. В

1985 г. Улан-Удэнский пригородный район все же был упразднен путем деления его на Иволгинский и Тарбагатайский. С этого момента жители местных сел утратили возможность обращаться в госучреждения, расположенные в Улан-Удэ, и вынуждены были начать ездить в более отдаленные административные центры своих районов – Иволгинск и Тарбагатай. Сегодня многие жители пригородных сел, которые ежедневно бывают в Улан-Удэ, зачастую в своих районных центрах (Заиграево, Иволгинск, Тарбагатай) появляются лишь несколько раз в году, когда им нужны какие-либо справки, документы, которые им могут оформить только в районном центре. Сегодня, когда связь большинства пригородных сел с Улан-Удэ еще более укрепились и одновременно ослабла их связь с районными центрами, местные сообщества все чаще озвучивают свое желание стать частью города, отказавшись от «привязки» к пригородным сельским районам. Так, в 2011 г. в с. Сотниково (Иволгинский район), которое является одним из самых крупных по численности населения в пригородной зоне Улан-Удэ, был проведен сельский сход, в ходе которого местные жители однозначно высказались за присоединение к городу¹⁸⁸. При этом само по себе волеизъявление народа не привело в итоге к желаемому объединению, поскольку процедура присоединения предполагала также положительное решение районного совета депутатов, Улан-Удэнского городского совета депутатов и одобрение Народного Хурала (высший законодательный орган республики). В Улан-Удэ решение жителей пригородного села в целом проигнорировали.

В действительности, и внутри городского округа сегодня остается достаточно проблемных районов, в которых лишь в последние 5-10 лет были решены многие насущные вопросы, связанные, как и в пригороде, с водоснабжением, электрификацией домов, освещением улиц, транспортной недоступностью и пр. Многие окраинные районы Улан-Удэ лишь в последние годы получили «городскую инфраструктуру», хорошие дороги

¹⁸⁸ Санжиев, П. Сотниково переезжает в Улан-Удэ / П. Санжиев // Информ Полис. – 2011. – 22 июня.

и т.п. Надо сказать, остается и много нерешенных проблем. В этой связи игнорирование городскими властями проблем пригородов сегодня в целом вполне очевидно: они имеют обязательства перед «законными» горожанами. Это в общем-то понимают и жители самих пригородов.

Будущее улан-удэнских пригородных поселений сегодня во многом зависит уже от самих местных жителей и сельской власти. Практика благоустройства застроенных территорий последних лет не позволяет пока делать однозначных выводов о том, получают ли эти территории (дома, улицы, микрорайоны в целом) привлекательный облик и развитую инфраструктуру или же сохраняют свой непримечательный вид. Учитывая, что основным источником освоения пригородов Улан-Удэ остается село, а главными участниками этого процесса – выходцы из сельской Бурятии, причем с невысоким достатком, скорее всего, процессы благоустройства растянутся во времени. Вероятно также, что после того, как базовые проблемы, связанные с водо- и электроснабжением, обустройством освещения, ремонтом автодорог, с регистрацией участков и жилья будут решены, большинство из созданных в последние годы ДНТ будут постепенно расформированы путем включения их жилых массивов в состав нынешних пригородных поселений. И, значит, местные бюджеты получают дополнительную нагрузку.

Оставаясь на периферии своих сельских районов и не получая ощутимой поддержки со стороны Улан-Удэ, пригородные поселения могли бы рассчитывать на рыночные механизмы. Речь, в частности, идет о мелком и среднем бизнесе, который, как представляется, мог бы помочь преобразить эти территории. Однако и у бизнеса здесь пока небольшие возможности. Он медленно развивается, поскольку местные жители в силу низкой платежеспособности не могут активно поддерживать новые предпринимательские проекты. Капитал и местные инициативы – вот чего не хватает местным сообществам.

Не хватает им и поддержки со стороны Города и Республики. Децентрализация политической власти в России в пореформенный период предполагала, что города и сельские поселения сами смогут эффективно управлять своими территориями.

Практика свидетельствует, увы, что это не совсем так. Сегодня государственное участие в процессе выработки стратегий городского развития вновь актуально. Не теряет актуальности и проблема государственного софинансирования среднесрочных и долгосрочных конкретных проектов по городскому планированию и проектированию. Применительно к случаю Улан-Удэ понятно, какие меры могли бы не просто поспособствовать, но решить многие проблемы периферийных внутригородских территорий и пригородных районов: усиление контроля за распределением земель, участие городских и приглашенных специалистов в проектировании новых городских и пригородных микрорайонов, контроль за их комплексной застройкой, анализ проектов застройки с учетом экономических, логистических, экологических, энергетических и прочих значимых факторов, расширение сети автодорог, ремонт и переоборудование существующих, строительство мостов, развязок и т.п. Однако их реализация оказывается невозможной в силу слабости городского бюджета и отсутствия у Улан-Удэ реальных возможностей встраиваться в какие-либо крупные национальные и международные проекты для решения инфраструктурных, (пере)планировочных и жилищных проблем.

В то время, как Улан-Удэ остается во многих смыслах городом республиканского значения, проблемы пригородных поселений остаются вопросами «местного» значения. Сегодня, как представляется, и город, и республика могли бы разделить ответственность за развитие пригородных территорий. При том, что эти земли и поселения остаются в ведении сельских поселений Иволгинского, Тарбагатайского и Заиграевского районов, от Правительства РБ и Администрации Улан-Удэ также зависит многое. В их силах многое сделать. Одной из мер и основой для совместных действий всех трех сторон могла бы стать работа по созданию **«Стратегии развития пригородной зоны Улан-Удэ»** на кратко-, средне- и долгосрочный период.

Первый шаг на этом пути – создание специальной комиссии из представителей трех заинтересованных сторон (пригород, город, республика). В нее могли бы войти специалисты-эксперты, хорошо знакомые с ситуацией в пригородной зоне

Улан-Удэ: главы пригородных поселений, мэр Улан-Удэ, руководитель администрации и заместители, управляющие отдаленными микрорайонами, представители от министерств и Администрации Правительства, специалисты в области межбюджетных отношений и муниципального права в целом. Кроме специалистов-представителей исполнителей власти к работе этой комиссии могли бы подключиться представители научного и бизнес сообщества.

Второй шаг: всестороннее изучение пригородных поселений. Проведенное нами исследование показало, как мало мы знаем о пригородах Улан-Удэ. И дело не только в ограниченности собираемой статистики. Пригороды Улан-Удэ долгое время не были предметом последовательных научных и специальных исследований. Для того, чтобы получить более-менее полную картину происходящего, необходимы совместные усилия социологов, экономистов, географов, историков, экологов, специалистов в области муниципального права, архитектуры, дизайна и др., встречи с представителями местных государственных учреждений в сфере социального обслуживания, медицины, образования, внутренних дел и т.д.

Третий шаг – публичное обсуждение и уточнение проблем и перспектив развития пригородных поселений членами специальной комиссии с участием инициативных представителей научного сообщества, пригородных поселений, а также СМИ. Определение общих основ стратегии развития пригородной зоны Улан-Удэ на кратко-, средне- и долгосрочный период.

Наконец, четвертый шаг должен быть связан с работой профессиональных проектировочных групп, задача которых будет заключаться в разработке планировочных, проектных решений в области социально-экономического и инфраструктурного развития пригородной зоны Улан-Удэ в соответствии с выработанной стратегией.

Предложенные меры способны вывести проблемы пригородных поселений с местного на республиканский уровень. И это вполне справедливо, поскольку сегодня эти сельские территории приняли на себя колоссальную нагрузку, напрямую связанную с ростом столицы республики – Улан-Удэ. Именно по-

этому обсуждение и реализация этих мер – задача не только местных сообществ, но и Улан-Удэ, в частности. Будущее развитие города многими нитями связано с развитием его пригородной зоны, и отрицать это было бы большой ошибкой.

Заключение

Изначально смысл этой книги виделся мне в том, чтобы дать максимально широкую и при этом достоверную картину развития пригородных поселений Улан-Удэ за последние два с лишним десятилетия. Получилось сделать чуть больше, чем ожидалось, но все же меньше, чем хотелось бы. В действительности, это предметное поле и связанная с ним реальность, требуют дальнейших глубоких и разносторонних исследований, усилий представителей разных дисциплин, сторонников разных подходов. Итоги своей работы мне хотелось бы представить в следующих 15 пунктах, которые содержат основные выводы проведенного исследования без количественных уточнений, которые можно найти в основной части книги.

1. Специфичной особенностью и одним из основных итогов урбанизации Республики Бурятия в советский период стало численное, экономическое и территориальное доминирование Улан-Удэ среди прочих поселений республики. По существу, Улан-Удэ стал главным и в известном смысле «единственным» ее городом, основным ресурсным центром, выделяющимся на фоне остальных поселений. При этом более-менее крупные городские поселения в Бурятии оказались удалены друг от друга настолько, что в постсоветский период между ними и Улан-Удэ не возникли какие-либо агломеративные связи. В результате развернувшиеся в последние два десятилетия процессы субурбанизации (роста пригородных зон) охватили в республике лишь город Улан-Удэ.

2. Современный Улан-Удэ – один из крупных городов Восточной Сибири. Вместе с тем, не самый экономически развитый и развивающийся. По уровню промышленного производства, торговли, научно-техническому потенциалу город относится ко второй или третьей (из трех) группе субъектов в рамках Сибирского федерального округа. В общероссийских миграционных процессах Улан-Удэ в постсоветский период преимущественно отдавал население западносибирским, центрально-европейским и южным регионам страны и в значительно меньшей степени сам принимал переселенцев с Востока России. В отличие от некоторых других крупных городов Сибири и Дальнего Востока (Новосибирска, Красноярска, Владивостока) Улан-Удэ слабо привлекает внутрирегиональных (сибирских и дальневосточных) мигрантов.

3. Увеличение населения Улан-Удэ в постсоветский период в условиях высокого оттока местных жителей в другие российские города оказалось возможным, во многом благодаря тому, что город стал главным центром миграционного притяжения внутриреспубликанских (в основном сельских) мигрантов. Сельчане стабильно прибывали и прибывают в Улан-Удэ, в результате чего, только по официальным данным, в городе Улан-Удэ сегодня проживает около половины всех жителей республики.

4. Активное формирование пригородной зоны Улан-Удэ, тесно связанной с городом, – явление постсоветского времени. В дореволюционный и в советский периоды процессы субурбанизации были незначительными. Территориальный рост Улан-Удэ в дореволюционный период связан с развитием городского посада и двух его основных предместий – Заудинской слободы (за р. Уда) и слободы Поселье (за р. Селенга). Можно ли говорить о них как о пригородных? Пожалуй, нет, поскольку они не имели собственных органов местного самоуправления, не были самостоятельными, находились в подчинении городских властей Верхнеудинска.

5. Видимые изменения в городской морфологии произошли в советский период. К его завершению территория самого Улан-Удэ включала следующие значимые сегменты:

а) центральная часть, расширившаяся за счет включения в нее нагорных территорий (нынешний центр города – площадь Советов);

б) промышленные зоны, возникшие в разных географических точках Улан-Удэ в 1930-1950-е гг. и определившие развитие города в советский период;

в) поселения-заводские спутники – рабочие поселки, возникшие при крупных заводах и предприятиях со смешанной застройкой (много- и малоэтажные, в том числе одноэтажные многоквартирные и отдельные дома);

г) спальные районы – микрорайоны многоэтажного жилого строительства с комплексом социально-бытовой инфраструктуры;

д) слабоурбанизированные поселки – поселения, входящие в состав города, застроенные одноэтажными индивидуальными домами усадебного типа, в том числе частично самовольно;

е) садово-дачные товарищества и кооперативы, массово возникшие в городе и его пригородной зоне с начала 1960-х гг.

В советский период значительно более интенсивное развитие, чем в дореволюционный, получили не только городские, но и пригородные территории Улан-Удэ, не входящие в состав города. Помимо дачных кооперативов на территории смежных со столицей сельских районов Бурятской АССР (Иволгинского, Тарбагатайского, Заиграевского) возникло несколько поселков, сел, небольших заимок и улусов. Все они приобрели главным образом сельскохозяйственное назначение, а местное население работало преимущественно на местных же предприятиях. Таким образом, пригородное положение этих поселений еще не сильно влияло на трудовые практики и образ жизни местного населения.

6. Постсоветский период привнес в территориальное и жилищное развитие Улан-Удэ и его пригородов множество значимых изменений. Упомянем лишь некоторые из них. Во-первых, после легализации права частной собственности была разрешена приватизация земли и расширены права в использовании недвижимого имущества, люди получили большие возможно-

сти в выборе места жительства, покупке жилья и земли. Постепенно в Улан-Удэ, как и во все стране, начал складываться городской рынок земли и недвижимости. Отношения в области городской недвижимости и земли оказались крайне либерализованы. Переходный период был отмечен существенной децентрализацией политической власти от государственного до муниципального уровня управления городом. Местные власти получили реальную возможность управления своей территорией, которой они фактически были лишены в советское время, но потеряли государственные субсидии и средства, которые в советское время крупные промышленные предприятия выделяли на благоустройство подведомственных им городских территорий (рабочих поселков, дач и т.п.). Это существенным образом повлияло на возможности городской администрации решать проблемы внутригородских районов, вопросы жилищного строительства, обслуживания и ремонта городского жилья. В условиях перманентного дефицита бюджетных средств в переходный период продажа городских земель стала привлекательным вариантом дохода. То же касается и пригородных поселений.

Перечисленные особенности «переходного периода» внесли существенные коррективы в территориальное и жилищное развитие Улан-Удэ и его пригородной зоны. Обозначим некоторые из них.

Во-первых, в городе небывалые масштабы приобрело одноэтажное деревянное жилое строительство, главным образом, на городских окраинах. В итоге сегодня значительная по площади территория города уже не может обеспечить неослабевающий спрос на земельные участки для индивидуального жилищного строительства. По обозначенным выше причинам в постсоветский период в Улан-Удэ получило развитие самовольное строительство, достигшее таких размеров, что спровоцировало волну общественных и политических дебатов («борьбу с самоволками») в середине 2000-х гг. Масштабы улан-удэнских скваттерских поселений превзошли масштабы этого явления в европейской части страны. Этому «поспособствовала» долгое время применявшаяся практика легализации самовольного строи-

тельства уже после его завершения без серьезного административного наказания.

Второе направление территориального и жилищного развития города в постсоветский период – массовое переобустройство советских дач, не приспособленных к круглогодичному проживанию, в капитальные жилые сооружения с надворными постройками (прежде всего, баней и гаражом).

Третье направление – рост числа микрорайонов коттеджей и таунхаусов, в том числе застраиваемых организованно и массово, с участием крупных строительных организаций и инвестиций (это направление в городе только начинает развиваться).

Наконец, четвертое направление, уже более конкретно связанное с процессами субурбанизации, – активный рост (разрасстание) поселков и деревень в пригородной зоне столицы республики (в Иволгинском, Заиграевском и Тарбагатайском районах Бурятии). Все они в советский период являлись «пригородами» исключительно географически (располагаясь на физических границах городского округа). Начиная с 1990-х гг., а в особенности в 2000-е гг. ситуацию меняет рост миграционной привлекательности этих территорий, в результате которого происходит существенное обновление местных сообществ, а также выстраивается их социальная (связанная, прежде всего, с профессиональной занятостью) ориентация на город, что позволяет говорить о рассматриваемых поселениях как о «пригородных» уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле.

7. В среде мигрантов постсоветской волны, осевших в пригородных поселениях Улан-Удэ, выделяются две группы: выходцы из сельской Бурятии, перебравшиеся к городу в 1990-2000-е гг. и сами горожане (более подробно о количественных характеристиках населения по происхождению, национальному, возрастному, образовательному и пр. критериям см. в Главе 2). В количественном отношении в рассмотренных нами случаях доминировали сельские мигранты среднего возраста с доходами среднего и ниже среднего уровня. В этой связи можно сказать, что основным источником освоения пригородных территорий постсоветского Улан-Удэ стала именно сельская Бурятия, а не

сам город, а главными участниками субурбанизации – сельские мигранты. Это отличает Улан-Удэ от многих городов европейской части страны, в которых пригороды в постсоветский период формировались главным образом самими городами (горожанами). По известной классификации канадского урбаниста Ричарда Харриса, которую мы рассмотрели во Введении, пригороды Улан-Удэ могут быть отнесены к типу пригородов, формирующихся не изнутри (из города), а извне (из внегородских территорий). По его же классификации, улан-удэнские пригороды для большинства новых переселенцев, как показало исследование, стали местом вынужденного переселения (из-за финансовых барьеров), нежели актом свободного (желаемого) выбора. Случай Улан-Удэ в этом смысле выпадает из «классической» западной парадигмы, которая подразумевает как раз таки обратное.

8. Отношения новых переселенцев с «коренными» местными жителями в улан-удэнских пригородах складываются в подавляющем большинстве случаев без каких-либо серьезных проблем. Это происходит потому, что мигранты (в основном сельчане и улан-удэнцы) не вызывают у «коренных» жителей какого-либо интереса, поскольку ведут достаточно типичный для местных поселений образ жизни, имеют сопоставимые доходы, в целом не конкурируют с местным населением на сельском рынке труда и т.п. На это влияет и традиционно высокий уровень культурной толерантности в Бурятии и пригородное положение поселений, подталкивающее местных жителей более лояльно относиться к приезжим. Отметим, что пригороды Улан-Удэ в изучаемый период не привлекли иностранных трудовых мигрантов. В ходе исследования не были обнаружены какие-либо существенные тенденции к образованию здесь кварталов, заселенных представителями иностранных диаспор. Это выделяет случай Улан-Удэ из панорамы, допустим, западноевропейских и североамериканских городов, в которых пригороды в последние несколько десятилетий стали местом «встречи» местных и мигрантов из развивающихся стран, что значительно изменило облик этих территорий и социальную ситуацию внутри данных сообществ. Массовый исход сельских жителей в

столичные города роднит Улан-Удэ, скорее, с другими городами стран СНГ, например, с Астаной, Бишкеком, а также, допустим, с соседним Улан-Батором, о чем мы уже говорили во Введении.

9. Взаимоотношения (в том числе соседские) среди новых переселенцев пригородов сегодня сложно назвать интенсивными, поскольку уровень их контактов остается низким. Значимым основанием для выстраивания и поддержания групповых идентичностей, формирующих пригородные сообщества, являются пока лишь общие социально-бытовые проблемы, проблемы инфраструктуры и благоустройства, которые решаются в ходе общих собраний, в том числе за счет организации дачных товариществ.

10. С точки зрения формирующего архитектурного ландшафта застройки, ситуация по всем поселениям в общем одинакова: большинство из жилищных новостроек (в том числе дворовые постройки) выполнены из дерева, сохраняют утилитарный «деревенский» стиль без каких-либо архитектурных изысков. Вместе с тем, новые дома, которые активно строят мигранты, в подавляющем большинстве случаев не имеют характер «временного жилья», построены они основательно, обеспечивают уровень комфорта, сопоставимый с жильем в сельской местности. Несмотря на то, что рассматриваемые пригородные села в последние 10-15 лет стали пригородными уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле, более глубоко обозначилась их связь с городом, увеличилось их население, а сами они расширились, сегодня они в целом сохранили вид достаточно типичных слабоурбанизированных сельских поселений. Здесь слабо развита социально-бытовая инфраструктура, инфраструктура отдыха и развлечений, внутрипоселковые дороги требуют серьезного ремонта. При том, что рассматриваемые нами поселения уже не один год считают «пригородом», они по-прежнему не лишены многих хронических проблем с водоснабжением и т.п. При расширяющемся количестве частного автотранспорта, они сохраняют высокую зависимость от общественного автотранспорта. Пригородные поселения Улан-Удэ пока не обеспечивают местных жителей

комфортными условиями, сопоставимыми с теми, что существуют, например, в благоустроенных районах города. Во многом именно поэтому переезд в пригород для многих горожан и в чуть меньшей степени для сельчан, до сих пор остается во многом вынужденной, а не привлекательной стратегией. Важным признаком трансформации рассматриваемых сел в «пригород», на наш взгляд, является лишь сформированная за прошедшие двадцать лет ориентация рассматриваемых сообществ на городской рынок труда.

11. Надо признать, что главной причиной, по которой пригороды Улан-Удэ не получили пока развитой инфраструктуры и «городского» облика, является то, что основным источником освоения этих территорий в постсоветский период стал не сам город и успешные горожане, а сельская Бурятия – сельские мигранты. И это были и есть люди со средним доходом и доходом ниже среднего уровня. Финансовая слабость семей переселенцев не позволила им, во-первых, во всех случаях законно выкупить свои земельные участки, тем самым дав возможность муниципальным властям изначально позаботиться о первичной инфраструктуре (электросетях, водоснабжении, дорогах, территориях для строительства общественных объектов). Во-вторых, невысокие и нестабильные доходы новых жителей пригородов напрямую отразились на характере жилой архитектуры и особенностях застройки участков, в результате чего новые микрорайоны пригородных поселений получили в целом однообразный неприглядный облик «деревянных коробок с типовыми деревянными домами». С эстетической точки зрения, новые пригороды Улан-Удэ, очевидно, вызывают много вопросов. Дома, приусадебные участки, ограждения в подавляющем большинстве пока не получили сколько-нибудь законченного оформления, практически отсутствует практика озеленения придомовых территорий: на улицах нет ни деревьев, ни кустов, у домов не разбивают палисадники с цветами, как это, допустим, принято во многих поселениях сельской Бурятии.

12. С массовым наплывом новых жителей в пригородных поселениях Улан-Удэ возникло множество инфраструктурных и бытовых проблем, которые с разной степенью успешности были

решены к настоящему времени. Среди наиболее важных из них следует отметить следующие: проблемы электрификации и водоснабжения, транспортной доступности, дошкольного и школьного образования, медицинского обслуживания, социально-бытового благоустройства. В ходе анкетного опроса населения респонденты высказали относительно высокий уровень неудовлетворенности по большинству этих проблем, за исключением электроснабжения.

13. В то время, как Улан-Удэ остается во многих смыслах городом республиканского значения, проблемы пригородных поселений остаются вопросами «местного» значения. Сегодня, как представляется, и город, и республика могли бы разделить ответственность за развитие пригородных территорий (см. параграф 2.3). Надо сказать, вопросы, связанные с активным заселением пригородных поселений Улан-Удэ вплоть до конца 2000-х гг. практически не включались в республиканскую или городскую повестку дня и сегодня попадают в нее эпизодически. Сами местные жители, как коренные, так и приезжие, хорошо понимают, что благоустройство их поселений в значительной степени зависит от них самих, поскольку в администрациях сельских поселений (в виду слабости местных бюджетов) на это выделяются небольшие средства.

14. Оставаясь на периферии своих сельских районов и не получая ощутимой поддержки со стороны Улан-Удэ и республики в решении социально-экономических и инфраструктурно-бытовых вопросов, пригородные поселения могли бы рассчитывать на рыночные механизмы. Речь, в частности, идет о мелком и среднем бизнесе, который, как представляется, мог бы помочь преобразить эти территории. Однако и у бизнеса здесь пока небольшие возможности. Он медленно развивается, поскольку местные жители в силу низкой платежеспособности не могут активно поддержать новые предпринимательские проекты. Люди нацелены главным образом на Улан-Удэ, на городской рынок труда и потребления. Поэтому пригороды пока не получают автономности и самодостаточности. Они остаются монофункциональными, их главное предназначение – быть спальными районами.

15. Зарубежные исторические и географические исследования пригородов дают нам основания утверждать, что развитие пригородной зоны Улан-Удэ имеет много общего с мировой практикой. Так, в современных странах Глобального Юга, как и в европейских и американских городах более ста лет назад, многие пригородные территории разрастаются за счет миграции населения из сельской местности. Урбанизация долгое время зависела от миграций, иногда в массовом масштабе, что, как известно, было характерно и для Советского Союза. Массовое переселение сельчан в города основано во многом на вполне универсальной вере в то, что города предлагают лучшие экономические перспективы: развитый рынок труда, лучшие возможности для потребления. Но городской жилые, как правило, слишком дорого для сельчан и ограничено в количестве. Многие сельские мигранты в итоге селятся на окраинах, как это происходило в фавелах и скваттерских поселениях Латинской Америки в 1960-х и 1970-х гг.¹⁸⁹, как это происходит в пригородных окраинах современных африканских городов¹⁹⁰, в мигрантских анклавах пригородных деревень в Китае и Юго-Восточной Азии¹⁹¹. Не надо забывать, что массовая сельско-

¹⁸⁹ См., например: *Losada H., Martinez J., Vieyra J., Peeling R., Zavala R., Cortes J.* Urban Agriculture in the Metropolitan Zone of Mexico City. Changes over Time in Urban, Suburban and Peri-urban Areas // *Environment and Urbanization*. – 1998. – № 10(2). – P. 37-54; *Mangin, W.* Latin American Squatter Settlements. A Problem and a Solution / W. Mangin // *Latin American Research Review*. – 1967. – № 2(3). – P. 65-98; *Rogler, L.* Slums Neighborhoods in Latin America / L. Rogler // *Journal of Inter-American Studies*. – 1967. – № 9. – P. 507-528.

¹⁹⁰ См., например: *Simon, D.* Urban Environments. Issues on the Peri-urban Fringe / D. Simon // *Annual Review of Environment and Resources*. – 2008. – № 33. – P. 167-185; *Simon D., McGregor D., Nsiah-Gyabaah K.* The Changing Rural-urban Interface of African Cities. Definitional Issues and an Application to Kumasi, Ghana // *Environment and Urbanisation*. – 2004. – № 6(2). – P. 235-247.

¹⁹¹ *Browder J., Bohland J., Scarpacci J.* Patterns of Development on the Metropolitan Fringe: Urban Fringe Expansion in Bangkok, Jakarta and Santiago // *Journal of the American Planning Association*. – 1995. – №

городская миграция и связанное с ней самовольное строительство были знакомы городам Европы и Северной Америки XIX в.¹⁹² В то же время, современные исследования показывают, как после замедления темпов сельско-городской миграции изменились многие латиноамериканские скваттерские поселения, превратившиеся в районы элитного жилья для среднего класса¹⁹³. Схожие изменения происходят в других частях мира: в странах Южной Африки¹⁹⁴, в Индии¹⁹⁵, на Юге Европы¹⁹⁶, Ближнем Востоке¹⁹⁷.

6(3). – P. 310-327; *Ginsberg N., Koppel B., McGee T.* The Extended Metropolis. Settlement Transition in Asia. – Honolulu, HI: Hawaii University Press, 1991. – 367 p.; *Wu, W.* Migrant Residential Distribution and Metropolitan Spatial Development in Shanghai / *W. Wu* // *Restructuring the Chinese City. Changing Society, Economy and Space* / ed. by L. J. C. Ma & F. Wu. – London: Routledge, 2005. – P. 222-242; *Wu, W.* Migrant intra-Urban Residential Mobility in Urban China / *W. Wu* // *Housing Studies*. – 2006 – № 21(5). – P. 745-765.

¹⁹² См., например: *Neuwirth, R.* Shadow Cities. A Billion Squatters. A New World / *R. Neuwirth*. – New York: Routledge, 2005. – P. 177-204.

¹⁹³ См., например: *Caldeira, T.P.R.* City of walls. Crime, Segregation and Citizenship in Sao Paulo / *T.P.R. Caldeira*. – Berkeley. CA: University of California Press, 2000. – 487 p.; *Ford, L.* A New and Improved Model of Latin American city Structure / *L. Ford* // *Geographical Review*. – 1996. – № 86(3). – P. 437-440; *Janoschka M., Borsdorf A.* Condominios Fechados and Barrios Privados: The Rise of Private Residential neighbourhoods in Latin America / *M. Janoschka, A. Borsdorf* // *Private cities. Global and Local Perspectives* / ed. by G. Glasze, C. Webster, K. Frantz. – London: Routledge, 2006. – P. 92-108.

¹⁹⁴ См., например: *Jurgens. U., Landman. K.* Gated Communities in South Africa / *U. Jurgens, K. Landman* // *Private Cities. Global and Local Perspectives* / ed. by G. Glasze, C. Webster, K. Frantz. – London: Routledge, 2006. – P. 109-126; *Murray, M.J.* Taming the Apartheid City. The Spatial Landscape of Johannesburg after Apartheid Ithaca / *M.J. Murray*. – New York: Cornell University Press, 2008. – 261 p.

¹⁹⁵ См., например: *Benjamin S., Bhuvanewari R., Rajan P., Manjunath R.* “Fractured” Terrain, Spaces Left Over, or Contested. A Closer Look at the IT-dominated Territories in East and South Bangalore // *Inside the Transforming Urban Asia* / ed. by D. Mahadevia. – New Delhi: Concept Publishing, 2008. – P. 239 285; *Sridhar, K.S.* Density Gradients and their De-

Пригородные поселения Улан-Удэ возникли в общем-то по распространенной во всем мире схеме. Все началось с разработки отдельных участков вокруг пригородных деревень, которые постепенно, по мере увеличения частного автотранспорта, стали расширяться, достигнув современных размеров. Их физическое развитие – застройка, прошло на наших глазах в последние 5-10 лет и оно, скорее всего, продолжится в активном режиме еще какое-то время. Сегодня сложно судить о том, насколько массовое строительство последних лет решило проблему земельного голода. И сколько еще семей готовы будут в ближайшем будущем отправиться на освоение улан-удэнских пригородов? Очевидно, что поток новых жителей не иссякнет в ближайшие годы. Он будет пополняться как минимум все теми же семьями из сельской Бурятии, теми сельчанам, которые уже какое-то время живут в самом Улан-Удэ, а также за счет воспроизводства и расширения семей в самих пригородных поселениях. Основная интрига современной ситуации заключается лишь в том, произойдут ли в пригородах Улан-Удэ качественные изменения? Преодолеют ли они порочный круг экстенсивного развития? Встанут ли на путь качественного развития? Это покажет будущее этих территорий, в котором сегодня больше важных вопросов, нежели простых ответов.

terminants. Evidence from India / K.S. Sridhar // *Regional Science and Urban Economics*. – 2007. – № 37(3). – P. 314-344.

¹⁹⁶ См., например: *Leontidou L., Afouxenides A., Kourlioros E., Mar-maras E. Infrastructure Related Urban Sprawl. Mega-events and Hybrid Peri-urban Landscapes in Southern Europe // Urban Sprawl in Europe. Landscapes, Land-use Change and Policy / ed. by C. Couch. L. Leontidou, G. Petschel-Held. – Oxford: Blackwell, 2007. – P. 71-101.*

¹⁹⁷ См., например, исследование, посвященное изменениям к Каире: *Dennis, E. Cairo Between Traces and Liberal Re-foundation / E. Dennis // The City in the Islamic World / ed. by S.K. Jayyusi. – Leiden: Brill, 2008. – P. 1085-1115.*

Библиографический список

Алексеева, М.С. Сельско-городская миграция и проблема самовольных поселений в постсоветской Бурятии: социально-экологический подход [Текст] / М.С. Алексеева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010. – № 4. – С. 128-139.

Алексеев, А.Н. Внутренние миграции в Казахстане и формирование «нового» городского пространства [Текст] / А.Н. Алексеев // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Алексеев [и др.]; науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2011. – С. 188-193.

Алешковский, И.А. Внутренняя миграция в современной России: тенденции, детерминанты, политика [Текст] / И.А. Алешковский. – М.: ТЕИС, 2007. – 112 с.

Амоголонова, Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики [Текст] / Д.Д. Амоголонова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. – 292 с.

Афанасьева, И.П. Особенности социально-демографических процессов в городском населении Бурятии в 60-80-е гг. XX в.: Исторический аспект [Текст]: дис... к.и.н: 07.00.02 / И.П. Афанасьева; [Место защиты: Бурят. гос. ун-т] – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – 162 с.

Бабулин, В.Л. Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития [Текст] / В.Л. Бабулин [и др.]. – Смоленск: Ойкумена, 2003. – 184 с.

Бадараев, Д.Д. Социальные последствия миграционных потоков из сельской местности в города [Текст] / Д.Д. Бадараев // Eurasia: Statum et Legem. – 2014. – № 1. – С. 75-82.

Батбаяр, Т. Внутренняя миграция: нынешнее положение и возникшие проблемы (на примере Улан-Батора 1990-2008 гг.) [Текст] / Т. Батбаяр, Н. Галиймаа // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике: сб. науч. статей. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 223-231.

Балдано, М.Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923-1991 гг.): достижения, издержки, уроки [Текст] / М.Н. Балдано. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2001. – 431 с.

Балдано, М.Н. Город в Байкальской Азии: индустриализация и урбанизация [Текст] / М.Н. Балдано // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: сб. науч. трудов / отв. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск, 2006. – С. 164-179.

Балдано, М.Н. Особенности социалистической индустриализации: региональный аспект [Текст] / М.Н. Балдано // Байкальский регион в переломные периоды истории (XIX – XX вв.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – С. 26-35.

Балдано, М.Н. Бурятия: особенности социалистической индустриализации [Текст] / М.Н. Балдано // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – С. 150-156.

Белов, А.В. Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XIX - начале XX века: город и процессы урбанизации сельских окраин [Текст] / А. В. Белов. – Москва: Папирус Про, 2005. – 182 с.

Белов, А.В. Интеграция пригородных поселений в урбанистическую структуру Москвы во второй половине XIX - начале XX века [Текст]: дис. ... к.и.н.: 07.00.02 / А.В. Белов; [место защиты: Моск. пед. ун-т.]. – М., 2000. – 204 с.

Бильтрикова, А.В. Проблема бедности сельского населения Республики Бурятия [Текст] / А.В. Бильтрикова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 9(17). – Режим доступа:

<http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/no9.html>. – Последнее посещение: 24.06.2014.

Браде, И. Особенности субурбанизации в московской агломерации в постсоветский период [Текст] / И. Браде [и др.] // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2013. – № 2. – С. 19-29.

Бреславский, А.С. Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ [Текст] / А.С. Бреславский // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 132-155.

Бреславский, А.С. Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ [Текст] / А.С. Бреславский // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX-XX и XX-XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 447-463.

Бреславский, А.С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991-2011 гг.) [Текст] / А.С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 156 с.

Бреславский, А.С. Субурбанизация в постсоветской Бурятии и особенности внутренних миграционных потоков [Текст] / А.С. Бреславский // Ойкумена. – 2013. – № 3. – С. 68-75.

Бубаева, Т.Ю. Тенденции развития региональных систем расселения (на примере Республики Бурятия) [Текст] / Т.Ю. Бубаева // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 5. – Режим доступа: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=16809>. – Последнее посещение: 24.06.2014.

Будаева, Ц.Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен [Текст] / Ц.Б. Будаева // Бурятия. – 2002. – 01 нояб. – С. 4.

Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период) [Текст] / Т.Д. Скрынникова, С.Д. Батомункуев, П.К. Варнавский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 215 с.

Бюраева, Ю.Г. Социально-трудовой потенциал сельских территорий Республики Бурятия [Текст] / Ю.Г. Бюраева // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2011. – № 1. – С. 64–70.

Вагин, В.В. Российские города: новые подходы к изучению. Вместо предисловия [Текст] / В.В. Вагин // Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. В.В. Вагин; Сер. "Научные доклады". – Вып. 116. – М.: МОНФ, 2000. – С. 4-12.

Варнавский, П.К. Современная дача как социокультурный феномен городской повседневности (на примере Улан-Удэ) [Текст] / П.К. Варнавский // Город и село в условиях глобализации (на примере Республики Бурятия): мат-лы межд. сем. / отв. ред. Ю.В. Попков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 44-48.

Возвращенные имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России [Текст] / А. Макарычев [и др.] – Нижний Новгород: IREX и Профессионалы за сотрудничество, 2004. – 116 с.

Галданов, С. Город без горожан [Текст] / С. Галданов // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты: альманах-исследование / отв. ред. М.Я. Рожанский. – Иркутск, 2002. – С. 58-59.

Григоричев, К.В. От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в последней трети XX - начале XXI в. [Текст] / К.В. Григоричев // Известия Иркутского государственного университета. Серия: политология, религиоведение. – 2012. – №. 2-2. – С. 44-51.

Григоричев, К.В. Таджики, нерусские, гастарбайтеры и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска [Текст] / К.В. Григоричев // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 4. – С. 14-31.

Григоричев, К.В. Пригородный фронт: формирование социального пространства городской периферии (случай Иркутска) [Текст] / К.В. Григоричев // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2013. – № 2 (29). – С. 275-280.

Григоричев, К.В. Трансформация экономического поля пригорода Иркутска [Текст] / К.В. Григоричев // Идеи и идеалы. – 2013. – № 4. – С. 51-61.

Григоричев, К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода [Текст]: монография / К.В. Григоричев. – Иркутск: Отгиск, 2013 – 248 с.

Гунтыпова, Э.С. Миграционные процессы в Республике Бурятия на современном этапе: По материалам исследования студентов и молодых специалистов [Текст]: диссертация ... к.соц.н.: 22.00.04 / Э.С. Гунтыпова; [место защиты: Бурят. гос. ун-т]. – Улан-Удэ, 2005. – 151 с.

Гунтыпова, Э.С. Миграция молодежи в Республике Бурятия (историко-социологические аспекты [Текст] / Э.С. Гунтыпова. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2010. – 124 с.

Гунтыпова, Э.С. Миграция и высшее образование (по результатам опроса в Бурятской сельхозакадемии) [Текст] / Э.С. Гунтыпова, Р.А. Шулунова // Вестник Евразии. – 2006. – № 2 (32). – С. 47-61.

Гурьянов, В.К. Верхнеудинск XVII - начала XX века: Улицы, городские усадьбы и их обитатели [Текст] / В. К. Гурьянов, М. В. Гурьянов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 223 с.

Дармаханова, О.П. Особенности формирования населения Западного Забайкалья [Текст] / О.П. Дармаханова // Философия и история культуры: национальный аспект. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1992. – С. 47.

Дегтярев, Д.С. Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX - начале XX вв., их типы и функции [Текст] / Д.С. Дегтярев // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2012. – № 1. – С. 100-107.

Дегтярев, Д.С. Модернизация городского пространства Томска во второй половине XIX - начале XX в. [Текст] / Д.С. Дегтярев // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 4(80). – С. 147-150.

Дондуков, Ц.Ц. Улан-Удэ – столица Советской Бурятии: историко-краеведческий очерк [Текст] / Ц.Ц. Дондуков. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. – 132 с.

Жалсанова, В.Г. Ресурсы социальной мобильности сельского бурятского населения в постсоветский период (на материалах Республики Бурятия) [Текст] / В.Г. Жалсанова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 8. – С. 63-65.

Жалсанова, В.Г. Социально-демографические процессы в Республике Бурятия [Текст] / В.Г. Жалсанова // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). – 2013. – № 9(29), Режим доступа: http://journals.org/index.php/sisp/article/view/920132/pdf_235. – Последнее посещение: 24.06.2014.

История Бурятии [Текст]: в трех томах. – Т.2.: XVII – начало XX в. / Учреждение Рос. Академии наук; отв. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 2011. – 624 с.

История Бурятии. [Текст]: в трех томах. – Т.3: XX-XXI вв. / Учреждение Рос. Академии наук; отв. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 464 с.

История Улан-Удэ [Текст]/ Бреславский А.С., Евдокимова С.В., Номогоева В.В. [и др.] / отв. ред. Г.А. Айдаев, С.М. Тучков, Т.М. Нагулаева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – 160 с.

Итыгилова, Л.М. Миграционные настроения молодежи Бурятии: выпускники вузов и «репатриантов» [Текст] / Л.М. Итыгилова // Город и село в условиях глобализации (на примере Республики Бурятия): мат-лы межд. сем. / отв. ред. Ю.В. Попков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 94-101.

Карбаинов, Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город [Текст] / Н.И. Карбаинов // Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов / Давыдов В.Н. [и др.]. – Хабаровск: Хабар. науч. центр ДВО РАН, 2006. – С. 129-154.

Карбаинов, Н.И. «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли [Текст] / Н.И. Карбаинов // Социс. – 2007. – № 11. – С. 136-139.

Ким, Н.В. Очерки истории Улан-Удэ (XVII - начало XX) [Текст] / Н.В. Ким. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. – 114 с.

Козулин, А.В. Миграционные процессы в Бурятии на современном этапе: основные тенденции и пути регулирования [Текст] / А.В. Козулин // Город и село в условиях глобализации

(на примере республики Бурятия): мат-лы межд. сем. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 80-91.

Ловелл, С. Дачники: История летнего жилья в России: 1710—2000 [Текст] / С. Ловелл; пер. с англ. Л. Семёновой. – СПб.: Академический проект; ДНК, 2008. – 348 с.

Малинова-Тзиафета, О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860—1914) [Текст] / О.Ю. Малинова-Тзиафета. – СПб.: ЕУСПб, 2013. – 336 с.

Мангатаева, Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития / Д.Д. Мангатаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 131 с.

Медведева, Л.Н. Пригородная зона как одна из форм социально-экономического и территориального расселения горожан: актуальность и значение [Текст] / Л.Н. Медведева // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2011. – Т. 150. – С. 139-148.

Минерт, Л.К. Архитектура Улан-Удэ [Текст] / Л.К. Минерт. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – 248 с.

Митупов, К.Б.-М. Молодежные группы Улан-Удэ во второй половине XX века: истоки и причины активизации взаимодействия, смена функций, криминализация отношений [Текст] / К.Б.-М. Митупов // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии: мат-лы межд. сем.-совещ. / Митупов К.Б.-М. [и др.] – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. – С. 94-105.

Михеева, З.А. Субурбанизация как инструмент решения жилищной проблемы Санкт-Петербурга и Ленинградской области [Текст]: автореф. дис... к.г.н.: 25.00.24 / З.А. Михеева; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. – СПб.: СПбГУ, 2012. – 16 с.

Мкртчян, Н.В. Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее [Текст] / Н.В. Мкртчян // Россия перед лицом демографических вызовов. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации – 2008. – М.: UNDP, 2009. – С. 80-96.

Мкртчян, Н.В. Внутренняя миграция в России [Текст] / Н.В. Мкртчян // Миграция в России 2000-2012. Хрестоматия в 3 то-

мах / сост.: Н.В. Мкртчян, Е.В. Тюрюканова; отв. ред.: Ж.А. Зайончковская. – Т. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. – М.: Спецкнига, 2013. – С. 589-601.

Москалинский, А.А. Древние псковские пригороды: история и современность (по результатам историко-краеведческой экспедиции 2010 г.) [Текст] / А.А. Москалинский // Псковский регионологический журнал. – 2011. – № 11. – С. 144-148.

Муравьев, А.А. Перспективы развития города Ульяновска в процессе перехода от урбанизации к субурбанизации [Текст] / А.А. Муравьев, С.Б. Позмогова // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2012. – № 3 (59). – С. 56-59.

Натаев, П.Л. Улан-Удэ: краеведческий очерк [Текст] / П.Л. Натаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Нефедова, Н.Г. Российские пригороды. Горожане в сельской местности [Текст] / Н.Г. Нефедова // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен (Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского). – М.: ОГИ, 2001. – С. 374-399.

Нефедова, Т.Г. Российская глубинка глазами ее обитателей [Текст] / Н.Г. Нефедова // Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. – С. 98-120.

Нефедова, Т.Г. Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры» [Текст] / Т.Г. Нефедова // Экономическая наука современной России. – 2009. – № 1. – С. 62-77.

Нефедова, Т.Г. Российские дачи как социальный феномен [Текст] / Н.Г. Нефедова // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. – Осень-зима 2011. – № 15. – С. 161-173.

Нефедова, Т.Г. Горожане и дачи [Текст] / Н.Г. Нефедова // Отечественные записки. – 2012. – № 3(48). – С. 204-216.

Нефедова, Т.Г. Второе загородное жилье горожан в России и Украине: эволюция дач и тренды их современных изменений [Текст] / Т.Г. Нефедова, Савчук И.Г. // Известия РАН. Серия географическая. – 2014. – № 4. – С. 39-48.

Паликова, Т.В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное разви-

тие) [Текст] / Т.В. Паликова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – 310 с.

Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества [Текст] / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. – Иркутск: Оттиск, 2013. – 624 с.

Петонов, В.К. Миграционные процессы и миграционная политика в Республике Бурятия: 1960-1990-е гг. [Текст]: дисс. ... к.и.н.: 07.00.02 / В.К. Петонов; [Место защиты: ИМБТ СО РАН]. – Улан-Удэ, 2008. – 217 с.

Петракова, Ю.Н. Миграция в Беларуси [Текст] // Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси / отв. ред.: Палади Г.А., Шахотько Л.П., Гагауз О.Е. – Кишинев: Штиинца, 2010. – С. 246-270.

Петри, О.В. Пригородные закрытые жилые комплексы Санкт-Петербурга: начало сегрегации или смена образа жизни? [Текст] / О.В. Петри, К.Э. Аксенов, С.А. Крутиков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7: Геология, география. – 2012. – № 1. – С. 86-98.

Петрова, Е.В. Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири [Текст] / Е.В. Петрова. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2009. – 332 с.

Рандалов, Ю.Б. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия) [Текст] / Ю.Б. Рандалов, Б.В. Хараев, П.А. Чукреев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 115 с.

Серебрякова, Р.А. Улан-Удэ. Путеводитель [Текст] / Р.А. Серебрякова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. – 146 с.

Симагин, Ю.А. Экономико-географические аспекты субурбанизации в Московском столичном регионе [Текст]: дисс. ... к.г.н.: 11.00.02 / Ю.А. Симагин; [Место защиты: МГУ]. – М: МГУ, 1997. – 177 с.

Содномпилова, М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства [Текст] / М.М. Содномпилова // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 163-184.

Тиваненко, А.В. Удинский острог: первое столетие Улан-Удэ [Текст] / А.В. Тиваненко. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 121 с.

Трейвиш, А.И. “Дачеведение” как наука о втором доме на Западе и в России [Текст] / А.И. Трейвиш // Известия РАН. Серия географическая. – 2014. – № 4. – С. 22-32.

Трубина, Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства [Текст] / Е.Г. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.

Улан-Удэ: история и современность [Текст] / сост. А.Б. Иметхенов, Е.М. Егоров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 480 с.

Улан-Удэ – 300 лет (1666-1966) [Текст] / сост.: О.З. Измайлова, Б.В. Семичов, Л.Е. Элиасов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. – 40 с.

Цибульский, В.Р. Пригородная экономика [Текст] / В.Р. Цибульский, Е.В. Мухамедшина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 29. – С. 52-63.

Шахеров, В.П. Экономика Сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) [Текст] / В.П. Шахеров. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. – 256 с.

Щепеткова, И.О. Дача: пригородная рекреация или физический труд... [Текст] / О.И. Щепеткова // Географический вестник. – 2013. – № 3(26). – С. 104-106.

Шибаета, М.А. Определение экономически выгодной удаленности приобретаемого в пригороде жилья [Текст] / М.А. Шибаета // Предпринимательство. – 2008. – № 6. – С. 151-154.

Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности [Текст] / В.А. Ядов. – 3-е изд., испр. – М.: Омега-Л, 2007. – 567 с.

Работы на английском языке

Benjamin, S. “Fractured” Terrain, Spaces Left over, or Contested. A Closer Look at the IT-dominated Territories in East and South Bangalore [Text] / S. Benjamin, R. Bhuvaneshwari, P. Rajan, R.

Manjunath // Inside the Transforming Urban Asia / ed. by D. Mahadevia. – New Delhi: Concept Publishing, 2008. – P. 239-285.

Bray, I. Social Space and Governance in Urban China. The Danwei System from Origins to Urban Reform [Text] / I. Bray. – Stanford. CA: Stanford University Press. – 2005. – 296 p.

Breslavsky, A.S. Post-Soviet Ulan-Ude: Content and Meaning of a New Urban Idea [Text] / A.S. Breslavsky // Inner Asia. – 2012. – Vol. 14. № 2. – P. 299-317.

Browder, J. Patterns of Development on the Metropolitan Fringe: Urban Fringe Expansion in Bangkok, Jakarta and Santiago [Text] / J. Browder, J. Bohland, J. Scarpacci // Journal of the American Planning Association. – 1995. – № 6(3). – P. 310-327.

Carr, C.M.H. Twentieth-Century Suburbs: a Morphological Approach (Planning, History and Environment Series) [Text] / C.M.H. Carr, J.W.R. Whitehand. – London: Routledge, 2001. – P. 1-17.

Caldeira, T.P.R. City of Walls. Crime, Segregation and Citizenship in Sao Paulo / T.P.R. Caldeira. – Berkeley. CA: University of California Press, 2000. – 487 p.

Caldwell, M.L. Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside [Text] / M.L. Caldwell. – Berkeley. L.A.: University of California Press, 2011. – 201 p.

Clapson, M. Introduction: Suburbanization in Global Society [Text] / M. Clapson, R. Hutchison // Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society. – 2010. – Vol. 10. – P.1-14.

Dennis, E. Cairo between Traces and Liberal Re-foundation [Text] / E. Dennis // The City in the Islamic World / ed. by S.K. Jayyusi. – Leiden: Brill, 2008. – P. 1085-1115.

Davis, M. Planet of Slums [Text] / M. Davis. – London: Verso, 2006. – 228 p.

Duany, A. Suburban Nation: The Rise of Sprawl and the Decline of the American Dream [Text] / A. Duany, E. Plater-Zyberk, J. Speck. – New York: North Point Press, 2000. – 290 p.

Feng, J. Suburbanisation and the Changes of Urban Internal Spatial Structure in Hangzhou, China [Text] / J. Feng, Y. Zhou // Urban Geography. – 2005. – № 26(2). – P. 107-136.

Feng, J. New Trends of Suburbanization in Beijing since 1990. From Government-led to Market-oriented [Text] / J. Feng, Y. Zhou, F. Wu // Regional Studies. – 2008. – № 42(1). – P. 83-99.

Fishman, R. Bourgeois Utopias: The Rise and Fall of Suburbia [Text] / R. Fishman. – New York: Basic Books, 1987. – 241 p.

Ford, L. A New and Improved Model of Latin American City Structure [Text] / L. Ford // Geographical Review. – 1996. – № 86(3). – P. 437-440.

Ginsberg, N. The Extended Metropolis. Settlement Transition in Asia [Text] / N. Ginsberg, B. Koppel, T. McGee. – Honolulu. HI: Hawaii University Press, 1991. – 367 p.

Golubchikov, O. Khimki in Moscow City-region: From 'Closed City' to 'Edge City'? [Text] / O. Golubchikov, N.A. Phelps, A. Makhrova / International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World? / ed. by N.A. Phelps, F. Wu. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 177-192.

Gordon, J. Suburban Sweatshops: The Fight for Immigrant Rights [Text] / J. Gordon. – Cambridge, Mass: Belknap Press of Harvard University Press, 2005. – 384 p.

Hanlon B. Cities and Suburbs: New Metropolitan Realities in the US [Text] / B. Hanlon, J.R. Short, T.J. Vicino. – New York: Routledge, 2009. – 288 p.

Harris, R. Unplanned Suburbs: Toronto's American Tragedy, 1900 to 1950 [Text] / R. Harris. – Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 1996. – 356 p.

Harris, R. Constructing a Fault(y) Zone: Misrepresentations of American Cities and Suburbs, 1900-1950 [Text] / R. Harris, R. Lewis // Annals of the Association of American Geographers. – 1998. – № 88(4). – P. 622-639.

Harris, R. Changing Suburbs: Foundation, Form and Function [Text] / R. Harris, P. Larkham. – London: Taylor & Francis, 2004. – 296 p.

Harris, R. Meaningful Types in a World of Suburbs [Text] / R. Harris // Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society / ed. by Mark Clapson, Ray Hutchison. – 2010. – Vol. 10. – P. 15-47.

Hayden, D. Building Suburbia: Green Fields and Urban Growth, 1820-2000 [Text] / D. Hayden. – New York: Vintage Books, 2004. – 318 p.

Huang, Y. Prom Work-unit Compound to Gated Communities. Housing Inequality and Residential Segregation in Transitional Beijing [Text] / Y. Huang // Restructuring the Chinese City. Changing Society, Economy and Space / ed. by L.J.C. Ma, F. Wu. – London: Routledge, 2005. – P. 192-221.

Huchzermeyer, M. Unlawful Occupation. Informal Settlements and urban policy in South Africa and Brazil [Text] / M. Huchzermeyer. – Trenton, NJ: Africa World Press, 2004. – 275 p.

International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World? [Text] / ed. by N.A. Phelps, F. Wu. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – 312 p.

Jackson, K.T. Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States [Text] / K.T. Jackson. – Oxford: Oxford University press, 1985. – 398 p.

Janoschka, M. Condominios Fechados and Barrios Privados: The Rise of Private Residential Neighbourhoods in Latin America [Text] / M. Janoschka, A. Borsdorf // Private Cities. Global and Local Perspectives / ed. by G. Glasze, C. Webster, K. Frantz. – London: Routledge, 2006. – P. 92-108.

Khan-Magomedov, S.O. Pioneers of Soviet Architecture: the Search for New Solution in the 1920s and 1930s [Text] / S.O. Khan-Magomedov. – London: Thames and Hudson, 1987. – 618 p.

Koop, A. Town and Revolution: Soviet Architecture and City Planning 1917-1935 [Text] / A. Koop. – London: Thames and Hudson, 1970. – 312 p.

Leontidou, L. Infrastructure Related Urban Sprawl. Mega-events and Hybrid Peri-urban Landscapes in Southern Europe [Text] / L. Leontidou, A. Afouxenides, E. Kourlioros, E. Marmaras // Urban Sprawl in Europe. Landscapes, Land-use Change and Policy / ed. by C. Couch. L. Leontidou, G. Petschel-Held. – Oxford: Blackwell, 2007. – P. 71-101.

Li, Z. Tenure-based Residential Segregation in Post-reform Chinese Cities. A Case Study of Shanghai [Text] / Z. Li, F. Wu // Trans-

actions of the Institute of British Geographers. – 2008. – № 33. – P. 404-419.

Losada, H. Urban Agriculture in the Metropolitan Zone of Mexico City. Changes over Time in Urban, Suburban and Peri-urban Areas [Text] / H. Losada, J. Martinez, J. Vieyra, R. Pealing, R. Zavala, J. Cortes // Environment and Urbanization. – 1998. – № 10(2). – P. 37-54.

Mangin, W. Latin American Squatter Settlements. A Problem and a Solution [Text] / W. Mangin // Latin American Research Review. – 1967. – № 2(3). – P. 65-98.

Neuwirth, R. Shadow Cities. A Billion Squatters. A New World [Text] / R. Neuwirth. – New York: Routledge, 2005. – 352 p.

New Suburban Stories [Text] / ed. by Martin Dines, Timotheus Vermeulen. – London: Bloomsbury Academic, 2013. – 256 p.

Orfield, M. American Metropolitcs: The New Suburban Reality [Text] / M. Orfield. – Washington DC: Brookings Institution Press, 2002. – 222 p.

Palen, J.J. The Suburbs [Text] / J.J. Palen. – New York: McGraw-Hill, 1995. – 236 p.

Restructuring the Chinese City. Changing Society, Economy and Space [Text] / ed. by L. J. C. Ma & F. Wu. – London: Routledge, 2005. – 283 p.

Robinson, J. Global and World Cities. A View From off the Map [Text] / J. Robinson // International Journal of Urban and Regional Research. – 2002. – № 26(3). – P. 531-554.

Robinson, J. Ordinary cities. Between modernity and development [Text] / J. Robinson. – London: Routledge, 2005. – 204 p.

Rogler, L. Slums Neighborhoods in Latin America [Text] / L. Rogler // Journal of Inter-American Studies. – 1967. – № 9. – P. 507-528.

Simon, D. Urban Environments. Issues on the Peri-urban Fringe [Text] / D. Simon // Annual Review of Environment and Resources. – 2008. – № 33. – P. 167-185.

Simon, D. The Changing Rural-urban Interface of African Cities. Definitional Issues and an Application to Kumasi, Ghana [Text] / D. Simon, D. McGregor, K. Nsiah-Gyabaah // Environment and Urbanisation. – 2004. – № 6(2). – P. 235-247.

Sridhar, K.S. Density Gradients and Their Determinants. Evidence from India [Text] / K.S. Sridhar // Regional Science and Urban Economics. – 2007. – № 37(3). – P. 314-344.

Stanilov, K. Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989-2009 [Text] / K. Stanilov, S. Hirt. – Nairobi: UN Habitat, 2009. – 166 p.

Suburban Form: An International Perspective Paperback [Text] / ed. by B.C. Scheer, K. Stanilov. – New York: Routledge, 2005. – 272 p.

The Routledge Handbook on Cities of the Global South [Text] / ed. by S. Parnell, S. Oldfield. – New York: Routledge, 2014. – 636 p.

Tsenkova, S. Self-made Cities. Informal Settlements in the UNECE Region [Text] / S. Tsenkova, C. Potsiou, A. Badina. – Geneva: United Nations Economic Commission for Europe, 2009. – 113 p.

Wu, W. Migrant Residential Distribution and Metropolitan Spatial Development in Shanghai [Text] / W. Wu // Restructuring the Chinese City. Changing Society, Economy and Space / ed. by L.J.C. Ma & F. Wu. – London: Routledge, 2005. – P. 222-242.

Wu, W. Migrant Intra-Urban Residential Mobility in Urban China [Text] / W. Wu // Housing Studies. – 2006. – № 21(5). – P. 745-765.

Wu, F. Urban Development in Post-reform China. State, Market and Space [Text] / F. Wu, J. Xu, A.G.O. Yeh. – London: Routledge, 2007. – 368 p.

Zhimbiev, B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude [Text] / B. Zhimbiev. – London: The White Horse Press, 2000. – 121 p.

Zhou, Y.X. Economic Restructuring and Suburbanization in China [Text] / Y.X. Zhou, L.J.C. Ma // Urban Geography. – 2000. – Vol. 21. – P. 205-236.

Zhou Y. Growth on the Edge [Text] / Y. Zhou, J.R. Logan // Urban China in Transition / ed. by J.R. Logan. – Oxford: Blackwell, 2008. – P. 140-160.

Подписано в печать 03.11.2014. Формат 60×84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Georgia.
Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 11,0. Тираж: 500. Заказ № 40.

Редакционно-издательский отдел Изд-ва БНЦ СО РАН
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Бреславский Анатолий

кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник
Института монголоведения,
буддологии и тибетологии

Сибирского отделения Российской академии наук.
Сфера научных интересов: городская история, миграция населения.

Автор книги «Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991–2011 гг.)» (Улан-Удэ, 2012), один из авторов коллективных монографий «История Улан-Удэ» (Кемерово, 2012), «Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков» (Иркутск, 2011), «Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества» (Иркутск, 2013).